

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

38 2025
ЧАСТЬ II

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 38 (589) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Михаил Тимофеевич Калашников* (1919–2013), советский и российский конструктор стрелкового оружия.

Михаил Калашников родился в небольшой деревне Курья в Алтайском крае в 1919 году. Будучи семнадцатым ребенком в крестьянской семье, он с юных лет привык к труду и необходимости находить решения для сложных задач. Еще в юности он проявлял интерес к технике и механике, с удовольствием мастерил, в том числе оружие, похожее на настоящее. Будущий конструктор пытался даже создать вечный двигатель. По окончании школы Михаил поступил в железнодорожное училище, а затем работал на железной дороге.

Свои первые военные изобретения Калашников сделал еще до начала Великой Отечественной, во время службы в танковых войсках. Но со стрелковым оружием было связано лишь одно — приспособление для стрельбы из пистолета ТТ из танка. Остальные изобретения относились скорее к усовершенствованиям танковой матчасти, например одобренный самим Жуковым прибор, который измерял моторесурс танкового двигателя.

Во время Великой Отечественной войны Калашников был командиром танка в составе 216-го отдельного танкового полка и после ранения в бою в 1941 году попал в госпиталь. Там он получил возможность заняться тем, что стало делом всей его жизни, — разработкой оружия. Находясь на лечении, он впервые задумался о создании автоматического оружия, по обеспечению которым Красная армия существенно отставала от противника.

Уже в госпитале Калашников делал наброски своего первого оружия — пистолета-пулемета. Получив реабилитационный отпуск, Михаил Тимофеевич доработал оружие до опытного образца. Интересно, что помогали ему в этом мастера алтайского железнодорожного депо, где Калашников работал до армии.

В 1943 году на заседании технического совета Наркомата вооружения было решено создать новый отечественный автомат под патрон уменьшенной мощности. Калашников на начальном этапе в конкурсе не участвовал, но живо интересовался ходом испытаний. В середине 1945 года он приступил к работам над своей версией нового автомата.

В ноябре 1946 года в Коврове началась сборка первых образцов автомата. На полигонных испытаниях оружие показало хорошие результаты, и после доработок в 1947 году Михаил Тимофеевич представил первый автомат, который позже получил название АК-47. В конкурсе молодой конструктор в звании старшего сержанта обошел таких именитых оружейников, как Дегтярев и Симонов.

Первая партия автоматов была выпущена в июле 1948-го, а в апреле 1949 года Михаилу Калашникову было присвоено звание лауреата Сталинской премии I степени.

Вскоре оружие Калашникова завоевало популярность благодаря простоте конструкции, высокой надежности и доступности. АК-47 мог работать в любых климатических условиях.

Конструктивные решения, которые Калашников заложил в своем автомате, позволяли АК-47 выдерживать серьезные механические нагрузки и работать в условиях сильной загрязненности. Это обеспечило автомату сравнительную дешевизну, простоту изготовления, долгий срок службы и неприхотливость в техническом обслуживании.

АК-47 стал настоящей легендой и символом XX века. Он не только прошел проверку десятилетиями применения в различных вооруженных конфликтах, но и стал одним из самых узнаваемых образцов оружия в мире.

За свою историю автомат Калашникова претерпел множество модификаций и улучшений, которые позволили ему оставаться актуальным даже в условиях современного высокотехнологичного вооружения. Вершиной развития системы АК сегодня является автомат АК-12, стоящий на вооружении с 2018 года и отличающийся от предыдущих поколений повышенной точностью, кучностью стрельбы и улучшенной эргономикой.

С началом выпуска АК Михаил Тимофеевич переехал с семьей в Ижевск, где продолжил работу на «Ижмаше». До конца своих дней он оставался главным конструктором, начальником конструкторского бюро по стрелковому оружию НПО «Ижмаш», сегодня носящего имя великого оружейника — концерна «Калашников».

Несмотря на всемирную известность, Михаил Калашников был скромным и сдержанным человеком, полностью сосредоточенным на своей работе. Он никогда не ставил личные амбиции выше интересов страны и продолжал трудиться на благо России до последних лет жизни. Михаил Тимофеевич говорил, что его оружие предназначено для защиты Родины, и сожалел, что автомат так часто использовался в военных конфликтах.

Его преданность делу вдохновляла многих молодых конструкторов и инженеров. Калашников также посвятил много времени обучению и наставничеству новых поколений оружейников, занимался общественной деятельностью.

Михаил Тимофеевич ушел из жизни в 2013 году, но его наследие остается востребованным. Концерн, носящий имя конструктора, сегодня занимается развитием и производством новых моделей оружия, выпускает высокоточные станки, снаряжение для выполнения спецзадач, боеприпасы, гражданские суда и десятки других видов продукции.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Ершов А. А.

О понятии и сущности
исполнительной власти.....65

Киевский И. В.

Понятие и сущность договора коммерческой
концессии (франчайзинга) в российском
и американском праве 67

Кинарейкина Е. А.

Понятие судебной экспертизы и содержание
специальных знаний в уголовном процессе 71

Кинарейкина Е. А.

Объекты судебной экспертизы в уголовном
процессе.....75

Коваленко О. Ю.

Ретроспективный обзор уголовной
ответственности за мошенничество
в российском праве.....76

Копылова Ю. А.

Ответственность управляющих и иных лиц
перед юридическим лицом за причиненные
убытки.....79

Королёва А. А.

Психологические факторы дачи ложных
показаний несовершеннолетними 82

Коцоев К. А.

К вопросу о характеристике личности
женщин-преступниц 84

Коцоев К. А.

Криминологическая характеристика
рецидива женской преступности.....88

Кудратова Т. М.

Рассмотрение дел о признании сделки
недействительной и применении
последствий ее недействительности 90

Кузьмина К. А.

Следственные ошибки и их влияние
на судебные решения 92

Кузьмина К. А.

Причины совершения следственных ошибок....95

Кучеренко С. В.

Проблемы уголовно-правовой
ответственности за финансирование
террористической деятельности 98

Махмутова А. С.

Актуальные вопросы о преступлениях,
связанных с незаконным оборотом
наркотических средств или психотропных
веществ 99

Меликов Д. И.

Становление института кибербезопасности
в Российской Федерации..... 101

Назаренко С. А.

Цифровизация нотариата: электронные
нотариальные действия и перспективы
развития 102

Понетайкина А. В.

Понятие, сущность и правовая природа
конституционно-правовой категории
равенства перед законом и судом
в Российской Федерации..... 105

Пруцев В. Ю.

Правовое регулирование криптовалют
в Российской Федерации..... 108

Пунтусова М. В.

Особенности оценки относимости
и допустимости доказательств
в гражданском процессе 113

Симарова А. А.

Особенности и отличительные черты
субсидиарной ответственности участников
хозяйственных обществ в современной
России..... 115

Федоров А. И.

Историко-правовые аспекты эволюции
терроризма и современные угрозы
кибертерроризма 119

Чиркова А. Ю.

Национализация как основание
прекращения права собственности.
Проблемы применения процедуры
национализации на современном этапе 122

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

О понятии и сущности исполнительной власти

Ершов Александр Анатольевич, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В рамках настоящего исследования дано авторское определение исполнительной власти. Особое внимание уделено анализу доктринальных подходов к пониманию исполнительной власти. На основании проведенного анализа были сделаны рекомендации по законодательному закреплению понятия «исполнительная власть».

Ключевые слова: теория разделения властей, исполнительная власть, власть, законодательное закрепление.

On the concept and essence of executive power

This study provides an author's definition of executive power. Particular attention is paid to the analysis of doctrinal approaches to understanding the executive branch. Based on the analysis conducted, recommendations were made for the legislative formalization of the concept of executive power.

Keywords: the doctrine of separation of powers, the executive branch, power legislative formalization.

В соответствии с положениями ст.10 Конституции Российской Федерации государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную [1].

В рамках настоящего исследования будет рассмотрена только одна ветвь власти — исполнительная.

Понятие исполнительной власти занимает центральное место в правовых исследованиях. Если административное право углубленно изучает ее функциональную специфику и многообразие практических воплощений, то конституционное право выполняет интегративную роль, формируя системное видение исполнительной власти как единого элемента государственного механизма.

Рассмотрим доктринальные подходы к определению исполнительной власти.

Так, В. Ф. Халипов акцентирует внимание на ее институциональном аспекте, представляя исполнительную власть в виде системы органов государственного управления, функционирующих в строгих рамках Конституции и принципа разделения властей, что подчеркивает ее самостоятельность и функциональную обособленность [2].

В отличие от него, И. Д. Коротец делает акцент на функциональном назначении данной ветви власти, определяя ее как механизм, обеспечивающий практическую реализацию законодательных предписаний на всей территории

страны [3]. При этом автор особо оговаривает, что такая реализационная функция не означает подчинения законодательной власти, а свидетельствует о их равноправном и взаимозависимом сосуществовании в едином государственном механизме.

Другие исследователи отождествляют исполнительную власть с административной. Так, А. А. Алексеев и С. П. Покровский идентифицировали ее с «министерской властью», при этом такой подход содержится и в современных трудах [4]. К примеру, Д. Н. Бахрах развивает эту идею, рассматривая исполнительную власть как административную, но уже в контексте правового государства. Его подход является более комплексным, поскольку он предлагает рассматривать данное явление в двух взаимодополняющих аспектах: юридическом (как право на управление и издание властных актов) и политологическом (как комплекс публично-административных институтов и их деятельность) [5].

Такие видные специалисты в области административного права, как Ю. Н. Стариков и К. С. Бельский, вносят в понимание исполнительной власти новые существенные аспекты.

Так, Ю. Н. Стариков делает принципиальный акцент на сущностном характере управления как ядре исполнительной власти. Он определяет ее не просто как систему органов или функцию, а как деятельность по управ-

лению, тем самым смещая фокус с статики (институты) на динамику (процесс). Важнейшим элементом его концепции является также указание на подконтрольность этой деятельности другим ветвям власти, что подчеркивает ее сдержанный и уравновешенный характер в системе сдержек и противовесов [6].

В свою очередь, К. С. Бельский предлагает, пожалуй, наиболее всестороннее и структурированное определение, синтезирующее организационный, функциональный и инструментальный подходы. Он не только описывает исполнительную власть как систему органов, осуществляющую практическое управление, но и детально раскрывает ее признаки. Бельский выделяет как внешние факторы (система органов), так и внутренние (государственная служба), а также ключевые инструменты ее реализации: властные полномочия, административное принуждение и значительные ресурсы. Особо внимания заслуживает признак универсальности, который указывает на всеобъемлющий и непрерывный характер управленческого воздействия исполнительной власти [7].

Несмотря на существование, казалось бы, исчерпывающих определений, описывающих исполнительную власть как самостоятельную, универсальную и организующую ветвь, реализующую функцию исполнения законов, в научном сообществе не прекращаются дискуссии о ее природе [8]. Это находит отражение в том, что многие исследователи предпочитают давать ей определение не через сущностные характеристики, а через открытый перечень ключевых полномочий (нормотворческих, представительских, контрольных), что подчеркивает ее практическую, деятельностьную природу [9].

Данный терминологический плюрализм является прямым следствием отсутствия единой парадигмы в понимании феномена государственной власти в целом. Как справедливо отмечает А. Ф. Малый, господствующее определение власти как волевого отношения является продуктом политологического, а не юридического дискурса. Следовательно, правовая наука, вынуждена дробить его на поддающиеся нормативному регулированию компоненты: систему органов, компетенцию, процедуры и методы деятельности. Именно этим и объясняется смещение фокуса в определениях исполнительной власти с сущности («что это есть») на ее практические проявления («что она делает» и «кто ее осуществляет») [10].

Конституционная модель государственной власти строится не на абстрактно-волевой, а на строго функциональной и институциональной трактовке. Так власть предстает прежде всего как система юридически закрепленных полномочий, делегированных народом конкретным государственным органам, действующим от его имени.

Следовательно, исполнительная власть лишается метафизического ореола и определяется как строго очерченная совокупность государственно-властных полномочий. Эти полномочия реализуются специализированной и иерар-

хически организованной системой органов, созданных именно для выполнения задач государственного управления, обеспечения повседневного функционирования государства и реализации законов.

Исполнительная власть в Российской Федерации организационно представлена разветвленной и многоуровневой системой государственных органов. Такая сложная структура объективно обусловлена масштабом и многогранностью задач по реализации законов, требующих привлечения широкого круга субъектов, непосредственно исполняющих правовые предписания или обеспечивающих условия для их исполнения.

Конституционные основы данной системы заложены в ст. 110 и 77 Конституции РФ. Однако буквальное прочтение ст. 110, возлагающей осуществление исполнительной власти на Правительство РФ, является недостаточным для полной субъектной характеристики. Более точное представление дает системный анализ: ст. 77 Конституции РФ формирует принцип единства системы исполнительной власти, которая складывается из федеральных органов и органов субъектов Федерации в рамках ведения Российской Федерации и предметов совместного ведения.

Критической проблемой современной административной реформы является отсутствие законодательно закрепленного легального определения органа исполнительной власти. Данный правовой вакуум порождает терминологическую нечеткость, проблемы в разграничении компетенции и сложности в правоприменительной практике.

В целях унификации правового пространства и повышения эффективности государственного управления настоятельно необходимо восполнить данный пробел. Нами предлагается следующее определение, которое целесообразно закрепить на законодательном уровне:

«Орган исполнительной власти — это создаваемая в установленном порядке государственная организация, наделенная специальной компетенцией, государственно-властными полномочиями и организационной самостоятельностью, в задачи которой входит исполнение и обеспечение исполнения Конституции РФ, законов и иных нормативных правовых актов, реализация функций государственного управления во всех сферах жизни общества и государства с использованием присущих ей форм и методов управленческой деятельности».

Таким образом, проведенный анализ позволяет сформулировать определение исполнительной власти: это самостоятельная ветвь государственной власти, представляющая собой систему государственно-властных полномочий универсального, организующего и подзаконного характера, реализуемых специально созданной, иерархичной системой органов государственного управления в целях исполнения законов, обеспечения повседневного функционирования государства и реализации его управленческих функций посредством использования специальных административно-правовых методов.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Политологический словарь // под ред. В. Ф. Халипова. М., Высшая школа. 1999. С. 64.
3. Политология. Краткий энциклопедический словарь-справочник / под ред. И. Д. Коротец. Ростов. «Феникс». М., «Зевс». 1999. С. 488.
4. . Алексеев А. А. Министерская власть в конституционном государстве. — Харьков, 1910. — С. 120.
5. Бахрах Д. Н. Административное право: учебник для вузов. — М., 2024. — С. 8.
6. Старилов. Ю. Н. Курс общего административного права. Т. 1. М., 2002. С. 88.
7. Бельский К. С. Феноменология административного права. Смоленск, 1995. С. 24–31.
8. Большой юридический словарь / под. ред. А. Л. Сухарева, В. Д. Зорькина. М.: Инфра-М, 1999. С. 261
9. Горшкова Н. Г. Понятие и сущность механизма осуществления исполнительной власти // Актуальные проблемы правопорядка / Под ред. А. И. Бобылева, Н. А. Духно. М., 2002. С. 69. Вып. 5.
10. Малый А. Ф. Государственная власть как правовая категория// Государство и право. 2001. № 3. С. 95.

Понятие и сущность договора коммерческой концессии (франчайзинга) в российском и американском праве

Киевский Иван Владимирович, студент магистратуры

Научный руководитель: Бутенко Светлана Викторовна, кандидат юридических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье автор определяет понятие и раскрывает сущность договора коммерческой концессии (франчайзинга) по законодательству Российской Федерации и праву США.

Ключевые слова: договор коммерческой концессии, договор франчайзинга, франчайзинг, пользователь, правообладатель, франчайзи, франчайзер, комплекс исключительных прав.

В настоящее время одним из наиболее привлекательных и эффективных способов развития бизнеса в Российской Федерации и за рубежом является франчайзинг.

Этимологически слово «франчайзинг» происходит от французского термина «franchise», что в переводе означает «льгота», «привилегия», «предоставление права» [9. с. 102].

В научной доктрине определению понятия «франчайзинг» посвящено выдающееся число работ как отечественных, так и зарубежных авторов, стремящихся выработать наиболее исчерпывающую и по-своему уникальную дефиницию данного термина.

Между тем, справедливо сказать, что определение франчайзинга будет напрямую зависеть от ракурса, с которого указанное явление рассматривается, в связи с чем, сформулировать единую дефиницию крайне затруднительно, ввиду сложности и многогранности анализируемого феномена.

Во всем многообразии дефинитивных подходов, весомое число авторов под франчайзингом подразумевают форму или способ организации и осуществления предпринимательской деятельности, систему экономических отношений либо же форму делового сотрудничества.

К примеру, Е. А. Черепанова выдвигает максимально дескриптивное определение франчайзинга, пытаясь охватить весь спектр, присущих ему признаков.

С точки зрения автора, франчайзинг представляет из себя «форму предпринимательской деятельности, основанную на системе взаимоотношений, закрепленных рядом соглашений, заключающуюся в возмездном предоставлении одной стороной (организацией, имеющей, в основном, ярко выраженный имидж и высокую репутацию на рынке товаров и услуг) другой стороне (организации или индивидуальному предпринимателю) своих средств индивидуализации производимых товаров, выполняемых работ или оказываемых услуг, технологии ведения бизнеса и другой коммерческой информации, использование которой другой стороной будет содействовать росту и надежному закреплению на рынке товаров и услуг» [15. с. 23].

М. В. Шахова дает более лаконичный очерк франчайзинга, понимая под ним «способ организации и ведения бизнеса, в основе которого лежат взаимовыгодные партнерские отношения, возникающие между франчайзером и франчайзи при совместном использовании интеллектуальной собственности франчайзера» [16. с. 25].

Как форму долгосрочного сотрудничества между деловыми партнерами франчайзинг определяют американские исследователи, например, М. Мендельсон [12. с. 13], С. Спинелли, Р. М. Розенберг, С. Берли [13. с. 25].

В частности, М. Н. Титова предлагает рассматривать франчайзинг в качестве «бизнес-модели (проекта), которая осуществляется его участниками с помощью комплекса взаимосвязанных правовых средств для достижения конкретного экономического результата» [14. с. 142]. Помимо прочего, вследствие тесной корреляции с инвестиционной деятельностью франчайзинг нередко трактуется как инвестиционный механизм.

Очевидно, что сущность данных определений в большей степени носит экономическое, нежели правовое содержание. Тем не менее, неоспоримым является тот факт, что франчайзинговое правоотношение по своей природе наделено внушительной экономической составляющей.

Ряд других исследователей, рассматривая франчайзинг уже преимущественно в юридической коннотации, подходят к раскрытию его понятия через «соглашение», «договор», «сделку», «правоотношение» или же «обязательство».

Так, В. В. Витрянский и М. И. Брагинский под франчайзингом понимают «группу договорных отношений, основным условием которых является передача одним предпринимателем другому совокупности исключительных и иных прав для коммерческого использования» [6. с. 541].

К схожему умозаключению приходит и М. П. Мазепов, который характеризует франчайзинг как «сделку, в основе которой лежит договор о предоставлении в пользование неких исключительных прав» [11. с. 32].

Н. Г. Вилкова указывает, что «франчайзинг — соглашение, согласно которому франчайзер предоставляет франчайзи в обмен на прямую или косвенную финансовую компенсацию право на использование комплекса прав промышленной или интеллектуальной собственности, относящихся, главным образом, к ноу-хау и коммерческим символам, а также на получение коммерческого или технического содействия в течение срока действия контракта» [7. с. 56].

Между тем, подход, рассматривающий франчайзинг исключительно как разновидность договора, соглашения о предоставлении исключительных прав на использование объектов интеллектуальной собственности, видится узким и ограниченным.

Как справедливо отмечает А. А. Еремин, «франчайзинг является межотраслевой, многозначной категорией, и охватывает не только собственно акт передачи исключительных прав в обмен на некоторую сумму денежных средств, но и другие аспекты взаимоотношений, включая экономические процессы, организационные и технические решения» [8. с. 12].

Франчайзинг, исходя из его точки зрения, — это «правоотношение, система тесно взаимосвязанных правовых и экономических связей, форма (способ) организации

и осуществления предпринимательской деятельности, представляющая собой урегулированную нормами права целостную систему деловых отношений, реализуемых с помощью комплекса взаимосвязанных правовых средств для достижения конкретного экономического результата, основанных на договоре франчайзинга и иных сопутствующих договорных отношениях между лицом, предоставляющим комплекс исключительных и иных прав (франчайзером), и лицом, приобретающим данные права (франчайзи), в различных сферах предпринимательской деятельности (производственной, торговой, посреднической и др.)» [8. с. 12].

Указанный подход всестороннего описания франчайзинга выглядит весьма разумным и рациональным, ведь франчайзинг — сложносочиненное явление, и при его определении не совсем корректно ограничиваться сугубо юридическим или экономическим аспектом.

Стоит отметить, что в международном нормативном пространстве единое определение франчайзинга также отсутствует, так как в разных государствах франчайзинг приобрел свои специфические особенности и формы, характерные для каждой отдельно взятой страны, однако, как бы то ни было, сущность франчайзинговых отношений в разных правовых порядках предельно схожа, если не идентична.

Не лишена характерного своеобразия дефиниция франчайзинга, закрепленная в правовой системе США.

Согласно фундаментальному акту, регулиющему франчайзинговые правоотношения в США на федеральном уровне — Постановлению Федеральной Торговой Комиссии № 436 от 1978 г., «франчайзинг (франшиза) представляет собой систему длительных коммерческих отношений, возникающих из соглашения, в соответствии с которым:

- франчайзи получает право на ведение предпринимательской деятельности, а также право предлагать, продавать или распространять товары, услуги, которые идентифицированы или ассоциируются с товарным знаком франчайзера;
- франчайзи при приобретении права на франшизную деятельность обязан произвести требуемый платеж франчайзеру или его аффилированному лицу;
- франчайзер осуществляет тщательный контроль за методами работы франчайзи и оказывает ему всяческое содействие» [2].

В то же время, в силу функционирования диверсифицированной двухуровневой системы правового регулирования в США, в принятых отдельно взятыми штатами нормативно-правовых актах определение франчайзинга выглядит схожим образом, но не тождественно вышеупомянутому.

К примеру, в отличие от дефиниции, представленной в правилах ФТК, Закон Штата Калифорния «О франшизных отношениях» («California Franchise Relations Act») 1970 года определяет франчайзинг как договор или соглашение между двумя или большим числом лиц, а также

предусматривает передачу франчайзи не только товарного знака, но и других коммерческих символов, таких как фирменное наименование (коммерческое обозначение) [3].

Как уже было отмечено, отношения франчайзинга всегда опосредуются системой соглашений, в основе которых в большинстве зарубежных стран находится договор франчайзинга.

В действующем российском законодательстве понятие договора франчайзинга, как и в целом франчайзинга отсутствует. В юридической доктрине, наиболее точное, по нашему мнению, определение договора франчайзинга выдвинуто А. А. Ереминым, который рассматривает данный договор, как «комплексное соглашение между лицом, предоставляющим комплекс исключительных и (или) консультационных, обучающих и контрольных услуг (франчайзером) и иных прав, и лицом, приобретающим данные права (франчайзи) в обмен на получение платежей (роялти) при условии соблюдения бизнес-технологий и иных факторов производства (оказания услуг), установленных франчайзером в различных сферах предпринимательской деятельности (производственной, торговой, посреднической и др.)» [8. с. 17].

Отечественным прототипом договора франчайзинга является договор коммерческой концессии, выступающий основным способом легитимации франчайзинговых отношений в Российской Федерации.

Сам же термин «концессия» в переводе с латинского означает: «уступка», «разрешение», «предоставление», а термин «коммерция» с латинского языка переводится, как торговля или в привычном для нас значении — предпринимательская деятельность.

Как отмечает в своей работе С. В. Климова «введение термина «коммерческая концессия» для наименования рассматриваемого договора вместо общепринятого «франчайзинг», внесло значительную путаницу в употребление уже устоявшихся понятий, что, по всей видимости, обусловлено не только близостью данных понятий, но и желанием законодателя избежать иностранных заимствований в русском языке, стремлением утвердить самолюбное название» [10. с. 43].

Несмотря на наличие гомогенности между понятиями «франчайзинг» и «коммерческая концессия», во многих зарубежных правовых системах коммерческая концессия обладает совсем другим значением и сущностным наполнением. В США под коммерческой концессией обычно понимают соглашение между публичным и частным субъектом о предоставлении права использования недвижимого имущества [4]. Между тем, в Российской Федерации данный термин зачастую ошибочно отождествляют с концессионным соглашением.

Статья 1027 Гражданского кодекса Российской Федерации закрепляет дефиницию договора коммерческой концессии, определяя его как соглашение, в соответствии с которым одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (пользователю) за

вознаграждение на срок или без указания срока право использовать в предпринимательской деятельности пользователя комплекс принадлежащих правообладателю исключительных прав, включающий право на товарный знак, знак обслуживания, а также права на другие предусмотренные договором объекты исключительных прав, в частности на коммерческое обозначение, секрет производства (ноу-хау) [1].

Наряду с комплексом исключительных прав, по договору коммерческой концессии предоставляется право использования деловой репутации и коммерческого опыта правообладателя в определенном объеме, с указанием или без указания территории использования применительно к определенной сфере предпринимательской деятельности.

Учитывая изложенное нельзя не заметить, что в целом понятие договора франчайзинга во многом совпадает с определением договора коммерческой концессии, установленном п. 1 ст. 1027 ГК РФ.

Схожей является и сущность данных договоров, которая проявляется в передаче правообладателем (франчайзером) — компанией или индивидуальным предпринимателем, как правило, имеющим узнаваемый товарный знак и благоприятный имидж на рынке, на возмездной основе пользователю (франчайзи) комплекса исключительных прав (франшизы) с целью расширения географии сети, масштабирования бизнеса, быстрого внедрения своей продукции на новые рынки, увеличения объемов продаж, достижения роста узнаваемости бренда.

Подобная бизнес-модель позволяет правообладателю (франчайзеру) в значительной степени нивелировать количество издержек и дополнительных капиталовложений, минуя риски самостоятельного изучения незнакомого рынка и дальнейшей нерентабельности компании, наиболее экономично и эффективно развивать собственный бизнес без необходимости открытия филиалов или создания дочерних организаций.

Пользователь (франчайзи), в свою очередь, приобретает возможность использования уже апробированной, валидной бизнес-системы правообладателя (франчайзера), а также связанных с ней нематериальных активов и вправе вести предпринимательскую деятельность под именем и с использованием уникальных технологий узнаваемой на рынке компании, получив доступ к разного рода предпочтениям: концепции построения и ведения бизнеса, коммерчески ценной информации, эксклюзивным знаниям, навыкам и умениям компании-правообладателя (франчайзера), тем самым избежав значительных финансовых и интеллектуальных затрат на создание собственного бизнеса, снизив всевозможные предпринимательские риски.

Присоединяясь к франчайзинговой сети, пользователь (франчайзи) прежде всего рассчитывает на окупаемость вложенных им инвестиций и всеобъемлющую поддержку со стороны крупной компании. В ходе использования франшизы, пользователь (франчайзи), по сути,

становится с правообладателем (франчайзером) единым целым, напрямую влияя на его деловую репутацию.

Заинтересованный в обеспечении должного использования предоставленного комплекса исключительных прав, а также под страхом имидживых рисков, правообладатель (франчайзер) осуществляет контроль и регламентацию деятельности пользователя (франчайзи) посредством проведения аудиторских мероприятий, установления отчетности и определенного спектра стандартов качества.

Таким образом, контрагенты договора коммерческой концессии, вступая в правоотношения, носящие особый доверительный характер, становятся фактически взаимозависимыми партнерами, заинтересованными во взаимовыгодном сотрудничестве, дабы добиться достижения общей цели — построения высокомаржинального бизнеса, перманентно приносящего прибыль.

Наибольшее количество дискуссий в научно-правовой среде порождает вопрос правовой природы договора коммерческой концессии и его места в системе гражданско-правовых договоров Российской Федерации.

Особый субъектный состав, состоящий из коммерческих юридических лиц и индивидуальных предпринима-

телей, цели, преследуемые сторонами договора, исключительно возмездный характер, круг обязанностей по отношению к потребителям товаров, работ и услуг позволяют отнести договор коммерческой концессии к классическому виду предпринимательского договора с долей алеаторности. Наряду с этим, обозначенный договор следует охарактеризовать как консенсуальный, возмездный и двусторонне обязывающий.

Исходя из свойственной договору коммерческой концессии совокупности специфических черт, стоит отметить его явную лицензионную составляющую и отнести к группе договоров, направленных на передачу исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации.

Тем не менее, договор коммерческой концессии, несмотря на субсидиарное правовое регулирование нормами о лицензионном договоре, и содержащиеся в нем элементы различных договорных конструкций (лицензионного договора, договора аренды, купли-продажи, возмездного оказания услуг, простого товарищества), нельзя относить к категории смешанных договоров в контексте п. 3 ст. 421 ГК РФ, а стоит считать самостоятельным поименованным договором.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ: (ред. 24 июл. 2023 г.). — Режим доступа: КонсультантПлюс: справ. правовая система.
2. Disclosure Requirements and Prohibitions Concerning Franchising — 16 CFR Part 436 // Law Cornell. — URL: <https://www.law.cornell.edu/cfr/text/16/part-436> (дата обращения: 09.09.2025).
3. California Franchise Relations Act 1970 [Электронный ресурс] // Ca.gov state of California: department of corporations. — URL: <https://leginfo.legislature.ca.gov/> (дата обращения: 10.09.2025).
4. Commercial concession law and legal definition [Электронный ресурс] // URL: <https://definitions.uslegal.com/commercial-concession/> (дата обращения: 10.09.2025).
5. Решение Верховного Суда РФ от 21 мая 2014 № АКПИ13–1053 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. — М., 2024. — Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
6. Брагинский М. И. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. — Москва: Статут, 2011. — 1055 с.
7. Вилкова Н. Г. Договорное право в международном обороте: учеб. пособие / Н. Г. Вилкова. — Москва: Статут, 2004. — 509 с.
8. Еремин А. А. Франчайзинг и договор коммерческой концессии: теория и практика применения: моногр. / Еремин А. А. — Москва: «Юстицинформ», 2017. — 207 с.
9. Забелин П. Е. Соотношение договора коммерческой концессии с договором франчайзинга / П. Е. Забелин // Юрист-Правоведъ. — 2015. — № 4. — С. 102–105.
10. Климова С. В. Правовой режим франчайзинга в национальном и международном обороте: дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Климова. — Москва, 2011. — 216 с.
11. Мазепов П. Е. Правовое регулирование отношений, возникающих из сделок в сфере франчайзинга: дис. ... канд. юрид. наук / П. Е. Мазепов. — Москва, 2021. — 201 с.
12. Мендельсон М. Руководство по франчайзингу: учебное пособие / М. Мендельсон. — Москва: Сибли Интернэшнл, Инк., 1995. — 286 с.
13. Спинелли С., Розенберг Р. М., Берли С. Франчайзинг — путь к богатству. — М., ИД Вильямс, 2007. — 384 с.
14. Титова М. Н. Правовое регулирование отношений франчайзинга при осуществлении предпринимательской деятельности по законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / М. Н. Титова. — Москва, 2016. — 239 с.
15. Черепанова Е. А. Франчайзинг в России: правовой аспект: монография / Е. А. Черепанова. — Екатеринбург: Уралюриздат, 2005. — 173 с.

16. Шахова М. С. Трансформация франчайзинговой модели предпринимательской деятельности в российской экономике: дис. ... д-ра эконом. наук / М. С. Шахова. — Москва, 2022. — 359 с.

Понятие судебной экспертизы и содержание специальных знаний в уголовном процессе

Кинарейкина Екатерина Александровна, студент

Научный руководитель: Кафиатулина Алла Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

Статья посвящена исследованию судебной экспертизы как ключевого инструмента применения специальных знаний в уголовном процессе. Автор раскрывает понятие судебной экспертизы, подчеркивая её роль в установлении обстоятельств, имеющих значение для расследования и разрешения уголовных дел. Особое внимание уделяется содержанию «специальных знаний», которые лежат в основе экспертной деятельности и включают научные, технические, медицинские и иные профессиональные компетенции, выходящие за рамки общедоступных сведений. Автор рассматривает актуальные проблемы, связанные с назначением и проведением экспертиз: неоднозначность трактовки «специальных знаний», риски субъективизма, недостаточная регламентация взаимодействия экспертов со сторонами процесса. В качестве решения предлагается совершенствование нормативно-правовой базы, включая уточнение критериев отбора экспертов и стандартизацию методик исследований. Статья основана на анализе действующего законодательства РФ, судебной практики и научных трудов. Результаты исследования подчеркивают необходимость системного подхода к интеграции специальных знаний в уголовный процесс, что способствует повышению качества правосудия и защите прав участников судопроизводства.

Ключевые слова: судебная экспертиза, уголовный процесс, специальные знания, доказательства, досудебное расследование, экспертное заключение.

The concept of forensic examination and the content of specialized knowledge in criminal proceedings

Kinareykina Ekaterina Aleksandrovna, student

Scientific advisor: Kafiatulina Alla Vladimirovna, phd in law, associate professor
Ivanovo Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article explores forensic examination as a key tool for applying specialized knowledge in criminal proceedings. The author defines the concept of forensic examination, emphasizing its role in establishing circumstances critical to the investigation and resolution of criminal cases. Special attention is given to the content of “specialized knowledge,” which underpins expert activities and encompasses scientific, technical, medical, and other professional competencies beyond publicly accessible information.

The author addresses current challenges related to the appointment and execution of forensic examinations, including ambiguous interpretations of “specialized knowledge,” risks of subjectivity, and insufficient regulation of interaction between experts and legal parties. To resolve these issues, the author proposes enhancing the regulatory framework by refining expert selection criteria and standardizing research methodologies.

The study is based on an analysis of Russian legislation (the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, Federal Law “On State Forensic Expert Activity”), judicial practice, and academic research. The findings highlight the necessity of a systematic approach to integrating specialized knowledge into criminal proceedings, which would improve the quality of justice and safeguard the rights of participants in legal processes.

Keywords: forensic examination, criminal proceedings, specialized knowledge, evidence, pre-trial investigation, expert opinion.

Традиционно в процессе раскрытия уголовного дела важную роль играют специальные знания, без применения которых в области естественных, технических и других наук движение и ход расследования по уголовным делам становится невозможным, поскольку процент раскрываемости, несомненно, во многом зависит от научно-технических методов и средств. По-

этому институт судебной экспертизы на сегодняшний день является характерной частью практики уголовного судопроизводства. Заключение эксперта, будучи одним из доказательств, имеющих первоочередной характер, играющих ключевую роль, в большинстве случаев носит решающее, определяющее значение для исхода дела [7].

Уголовно-процессуальная деятельность широко использует на практике институт доказательственного права, а именно судебную экспертизу, оказывающую влияние на процесс расследования. Представляется, что одной из причин низкого качества раскрываемости преступности служит неэффективное применение результатов судебных экспертиз в ходе доказывания по уголовным делам.

В процессе раскрытия преступления, поиска виновных лиц, дознаватели, следователи должны решать определенные задачи. При назначении судебной экспертизы нужно ответить на следующие вопросы: какие вопросы должны быть поставлены перед экспертом в постановлении о назначении судебной экспертизы, к какому виду судебной экспертизы следует прибегнуть. Все это, несомненно, вызывает определённые сложности.

Хочется обратить внимание на то, что суд практически всегда отдаёт предпочтение результатам судебной экспертизы, а не другим средствам доказывания и руководствуется выводами эксперта. Поэтому результаты ее проведения имеют решающее значение для разрешения дела, однако, на практике встречаются случаи, когда эксперт не обладает должной квалификацией, что зачастую, к сожалению, приводит к судебным ошибкам.

Кроме того, имеются пробелы и противоречия в отраслевом законодательстве: в Уголовно-процессуальном кодексе РФ и Федеральном Законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», который был принят более двадцати лет назад и, как показывает практика, большинство обозначенных в исследовании проблем не решил. Как показывает практика, проблемы в части назначения и производства судебных экспертиз не нашли должного законодательного регулирования.

Изученные материалы следственной и судебной практики, к которым мы обращались, также подтверждают то, что при назначении и производстве экспертиз допускаются серьёзные нарушения норм УПК РФ, среди которых первое место занимает отсутствие соответствующего постановления о производстве судебной экспертизы, которое попросту не выносится, мотивировка назначения судебной экспертизы (далее — СЭ) также не находит своего места в постановлении следователя, и, наконец, это неправильная постановка вопросов перед экспертом.

Сегодня проблема «шаблонных», дублирующих вопросов, ставящихся на разрешение экспертов является одной из самых актуальных. Все это, на наш взгляд, влияет на результаты расследования, ведь предоставление основных материалов органами расследования не в полном объеме, дезориентирует экспертов относительно главных задач экспертизы.

Поразительный простор для мысли открывает и тот факт, что критерии оценки компетентности лиц, обладающих специальными знаниями, достоверности использования ими методик, попросту не закреплены на законодательном уровне, а проблемам, носящим теоретический характер исключительно СЭ приложили руку лишь еди-

ничные авторы, чьи работы посвящены отдельным методическим проблемам судебно-медицинского заключения.

Всё это накладывает негативный отпечаток именно на применение знаний эксперта на практике в ходе предварительного расследования, является причиной низкого качества проводимых этими лицами экспертиз, увеличения количества повторных экспертиз, увеличения сроков судопроизводства, и, как следствие, судебных ошибок.

Изложенное свидетельствует о том, что наличие соответствующих замечаний и противоречий требует переработки нормативно-правовых актов, применения новых способов использования специальных знаний, реформирования нормативно-правовых актов путем внесения предложений о насущных поправках, отыскание и нахождение способов рассмотрения назревших проблем, для наиболее эффективного применения специальных знаний в деятельности на практике.

Указанные обстоятельства подтверждают необходимость изучения судебно-медицинской экспертизы и её проблем.

Как известно, реалии настоящих дней таковы, что какой бы категории не было совершено преступление, средней тяжести, тяжкое, особо тяжкое, каждое общественно опасное деяние сложно, а порой и практически невозможно расследовать без использования специальных знаний [8]. Действительно, без применения специальных знаний в области медицины, науки, особенно при расследовании преступлений против личности нередко возникает сложность при невозможности оценки гипотез, предположений, явлений и фактов, особенно это касается запутанных дел, когда казалось бы только благодаря заключению эксперта возможно прийти к определенным итогам по делу, особенно при расследовании преступлений против личности. Важное значение для исследования здесь имеет наличие некоторого круга людей, которые обладают знаниями, носящих специальный характер для возможности разрешения этих проблем. Таким люди именуются судебными экспертами.

В качестве изначального пункта в характеристике судебно-медицинской экспертизы следует рассмотреть определения «специальные знания» и «судебная экспертиза» (далее СЭ). Судебная экспертиза исследуется не первый день и, конечно, криминалисты находят интересным понятие СЭ. Знания в медицине, биологии и в других отраслях определенной деятельности совершенствуются изо дня в день, благодаря чему происходит широкое внедрение в уголовный процесс специальных знаний. Термины «специалист» и «эксперт» находят свое правовое обоснование в ст. 57 и 58 УПК РФ и рассматриваются как специальные, свойственные ограниченному кругу лиц. Несмотря на то, что ч. 4 ст. 80 УПК РФ регламентирует понятие «специальные знания», законодатель ограничивается лишь теоретической базой, не раскрывая значение и содержание рассматриваемого термина.

Сама по себе деятельность по расследованию уголовных дел вынуждает проводить поиск следов преступ-

ления, останков, частей и выявлении деталей его совершения, обязывает проводить анализ, синтез, назначать определенные виды исследований обнаруженных и идентифицированных предметов. Для решения этой задачи, безусловно, органы дознания и следствия вынуждены обращаться к обладающим специальными знаниями субъектам, с целью определения процессуально значимых свойств объектов, документов, которые не поддаются обычному восприятию.

Несомненно, существует множество подходов к определению понятия «специальные знания», которые чтобы раскрыть, проанализировать взаимосвязь, сущность и природу судебной экспертизы, считаю важным рассмотреть.

Необходимо заметить, что понятие «специальные познания» в настоящем дне приобретает до такой степени популярное звучание, что как в теории, так и на практике оно исчерпывается аксиомно, как нечто само собой разумеющееся. Однако в содержании данного определения, бесспорно, еще остаются тонкости и неясности, что вызывает и проблемы на практике его применения в качестве одного из оснований для привлечения специалиста к участию в уголовной процесс или принятия решения о назначении экспертизы [8]. Такое мнение принадлежит Р. С. Белкину, которое на мой взгляд является справедливым.

Г. Е. Морозов, И. Л. Петрухин, Ю. Г. Корухов. Так, И. Л. Петрухин схожим образом описывают анализируемое понятие и указывают: «специальные — это те познания, которые не являются широко известными, общедоступными, не имеют массового распространения» [10]. По выводам Г. Е. Морозова, «к специальным знаниям не относятся знания общеизвестные и общедоступные, они намного глубже обычных знаний, которыми располагает каждый» [11]. Ю. Г. Корухов определяет, что специальные знания нужны для установления истины по делу, а они в свою очередь представляют собой совокупность знаний в исключительной области науки или искусства [12].

Е. Р. Россинская, сгруппировав вышеупомянутые факторы и критерии, дала наиболее широкое и точное определение специальных знаний, которое я всецело разделяю. Система теоретических знаний и практических навыков в области конкретной науки или техники, искусства, ремесла, полученных путем имеющейся специальной подготовки и профессионального опыта, необходимых для сведения на нет вопросов, возникающих в уголовном судопроизводстве, производстве по делам об административных правонарушениях служит специальными знаниями [13].

Поэтому, разделяя позицию вышеупомянутого ученого, нам представляется, что наиболее полным определением понятия можно считать следующее: знания, которые относятся к соответствующему виду деятельности (за исключением профессиональной деятельности следователя и судьи) и используются для выявления и расследования уголовных преступлений, рассмотрения уголовных дел в суде, а также для содействия расследованию и предупре-

ждению преступлений — специальные знания. Сегодня мы понимаем, что обладание наличием специальных знаний — это неперенный признак сведущего лица в уголовно-процессуальном смысле. Иначе говоря, обладание специальными знаниями является основным условием, при котором лицо вовлекается в уголовный процесс и участвует в нем в качестве эксперта или специалиста, без соответствующего объема или ограниченного объема знаний участие такого лица ставится под сомнение.

Необходимые и достаточные признаки понятия мы заметили в позиции Смирнова А. В. И Калиновского К. Б, которую нам представляется важным рассмотреть. Суть судебной экспертизы как следственного действия учеными определяется довольно точно. А именно, в проведении знающим лицом — экспертом, на основе его специальных познаний самостоятельного, независимого процессуального исследования, вызывающего потребность для доказывания обстоятельств дела с помощью экспертного заключения» [14].

С учетом сказанного, сделаем вывод, что сущность судебной экспертизы отражается в том, что это в первую очередь действие следственное, закон имеет требования в соответствии с которыми устанавливается порядок назначения ее к производству, т. е. она осуществляется в установленной законодательством форме, исследование вещественных доказательств и выявленных при расследовании преступлений предметов, их частей происходит независимо (определенный статус судебного эксперта). Исходя из этого определения сущности, думается, можно выделить следующие признаки, которые отражают уникальность экспертизы, как следственного действия:

1. экспертиза проводится лицом, сведущим в определенной области или областях знаний. Этот признак означает, что лицо имеет некую компетентность и опыт, что позволяет ему выносить суждения.
2. обоснованием назначения экспертизы является необходимость в использовании этих специальных познаний для проведения особого исследования объекта. Этот признак заключается в том, что объекты, относящиеся к УД подвергаются исследованию, в этом есть необходимость, вынуждающая следователей ставить вопросы перед экспертом, чтобы тот разрешил поставленные вопросы в заданной предметной области.
3. исследование носит самостоятельный характер. Этот признак говорит сам за себя, эксперт без принуждения, свободно формулирует выводы.
4. особая процессуальная форма экспертного исследования. Данный признак означает, что эксперт проводит свое исследование в определенных лабораторных условиях, где содержатся необходимые ему средства и способы. А результатом закрепления его доводов служит документ — заключение эксперта, составляемый в письменной форме, с учетом всех предъявляемых к нему требований.

Таким образом, окончательно возвращаясь к вопросу о том, относится ли судебная экспертиза к следственным

действиям, подытожим, что ответ на данный вопрос подтверждает официально закрепленное понятие в Федеральном законе № -73 от 31 мая 2001 «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ».

В этой связи, попробую сформулировать наиболее полное, на наш взгляд, определение судебной экспертизы. Судебная экспертиза — исследование, принять решение о проведении которого могут: следственный орган, следователь, прокурор, суд. Исследование требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла, направляет на получение достоверных ответов на вопросы, возникающие при доказывании по уголовному делу. Иными словами, оно помогает сторонам процесса проанализировать имеющиеся улики, дать свое мнение о формировании криминалистически значимой информации.

В подтверждение своей точки зрения, важно подчеркнуть, что судебная экспертиза является основной формой

применения специальных знаний в предварительном расследовании. Подводя итог, отметим, что получение новых доказательств по уголовному делу (материалов проверки), в проверке уже имеющейся информации (доказательств), следственных версий, а также в установлении причин и условий, способствовавших совершению преступлений проявляется значение судебно-медицинской экспертизы при расследовании преступлений. И оно, несомненно, велико. В результате её проведения уже на начальных этапах в распоряжении следствия и дознания вырисовывается новая информация, имеющая доказательственное значение. При этом данная информация не может быть получена иными процессуальными средствами и способами, что делает её необходимым следственным действием, с помощью чего опровергаются или подтверждаются версии происхождения. В этом и видится сущность судебной экспертизы как следственного действия.

Литература:

1. Бастрыкин, А. И. Криминалистика: учебник (уровень специалитета) / под редакцией А. И. Бастрыкина, Е. П. Ищенко, Я. В. Комиссаровой. Москва: Проспект, 2019. 616 с.
2. Лазарева, В.А., Тарасов, А. А. Актуальные проблемы уголовно-процессуального права: учебник для вузов / В. А. Лазарева [и др.]; под редакцией В. А. Лазаревой, А. А. Тарасова. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 434 с.
3. Лебедев, В. М. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса РФ в 2 ч. Часть 1: практическое пособие / В. М. Лебедев [и др.]; ответственный редактор В. М. Лебедев. — 8-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 246 с.
4. Дёмин, К. Е. О преодолении наиболее типичных экспертных ошибок при составлении заключений по результатам судебно-трасологических экспертиз / К. Е. Дёмин // Эксперт-криминалист. 2016. № 1. С. 10–11.
5. Дьяконова, О. Г. Формирование внутреннего убеждения эксперта и его влияние на экспертные ошибки / О. Г. Дьяконова // Эксперт-криминалист. 2013. № 4. С. 8–10.
6. Иванова О. В. Проблемы назначения производства судебных экспертиз / О. В. Иванова, Е. А. Антонян // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки: электр.сб.ст. по мат. 14 междунар. студ. науч.-практ. Конф. 2014. № 7 (14). С. 105–110.
7. Приходько И.А. Судебная экспертиза и судебно-экспертная деятельность: основные проблемы и пути их решения (по материалам судебной практики) / И.А. Приходько, А.В. Бондаренко, В.М. Столяренко. – М.: Международные отношения, 2023. С. 2.
8. Бутырская А.В., Шувалова А.М., Беркович О.Е. Современные реалии и исторические аспекты становления классификации судебных экспертиз в России // Российский следователь. 2021. № 7. С.3-6.
9. Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. М., 1992. Т. 2. С. 128.
10. Петрухин И.Л. Теория доказательств в советском уголовном процессе. – М., 1973. – С. 702.
11. Морозов Г.Е. Участие специалиста в стадии предварительного расследования. Автореф. канд. юрид. наук. – Саратов, 1977. – С. 7.
12. Корухов Ю.Г. Правовые основания применения научно-технических средств при расследовании преступлений. – М., 1974. – С. 17-18.
13. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном, и уголовном процессе. Изд. 3-е, перераб. и доп. М., 2013. С. 7.
14. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Следственные действия в российском уголовном процессе. СПб.: СПбГИЭУ, 2004. С.73

Объекты судебной экспертизы в уголовном процессе

Кинарейкина Екатерина Александровна, студент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

В настоящей статье проводится комплексный анализ объектов судебной экспертизы как ключевой категории в уголовном судопроизводстве. Автор детально рассматривает правовую природу и сущность объектов экспертного исследования, опираясь на нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) и федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Ключевые слова: судебная экспертиза, уголовный процесс, специальные знания, доказательства, досудебное расследование, экспертное заключение.

Objects of forensic examination in criminal procedure

Kinareykina Ekaterina Aleksandrovna, student

Ivanovo Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

This article provides a comprehensive analysis of the objects of forensic examination as a key category in criminal proceedings. The author examines in detail the legal nature and essence of objects of expert research, drawing on the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (CPC RF) and the Federal Law «On State Forensic Expert Activity in the Russian Federation».

Keywords: forensic examination, criminal proceedings, specialized knowledge, evidence, pre-trial investigation, expert opinion.

Актуальность и повышенный интерес к вопросам о предмете, объекте и задачах судебной экспертизы обусловлено тем, что до сегодняшнего времени в науке уголовного судопроизводства не сформирован единый подход к определению этих понятий.

К характеристике объекта СЭ, как определенного материального объекта примыкает Е. Р. Россинская и А. И. Галышина, которые полагают, что именно материальный объект содержит информацию, необходимую для решения поставленной следователем экспертной задачи. Действительно, здесь просматривается логика рассуждений.

Объекты судебной экспертизы в криминалистике — это материалы уголовного дела, имеющие важное значение для раскрытия преступлений. Они фиксируют факты и события, связанные с преступлением.

Невольно напрашивается вывод, что объектом судебной экспертизы может быть любой объект материального мира, имеющий отношение к преступлению и требующий для своего изучения специальных знаний.

Анализируя понятие объекта судебной экспертизы, можно заметить, что схожее определение закреплено в статье 10 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» (№ 73-ФЗ). В этой статье говорится, что объектами исследований в контексте производства судебной экспертизы, являются «вещественные доказательства, документы, предметы, животные, трупы и их части, образцы для сравнительного исследования, а также материалы дела, по которому производится судебная экспертиза». Нельзя не заметить, что в отношении живых лиц исследования могут проводиться в одинаковой мере.

И тут возникает некий диссонанс. На наш взгляд, представляется, что в приведенном перечне происходит несо-

блюдение основания классификации исходных объектов. Кроме того, исходя из законодательной формулировки, живой человек может являться объектом экспертизы, однако, представить такой объект становится сложно. В связи с этим становится понятным, что данная статья перечисляет основные объекты судебной экспертизы, которые, согласно классификации доказательств по источнику формирования, относятся к вещественным доказательствам. Однако, если принять во внимание рассматриваемую статью, Согласно этой статье, объектами экспертного исследования могут быть документы, предметы, животные, трупы и их части, а также живые люди. Необходимость экспертного исследования трупа и его частей не вызывает сомнений, поскольку оно может выявить скрытые от невооруженного глаза детали. Однако необходимость исследования живого человека не совсем ясна [3]. В статье 81 УПК РФ представлен более универсальный перечень вещественных доказательств, которые могут быть объектами экспертного исследования:

1. во-первых, это орудия преступлений, рассматриваемые как объекты материального мира, сохранившие на себе следы, отпечатки преступной деятельности, с помощью которых было совершено преступление;
2. во-вторых, это объекты, направленные на преступные действия;
3. в-третьих, это ценности, деньги и иное имущество, приобретаемое в результате совершения преступления;
4. в-четвертых, это предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела.

Исходя из вышесказанного, к объектам экспертного исследования можно отнести: 1) вещественные доказа-

тельства, закрепленные в статье 10 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» (№ 73-ФЗ); 2) образцы для сравнительного исследования, если этого требует судебное следствие. Предлагается исключить из статьи 10 ФЗ-73 словосочетание «вещественные доказательства» или заменить его на другое, более точное. Логика в том, что экспертиза предоставляет сведения и выносит заключение, которое законодатель приравнивает к вещественным доказательствам. Изучая подходы экспертов, на мой взгляд, следует обратить внимание на Н. В. Бурвикова. Н. В. Бурвиков, анализируя классификацию объектов судебной экспертизы, выделяет четыре категории: общие, родовые, специальные и конкретные. Общий объект судебной экспертизы — это материальный носитель информации о фактах и событиях, выявленных в ходе расследования. К общим предметам относятся растения, одежда, обувь, оружие, боеприпасы и множество других. Специальный или непосредственный объект экспертизы — это материальный носитель информации, предоставленный для проведения конкретного вида экспертизы с использованием специальных знаний. Разделение объектов на категории обусловлено необходимостью четкого определения компетенции специалиста в конкретной области знаний. Например, специалист по баллистике не обладает знаниями для проведения экспертизы парфюмерно-косметической продукции. Н. В. Бурвиков, рассма-

тривая понятие конкретного объекта, акцентирует внимание на его индивидуальной определенности, доступной специалисту в ходе профессионального исследования.

Подводя итог рассуждениям касаясь объекта судебной экспертизы, предлагаем следующее определение объекта экспертизы: объектом судебной экспертизы являются явления, процессы и события объективной реальности, а также следы, предметы и материальная обстановка, связанные с расследованием уголовного дела. Они отражают эти явления, процессы и события, служа источниками информации о них. Их объединяет общий признак — они являются материальными носителями информации, выступающими средством доказывания. В отличие от понятия объекта экспертизы, в современной литературе нет значительных разногласий по поводу определения предмета экспертного исследования [2].

Как отмечает Е. Р. Россинская, предметом судебной экспертизы являются обстоятельства дела, устанавливаемые в процессе уголовного судопроизводства в различных областях науки и техники, ремесла и искусства. Полагаю, что с этим утверждением, действительно, трудно не согласиться, учитывая правовую природу судебно-экспертной деятельности, можно в качестве предмета судебной экспертизы обозначить фактические данные, имеющие значение для правильного разрешения уголовного, гражданского или административного дела по существу.

Литература:

1. Бакурадзе, Н. С. Судебная экспертиза в уголовном судопроизводстве / Н. С. Бакурадзе. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 24 (314). — С. 252–255.
2. Бычкова Л. Ф. Теория судебной экспертизы: курс лекций / Л. Ф. Бычкова. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2015. 118 с.
3. Вельможко Д. Ю., Исакова Ю. И., Ковалева А. В., Родина В. А. Общая теория судебной экспертизы: учеб. пособие. — Ростов-н/Д: Аспект, 2018. — 96 с.
4. Демидова Т. В. Проблемные вопросы назначения судебных экспертиз // Вестник экономической безопасности. 2016. № 4. С. 29–32.
5. Орлов Ю. К. «Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном процессе» / Ю. К. Орлов — М., 2005, 268 с.
6. Юрова К. И., Гурин А. А. Понятие судебной экспертизы в уголовном процессе // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации. 2017. С. 91–93.

Ретроспективный обзор уголовной ответственности за мошенничество в российском праве

Коваленко Олеся Юрьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Меньшикова Наталья Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент

Владивостокский государственный университет

В статье рассматривается ход исторического развития института уголовной ответственности за мошенничество в российском праве. Цель исследования обусловлена необходимостью выработки представлений о ходе развития института уголовной ответственности за мошенничество в российском праве. Сделаны выводы о том, что длительный период развития законодательства мошенничество рассматривалось как вид кражи (а не хищения, как это предусмотрено действующем законодательством), но совершенной способом — посредством обмана. Выявлены особенности до-революционного и советского этапов развития законодательства.

Ключевые слова: уголовное право, мошенничество, кража, хищение, обман.

Retrospective review of criminal liability for fraud in Russian law

Kovalenko Olesya Yurievna, master's student

Scientific advisor: Menshikova Natalya Alekseevna, phd in law, associate professor

Vladivostok State University

The article examines the historical development of the institution of criminal liability for fraud in Russian law. The purpose of this study is to develop an understanding of the development of the institution of criminal liability for fraud in Russian law. It concludes that for a long period of time, fraud was considered a type of theft (rather than embezzlement, as is stipulated by current legislation), but committed through deception. The article identifies the specific features of the pre-revolutionary and Soviet stages of legal development.

Keywords: criminal law, fraud, theft, embezzlement, and deceit.

Мошенничество является одним из видов хищения, а его криминализация происходила в едином русле с установлением ответственности за прочие составы незаконного безвозмездного изъятия чужого имущества. Историко-ретроспективный обзор мошенничества в российском уголовном праве необходим для того, чтобы дать оценку современному пути правового регулирования указанного состава.

Русская Правда упоминаний о мошенничестве не содержала. Законодатель не рассматривал как виновное и общественно опасное завладение чужим имуществом посредством обмана или злоупотребления доверием. Сама концепция хищения только стала формироваться: многие нормы носили фрагментарный характер. Признаки хищения еще не выделялись [4, с. 14]. Законодатель традиционно уделял особое внимание формулированию уголовно-правовых запретов за посягательства на интересы государства. В основу общественной опасности посягательства была положена угроза государству или господствующему классу. Преступления же, посягающее на права и интересы других подданных, рассматривались как менее общественно опасные.

С принятием Судебника Ивана Грозного представления относительно института уголовной ответственности были трансформированы. Впервые законодатель использовал терминологию «обман» и «мошенничество», рассматривая понятия как самостоятельные способы совершения преступного посягательства. Однако виды хищения друг от друга не отграничивались. Появился уголовный запрет, устанавливающий ответственность за так называемую «ловкую кражу», в качестве которой понимались не только мошеннические действия, но и, например, совершение тайного хищения чужого имущества карманником [3].

Институт ответственности за мошеннические действия продолжил свое развитие в эпоху Петра Первого. С принятием Артикула Воинского 1715 года, впервые нормативно было указано на то, что хищение может быть совершено посредством обмана потерпевшего. Место состава было определено в главе, посвященной ответственности за ложные поступки, а не в главе, посвященной умышленным посягательствам на собственность. Несмотря на ошибки с точки зрения техники расположения состава,

само закрепление мошенничества в тексте уголовного закона было значительным прогрессивным шагом для того периода.

Более высокий уровень развития института уголовной ответственности за исследуемый состав был достигнут с принятием Высочайшего указа Екатерины Великой от 3 апреля 1781 г. «О суде и наказании за воровство различных родов и о заведении рабочих домов», где содержалась система преступлений против собственности, включающая кражу, грабеж и мошенничество. Впервые последний получил выражение в качестве самостоятельного состава. В качестве признака объективной стороны был указан обман как способ ее реализации, а сам состав был приведен в главе посягательств на собственность.

Последующее развитие института уголовной ответственности состоялось с принятием полицейского Устава или же Устав Благочиния 1782. Документ уделил особое внимание вопросам установлению уголовной ответственности за всякие противоправные обманы. Так, уголовно-наказуемый характер приобрели такие действия, как банкротство, контрабанда и обман в торговле [6]. Впервые законодатель уделил внимание обману как способу совершения преступления, обоснованно отметив, что таковой применим не только к мошенничеству, но и к прочим составам преступлений.

Большой вклад в развитие института уголовной ответственности за мошенничество внесло Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года [7]. Состав мошенничества был урегулирован отдельно как одна из форм кражи [1, с. 15]. Тем самым, в отличие от современного понимания данного состава, мошенничество отождествлялось с кражей, а не с хищением имущества, притом, что способы совершения обоих составов, как в последующем определил законодатель, все же принципиально отличаются друг от друга: в первом случае это тайное хищение, а во втором — хищение путем обмана или злоупотребления доверием.

В Уголовном уложении 1903 года развитие института продолжилось. Законодатель посчитал возможным выделить отдельную главу 33 «О мошенничестве». Сама концепция деяния мошенничества была достаточно широкой [2, с. 23].

Значительные изменения затронули уголовное законодательство в связи с крахом царской России. Идеология нового советского государства была построена на всеобщем отказе от прежних доктрин, идей и постулатов. Изменилось сама концепция преступления, которое стало пониматься как результат непримиримой борьбы противоборствующих друг с другом классов, которая может прекратиться только по итогам построения коммунизма на основе нового общества без классовых разногласий.

Первый документ, в котором приводился состав мошенничества — это декрет СНК от 5 мая 1921 г. «Об ограничении права по судебным приговорам», однако определения мошенничества в нем не содержалось [3, с. 204]. Декрет затрагивал вопросы ответственности за содеянное, отмечая, что наряду с наказанием, таким как лишение свободы или штраф, мошенники подлежали существенным ограничениям в гражданских правах.

Законодатель урегулировал мошенничество как состав преступления с принятием УК РСФСР 1922 года [8]. Преступное посягательство рассматривалось как совершение противоправного хищения чужого имущества с корыстной целью. Выделенные в законе способы хищения соответствовали современному пониманию — включая и обман, и злоупотребление доверием.

Примечательно и то, что в отличие от современных подходов, все формы собственности в советском государстве не презюмировались равными, законодатель предусматривал более суровое наказание за мошенничество (впрочем, как и за иные виды хищения) государственного имущества. Позитивной оценке, однако, заслуживает раскрытие законодателем понятия обмана как способа мошенничества. В примечании к данной статье было указано, что под обманом следует понимать сообщение ложных сведений и заведомого сокрытия обстоятельств, сообщение которых было обязательно.

Последующий законодательный акт области уголовного права — УК РСФСР 1926 года, качественно не видоизменил регулирование института уголовной ответственности за мошенничество [9].

Стабильность в юридической конструкции мошенничества сохранялась вплоть до введения в действие УК

РСФСР 1960 года [10]. Законодатель выделил два состава мошенничества, которые отличались только в зависимости от формы собственности у предмета посягательства. Если посягательство было направлено на социалистическое имущество, то оно подлежало квалификации по ст. 93 УК РСФСР, если же речь шла о личной собственности (как известно, частная собственность в советском государстве не предполагалась), то преступник привлекался к ответственности по ст. 147 УК РСФСР.

В рамках посягательства на социалистическую собственность предметом могло быть только овеществленное имущество, в то время как концепция предмета посягательства по ст. 147 УК РСФСР была шире, включая имущественные права [5, с. 54]. Нормативное регулирование сохраняло стабильный характер продолжительный период, а качественные преобразования в регулировании произошли лишь с принятием современного уголовного кодекса. УК РФ 1996 года был принят на принципиально иной основе [11]. Принятая тремя годами ранее Конституция РФ провозгласила концептуально иные основы государства. Был провозглашен отказ от административно-планового хозяйствования, право частной собственности, равенство всех форм собственности, примат личности, ее прав и законных интересов.

Таким образом, на дореволюционном этапе развития уголовного законодательства долгое время мошенничество в качестве отдельного состава не выделялось. По мере развития законодательства мошенничество стало рассматриваться как вид кражи, то есть тайного хищения чужого имущества, но совершенного особым способом — посредством обмана. Соответствующая дефиниция впервые получила закрепление в Судебнике Ивана Грозного.

В советский период мошенничество продолжало оставаться самостоятельным составом преступления, при этом оно подразделялось в зависимости от собственности, в отношении которой совершалось это деяние (государственная или личная). В УК РФ ответственность за мошенничество предусмотрена в ст. 159, также выделены специальные виды мошенничества в зависимости от сферы их совершения.

Литература:

1. Архипов А. В. История развития законодательства об ответственности за мошенничество в России // Вестник Томского государственного университета. — Право. — 2021. — № 40. — С. 12–20.
2. Бетчанова А. А., Лопашенко Н. А. История уголовной ответственности за мошенничество // Интернаука. — 2020. — № 5–2 (134). — С. 23–24.
3. Гаджиомаров Р. С. История развития законодательства об уголовной ответственности за мошенничество / Р. С. Гаджиомаров. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 49 (339). — С. 204–207. — URL: <https://moluch.ru/archive/339/75978/>. (дата обращения 19.08.2025).
4. Головачев В. И. История формирования института мелкого хищения // Интеллектуальный капитал XXI века. — 2020. — С. 41–47.
5. Меметов И. Н. История становления уголовной ответственности за мошенничество // Студенческий вестник. — 2023. — № 30–1 (269). — С. 54–55.
6. Полицейский устав 1782 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 21. СПб., 1830. С. 461–488.

7. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (документ утратил силу) // URL: <http://xn—e1aaejmenosqx.xn—p1ai/node/13654> (дата обращения 21.08.2025).
8. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР» (вместе с «Уголовным Кодексом РСФСР») (утратил силу) // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 194.
9. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР редакции 1926 года» (вместе с Уголовным Кодексом РСФСР) // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
10. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) (утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // СПС «Консультант-Плюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 18.08.2025)

Ответственность управляющих и иных лиц перед юридическим лицом за причиненные убытки

Копылова Юлия Александровна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье рассмотрены вопросы ответственности управляющих и иных лиц перед юридическим лицом за причиненные убытки в свете Обзора Верховного Суда РФ от 30.07.2025 и практике рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: юридическое лицо; органы управления; ответственность лиц, определенных в ст. 53.1 ГК РФ; ответственность за убытки; солидарная ответственность.

Создание правовых основ ответственности управляющих и иных лиц перед юридическим лицом за причиненные убытки является основополагающим. Нормы права призваны обеспечивать и регулировать правовое моделирование жизненных ситуаций посредством конструирования их в правовых нормах, то есть определяющим образом оказывать регулятивное воздействие на общественные отношения. Для этого норма права должна быть гарантирована и обеспечена механизмом государства, предполагающим реализацию различных рычагов, от понуждения до ответственности. В целях создания правовых оснований реализации норм федерального законодательства в сфере ответственности управляющих и иных лиц перед юридическим лицом за причиненные убытки приняты различные нормативно-правовые акты.

В 2014 году в связи со вступлением в силу Федерального закона «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [1] Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) [2] дополнен ст. 53.1, устанавливающей ответственность лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных органов юридического лица и лиц, определяющих действия юридического лица. Наряду с этим, указанный вид ответственности подробно детализируется в законах, регламентирующих правовое положение отдельных видов юридических лиц.

Статья 71 ФЗ «Об акционерных обществах» закрепляет нормы об ответственности членов совета директоров (наблюдательного совета) общества, единоличного исполнительного органа общества (директора, генерального директора) и (или) членов коллегиального исполнительного органа общества (правления, дирекции), управляющей организации или управляющего [3].

В названной статье предусмотрена ответственность за неразумные или недобросовестные действия этих лиц, связанные с выступлением юридического лица в гражданском обороте. За разъяснениями категорий «добросовестность» и «разумность» законодатель отсылает к Постановлению Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» [4].

Кроме этого, подробные разъяснения даны Верховным Судом РФ в Обзоре практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30.07.2025 (далее — Обзор Верховного Суда РФ от 30.07.2025, который посвящен условиям ответственности лиц, которые в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочены выступать от имени юридического лица (п. 3 ст. 53 ГК РФ), то есть руководителям юридических лиц любых организационно-правовых форм [5].

Следует обратить внимание на необходимость установления разумности действий управляющих и иных лиц (профессионализма, квалификации и применяемой

им экономической модели), поскольку невыгодные на первый взгляд сделки не обязательно свидетельствуют о конфликте интересов и нарушении обязанности добросовестного поведения. Например, о недобросовестности может говорить перечисление в пользу дочернего общества денежных средств по договорам займа, которые в последующем переводятся на счет организаций, участниками которых являются дальние родственники управляющего лица.

Особое внимание следует уделить критериям разумного (заботливого) поведения управляющего лица и его защите от претензий в результате срабатывания предпринимательских рисков или принятия не самых удачных решений. Неудачные решения, не приведшие к ожидаемому результату, не означают недобросовестность или неразумность управляющего лица, если они были обоснованными на момент их принятия. Последующее изменение планов компании не делает предыдущие решения ошибочными или противоправными. Кроме того, даже если обществу причинены убытки, управляющее лицо может избежать ответственности, если докажет, что совершенные им действия были направлены на предотвращение еще большего ущерба. Например, продажа продукции птицефабрики по цене ниже себестоимости может быть оправдана тем, что рыночные факторы и снижение цен на продукцию потребовали бы приобретения других товаров, цена которых составила бы больше половины себестоимости отчужденной продукции. При этом при определении размера взыскиваемых с управляющего лица убытков необходимо учитывать не только имущественные потери общества, но и выгода, которая была получена им благодаря действиям управляющего лица.

Аналогичные нормы об ответственности закреплены в ст. 44 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [6].

В п. 5 Обзора Верховного Суда РФ от 30.07.2025 указано: в случае присвоения корпоративных возможностей директор может быть привлечен к ответственности в виде возмещения убытков, в том числе упущенной выгоды. Упущенная выгода может иметь место и когда директор совершил сделку по отчуждению актива в состоянии конфликта интересов, вследствие чего общество недополучило прибыль.

Среди значимых судебных актов можно упомянуть определение СКЭС ВС РФ по делу «Маракуйя Глобал», в котором с директора и аффилированного общества солидарно взыскали убытки, образовавшиеся в результате недобросовестного использования коммерческих возможностей ООО «Маракуйя Глобал» и отчуждения ценного актива (товарного знака, сначала использовавшегося аффилированной структурой де-факто, а затем приобретенного за символическую сумму) [7].

Управляющее лицо не вправе самостоятельно устанавливать (изменять) размер выплачиваемого ему вознаграждения без получения согласия участников общества или совета директоров, поскольку данный вопрос отнесен

к компетенции вышестоящих органов (п. 1 и 4 ст. 40 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»).

К примеру, управляющее лицо в стоворе с другими участниками создали параллельное общество, которое стало использовать арендованное помещение и оборудование первоначального общества, а также его модель ведения бизнеса. При этом участник, подавший исковое заявление, не стал участником нового общества и заметил, что первоначальное общество утрачивает свои коммерческие возможности.

В п. 6 Обзора Верховного Суда РФ от 30.07.2025 отмечено, что присвоение этих возможностей свидетельствует о недобросовестном поведении директора и других участников, в связи с чем они могут быть привлечены к ответственности солидарно. При этом заявленный размер убытков, основанный на полученной вторым обществом прибыли, является правомерным, поскольку в силу абз. 2 п. 2 ст. 15 ГК РФ обществу должны быть возмещены убытки в размере не менее величины выгоды (прибыли), извлеченной правонарушителями при использовании активов общества.

Положения об ответственности управляющих лиц закреплены в п. 3 ст. 22.1 ФЗ «О рынке ценных бумаг» [8], ст. 25 ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» [9], в п. 3 ст. 17 «О производственных кооперативах» [10], ст. 29 ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» [11]. Верховный Суд РФ в Обзоре от 30.07.2025 последовательно указывает: руководитель юридического лица имел прямую или косвенную личную заинтересованность, если не раскрыл ее перед вышестоящим органом управления, совершил те или иные действия от имени корпорации, значит, действовал недобросовестно (со всеми вытекающими последствиями).

Руководитель не будет признан недобросовестным, если он заключал от имени юридического лица договоры на оказание юридических услуг по защите директора и должностных лиц организации в делах об административных правонарушениях. Однако необходимо, чтобы подобные или иные договоры были непосредственно связаны с защитой интересов самого общества, поддержания его имущественного положения или защиты деловой репутации. Также руководитель будет отвечать за убытки, если выплачивал премии своим заместителям в значительном размере, без какого-либо экономического или иного обоснования.

Член органа управления может отвечать за убытки, возникшие у общества вследствие неисполнения обязательств контрагентами, если директором не была выстроена надлежащая система управления обществом (создания юридического отдела, отдела закупок, бухгалтерии и т. д.), обеспечивающая проверку контрагентов. Если же у общества образовались убытки, но руководитель, придерживаясь стандарта разумного поведения, не мог их предотвратить в силу ограниченности финансов и имущества общества и невозможности привлечь дополнительное финансирование, он может избежать ответственности.

Важно упомянуть, что само по себе привлечение юридического лица к административной или иной публично-правовой ответственности не означает, что управляющее лицо обязано будет возместить убытки, и что убытки возникли именно вследствие действий (бездействия) этого лица. Например, если обществу поставлялись товары с несанкционированным использованием изображения иного правообладателя, при том, что поиском контрагентов и проверкой документации занимались другие лица (к примеру, юридический отдел компании). И, напротив, управляющее лицо будет привлечено к ответственности, если оно могло не допустить (предотвратить) совершение правонарушения или уменьшить размер санкции, но устранился от контроля за работниками, которым он делегировал свои полномочия.

Приведенный пример демонстрирует суть делегирования полномочий, распределения управленческой ответственности и обязанности осуществлять контроль за сферами делегированных полномочий. Руководитель юридического лица действительно имеет право делегировать конкретные функции и полномочия подчиненным работникам, доверять их компетентности и честности до обоснованного предела. Однако руководитель, реализовавший право на делегирование, не может устранился

от контроля за выполнением делегированных функций. При решении вопроса о его ответственности следует учитывать характер и масштаб хозяйственной деятельности подконтрольного юридического лица, фактически сложившуюся на предприятии ситуацию и т. д.

Таким образом, действующее российское законодательство о юридических лицах достаточно подробно регламентирует вопросы ответственности членов органов управления в виде возмещения убытков, возникающих вследствие ненадлежащего исполнения обязанностей.

Вместе с тем, рассматриваемые нормы рассредоточены по различным нормативно-правовым актам, регулирующим правовое положение отдельных видов юридических лиц. Это влечет за собой ситуацию, когда схожие по своей природе правовые отношения регламентируются по-разному. Однако, как показано в настоящей статье, гражданско-правовая ответственность членов органов управления разных юридических лиц (корпоративные и унитарные, коммерческие и некоммерческие) за ненадлежащее исполнение своих обязанностей имеет одинаковую правовую природу. Исходя из сказанного, видится необходимым унифицировать нормы о гражданско-правовой ответственности вне зависимости от организационно-правовой формы и вида юридических лиц.

Литература:

1. Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 19. Ст. 2304.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст.1.
4. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 10.
5. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.07.2025) // <https://base.garant.ru/412414878/> (дата обращения: 15.09.2025).
6. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.2022 № 305-ЭС22-11906 по делу № А40-96008/2021 // <https://sudact.ru/vsrf/doc/ei5xBe7WWrbY/> (дата обращения: 15.09.2025).
8. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О рынке ценных бумаг» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.
9. Федеральный закон от 14.11.2002 № 161-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 48. Ст. 4746.
10. Федеральный закон от 08.05.1996 № 41-ФЗ (ред. от 05.04.2021) «О производственных кооперативах» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 20. Ст. 2321.
11. Федеральный закон от 08.12.1995 № 193-ФЗ (ред. от 22.06.2024) «О сельскохозяйственной кооперации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 50. Ст. 4870.

Психологические факторы дачи ложных показаний несовершеннолетними

Королёва Анна Андреевна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Исследование посвящено междисциплинарному анализу тактики выявления ложных показаний несовершеннолетних участников уголовного процесса. В статье рассмотрен психологический аспект взаимодействия следователя и несовершеннолетнего в ходе его допроса. Определены психологические факторы дачи ложных показаний несовершеннолетними, проведена их классификация, раскрыто содержание каждого вида. Сделан обоснованный вывод о необходимости понимания следователем психологических факторов формирования лжи у несовершеннолетних в ходе допроса.

Ключевые слова: криминалистическая тактика, допрос, несовершеннолетние, ложные показания, психология лжи, мотивация, эмоции.

Расследование преступлений представляет собой сложную и многоаспектную деятельность, которая тщательно исследуется не только с позиции уголовно-процессуального права, но и с точки зрения криминалистики. Наука криминалистика аккумулирует теоретические положения и практический опыт правоохранительных органов в целях разработки эффективных рекомендаций тактического и методического характера, которые позволяют решать задачи расследования применительно к разным типовым ситуациям.

Одной из актуальных областей исследования в рамках современной криминалистики выступает тактика производства следственных действий с участием несовершеннолетних, ввиду своей особой сложности, обусловленной возрастными психологическими особенностями этой категории граждан.

В практической деятельности нередки случаи, когда несовершеннолетние выступают участниками уголовного процесса с разным процессуальным статусом, в качестве свидетеля, потерпевшего или подозреваемого.

Так, в 2024 г. правоохранительными органами было выявлено 21069 несовершеннолетних, совершивших преступления; зарегистрировано 26398 преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии [8]. С другой стороны, в 2024 г. 107592 несовершеннолетних были признаны потерпевшими от преступлений [2]. Таким образом, достаточно часто несовершеннолетние участвуют в уголовно-процессуальных отношениях в качестве подозреваемых (обвиняемых) и потерпевших, в связи с чем тактические рекомендации по проведению следственных действий с участием несовершеннолетних имеют важное практическое значение.

Привлечение несовершеннолетних к участию в уголовно-процессуальных отношениях в любом качестве может оказать влияние на их психику. В таких условиях несовершеннолетние могут демонстрировать несвойственное им поведение, избирать различные стратегии и механизмы защиты, в том числе выражающиеся в отказе от показаний или даче ложных показаний, что заметно усложняет работу субъекта расследования.

Тактика производства следственных действий, особенно вербального характера, включает отдельные психо-

логические рекомендации, однако в них обычно не учитывается возрастная специфика. В данном случае наиболее тактически сложным следственным действием выступает допрос, поскольку несовершеннолетние подозреваемые (обвиняемые) и потерпевшие склонны к даче ложных показаний. Поэтому к допросу, проводимому в отношении несовершеннолетних, следует применять особенные тактические приемы, учитывающие возраст ребенка, его особенности личности и рекомендации психолога, участвующего в допросе.

Для эффективного применения на практике тактико-криминалистических приемов производства допроса несовершеннолетних необходимо понимать психологический генезис ложных показаний в совокупности с особенностями личности несовершеннолетнего.

Специфика допроса несовершеннолетних обуславливается такими факторами:

- 1) меньшим, чем у взрослых, объемом знаний и жизненного опыта;
- 2) слабой способностью к сосредоточенному вниманию;
- 3) повышенной внушаемостью;
- 4) меньшим развитием аналитических навыков при восприятии и оценке воспринятого;
- 5) тенденцией к смешению реально воспринятого и воображаемого;
- 6) эмоциональностью суждений и действий.

Одним из основных психологических факторов дачи ложных показаний несовершеннолетними является наличие соответствующей мотивации.

В психологии под мотивацией понимается процесс, увязывающий воедино личностные и ситуационные параметры на пути регуляции деятельности, направленной на преобразование предметной ситуации для реализации соответствующего мотива, для осуществления определенного предметного отношения личности к окружающей ситуации [3, с. 180]. Иными словами, мотивация представлена совокупностью мотивов, обуславливающих ту или иную деятельность человека, выбор конкретных актов поведения.

Структура мотивации многосоставная, она включает различные мотивирующие факторы, которые в науке условно разделены на три класса в зависимости от иссле-

дуемого явления. Первый из них — проявления потребностей и инстинктов как источников активности при анализе вопроса о том, почему организм вообще приходит в состояние активности. Второй — проявления мотивов как причин, определяющих выбор направленности поведения, если изучается вопрос, на что направлена активность организма, ради чего произведен выбор именно этих актов поведения. Третий класс — проявления эмоций, субъективных переживаний и установок в поведении субъекта, когда необходимо выяснить, как осуществляется регуляция динамики поведения [5, с. 147].

В рамках настоящего исследования нас в большей степени интересуют два последних класса мотивирующих факторов, поскольку они проявляются при формировании и представлении ложных показаний во время допроса.

Важно отметить, что мотивация лжи во многом зависит от конкретного возраста несовершеннолетнего. Так, среди мотивов, побуждающих детей младшего возраста ко лжи, выделяют следующие:

- 1) защита себя (избегание наказания, выход из неприятной ситуации);
- 2) защита других (взятие чужой вины на себя, укрывательство и т. д.);
- 3) стремление приобрести что-либо для себя (материальная выгода, любовь, внимание и т. д.);
- 4) стремление унижить другого (мечь, корысть, зависть, ненависть) [1, с.68].

Мотивация лжи у несовершеннолетних подросткового возраста заметно отличается, что обусловлено формированием общей мотивации, не связанной с ложью, но свойственной подростковому возрастному периоду. Так, к ведущим мотивам подростков обычно относят стремление быть или казаться взрослым, обособиться, оградить свой внутренний мир от взрослых, иметь друзей [7, с.351]. Общая мотивация во многом предопределяет и мотивы лжи у подростков.

Так, согласно эмпирическим данным современных психологических исследований, среди мотивов лжи подростков наиболее часто встречаются следующие: ложь с целью защиты товарища; оправданная ложь; желание не создавать неловких ситуаций. Наименее встречающимся мотивом выступает ложь с целью избегания унижения, стыда [6, с. 50].

Литература:

1. Баранов А. А. Взаимосвязь личностных качеств и склонности к искажению информации у детей младшего школьного возраста // Молодежь. Наука. Современность: VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под ред. Г. Н. Ливенской. Ижевск, 2021.
2. Количество несовершеннолетних потерпевших, 2024 // ЕМИСС. — URL: <https://fedstat.ru/indicator/36198> (дата обращения: 09.04.2025).
3. Макарова И. В. Общая психология: учебник для вузов. М., 2025.
4. Нуркова В. В., Березанская Н. Б. Общая психология: учебник для вузов. М., 2025.
5. Общая психология. Введение в общую психологию: учебник для вузов / под науч. ред. Д. А. Донцова, З. В. Луковцева. М., 2025.

Среди психологических факторов дачи ложных показаний несовершеннолетними не менее значимую роль играют эмоции. В психологической литературе эмоция определяется как психическое отражение в форме непосредственного пристрастного переживания отношения явлений и ситуаций к актуальным потребностям [4, с. 228].

Несовершеннолетние в меньшей степени способны скрывать и контролировать испытываемые эмоции, особенно в острых стрессовых ситуациях, которые формируются в том числе при производстве следственных действий.

В ходе допроса несовершеннолетние, как правило, испытывают яркие негативные эмоции: страх, стыд, гнев, общий психологический дискомфорт, отчаяние. Поэтому эмоции несовершеннолетнего обязательно должны быть учтены при применении субъектом расследования тактических приемов допроса.

В частности, следователь должен соблюдать все этические требования к производству допроса несовершеннолетнего, а именно не провоцировать острые эмоциональные состояния допрашиваемого, даже в целях выяснения истинных обстоятельств и получения правдивых показаний. Особенно это касается ситуаций, когда несовершеннолетний является потерпевшим от преступления. Тактичность и этичность должны быть в приоритете у следователя при формировании вопросов и тактики его поведения.

Суммируя изложенное, мы приходим к выводу о том, что психологические факторы дачи ложных показаний несовершеннолетних разнообразны. К первой группе таких факторов отнесены мотивы дачи ложных показаний, которые различаются в зависимости от конкретного возраста несовершеннолетнего допрашиваемого. Ко второй группе значимых психологических факторов отнесены эмоции, поскольку в процессе допроса эмоциональная сфера психики несовершеннолетнего страдает больше всего. При планировании и непосредственном производстве допроса несовершеннолетнего следователь должен учитывать возраст, особенности развития личности, а также мотивы и эмоции допрашиваемого. Это повысит эффективность следственного действия, поможет правильно определить тактические приемы для выявления ложных показаний, соблюсти этические нормы.

6. Орестов Р. О., Медведева И. А. Исследование феномена лжи у подростков старшего школьного возраста в странах: России и США // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 87–3.
7. Ошланова А. В. Лживость как характеристика акцентуации подростка // Актуальные вопросы психологического состояния общества как фактора общего благополучия: сборник материалов II Межрегиональной научно-практической конференции / отв. ред. Э. А. Пирмагомедова. Махачкала, 2021.
8. Состояние преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2024 г. // Официальный сайт МВД России. — URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 09.04.2025).

К вопросу о характеристике личности женщин-преступниц

Коцоев Кирилл Асланович, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В настоящей статье проводится криминологический анализ личности женщин преступниц, приводится классификация различных типов личности преступниц.

Ключевые слова: женская преступность, криминологический анализ, личность.

Characterization of the personality of women criminals

Kocoev Kirill Aslanovich, master's student
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

This article provides a criminological analysis of the personality of female criminals and a classification of different types of female criminals.

Keywords: female crime criminological analysis personality.

Ученые криминологи пристально изучают проблему виктимности женской преступности, а также виктимологической профилактики женской преступности на практике. Дело в том, что женская преступность имеет двойственную природу. Конечно, если рассматривать общую структуру преступности, то можно выявить тенденцию, свидетельствующую о том, что именно мужская преступность занимает главенствующую позицию, статистика сегодняшнего дня показывает, что на одну женщину преступницу приходится 6 мужчин, однако показатели официально зарегистрированных преступлений иллюстрируют небольшой, но все-таки рост преступлений среди женщин.

Женская преступность имеет одну характерную особенность, а именно высокую степень общественной опасности, причем связанную не с конкретным вредом в момент совершения преступления, а связанная последствиями, возникающими после совершения преступления.

Если рассматривать женскую преступность с точки зрения виктимологического аспекта, то можно выделить три основных вида исследования предмета виктимологической науки:

- в виктимологическом смысле женщина, которая совершила преступление выступает одновременно в качестве жертвы.
- как правило в преступлениях, которые совершают женщины активную виктимную роль играют потерпевшие

– уровень общественной опасности последствий преступлений, совершенных женщинами всегда значительно выше в сравнении с другими видами преступности.

В данном случае речь идет о виктимологической составляющей цены преступности [11].

Необходимо коротко проанализировать каждый из тезисов

– Изучая происхождение женщины преступницы становится ясно, что в некоторых категориях преступлений, изначально женщина, выступающая в роли виновного, лицо была жертвой. Исследования, проводимые в одной из колоний общего режима, продемонстрировали небольшой процент женщин, которые согласились с размером срока за совершенное преступление, тогда как 78,1 % свою вину не признали. В рамках проводимого криминологического исследования заключенным задавался перечень вопросов таких как «Имела ли место провокация со стороны потерпевшего на преступление, за которое вы осуждены?», «Считаете ли Вы что совершили преступление только по своей вине?», «Могли ли окружающие Вас люди оказать Вам помощь и тем самым предотвратить преступление?»

Из 100 % опрошенных женщин 65,7 % показали, что именно объективные обстоятельства лежат в основе их преступного поведения [12]. К ним относятся равнодушие со стороны близких родственников и органов государственной власти, уязвимость трудовых прав, многие

заявили, что подверглись увольнению по причине беременности, трудности в воспитании ребенка и поддержке их высокого уровня жизни и т. д.

В виктимологическом контексте таких женщин считают жертвами, поскольку равнодушие со стороны других членов общества толкнуло их на противоправные действия и делинквентное поведение.

Рассматривая проблему роста тяжких и особо тяжких преступлений среди женщин, следует отметить, что здесь прослеживается очень четкая тенденция перехода женщины из статуса жертвы в статус преступницы

М. В. Баранчикова и Д. А. Эрте выделяют следующие типы женщин жертв в ситуациях домашнего насилия [10]. Криминологи определили четыре типа жертв:

- универсальный тип, этот тип характеризуется тем, что он наиболее подвергнут процессу виктимности, как правило это женщины, которые ведут асоциальный образ жизни, страдают различным паталогическими зависимостями (такими как алкоголизм и наркомания), для них характерна грубость и агрессия с окружающими
- избирательный тип для данного типа характерно стечение тяжелых жизненных обстоятельств (например, тихая женщина испытывает на себе «абьюз» со стороны мужчины)
- ситуативный тип (женщина попадает в ситуацию, с которой она не в силах справиться, эти женщины обладают средним типом виктимности)
- случайный тип (такие женщины обладают стойким характером устойчивым к эмоциям, а триггером для совершения преступления становится конфликтная ситуация)

Следует отметить, что женщины универсального типа сами могут стать в будущем агрессорами, данный тип обладает высокой степенью перехода женщины из статуса жертвы в статус преступницы. Если говорить о профилактических мерах, то следует отметить, что в сфере семейно-бытовых отношений на данном этапе развития практики имеется острая необходимость [6]. Именно уязвимость потенциальных женщин преступниц в домашней сфере способствует возникновению у них противоправного поведения в последствии.

– Второй тезис, на который необходимо обратить внимание вытекает из первого, в данном случае можно говорить об инверсии ролей как правило жертвами преступного поведения женщины становятся их близкие (мужья, сожители), люди, которые ранее сами проявляли к ним агрессивное поведение.

Ученый криминолог Г. Й. Шнайдер связывал процессы криминализации (становление преступника) и виктимизации (становление жертвы), называя их процессами социального взаимодействия [7].

Наряду с мужчинами, высокой степенью виктимизации от преступного поведения женщины обладают несовершеннолетние, как правило новорожденные, современная статистика показывает, что каждый третий пострадавший от преступления женщины несовершеннолетний [8].

Асоциальное поведение, низкий уровень жизни, невозможность прокормить своего ребенка, отказ отца от участия в воспитании и содержании своего ребенка все это проблемы профилактического свойства, наряду с ними существует и целый спектр проблем процессуального характера. Как правило при квалификации убийства матерью новорожденного ребенка не учитывается мотив, произошедшая ситуация списывается на неустойчивое эмоциональное состояние женщины, пребывающей в послеродовой депрессии, но никто не обращает внимание на умысел, направленный на лишение жизни ребенка, который сформировался у женщины еще до того, как у нее родился ребенок. В связи с этим напрашивается следующий вывод, что необходимо законодательно закрепить обязательство следователя при расследовании такого вида преступлений и выборе тактики расследования детально устанавливать мотив совершенного преступления, а этот состав преступления исключить из перечня привилегированных составов и перевести его в разряд умышленных особо тяжких преступлений, повысив за его совершения срок лишения свободы.

Следует также осветить такой криминологический показатель как цена преступности, некоторые криминологи, такие как З. А. Астемиров выделял две составляющие цены преступности:

- совокупный вред, который причиняется всей преступностью, либо отдельными ее составляющими
- экономические издержки, которые несет государство в рамках борьбы и противодействия преступности [5].

Ф. Х. Байчорова в своей работе «Формирование личности женщины криминогенного типа» рассматривает мотивации женщин, совершивших насильственные и корыстно-насильственные преступления. Преступные мотивации она рассматривает на примере убийства, Байчорова к преступным мотивациям применяет личную классификацию

1. Корыстная мотивация связана с желанием иметь средства для удовлетворения своих потребностей
2. Хулиганские мотивы, связанные с грубым неуважением к обществу
3. Ревность и зависть
4. Месть

Для преступлений, мотивом которых является корысть автор приводит следующую классификацию

1. Желание иметь спиртное (наркотические средства или средства для их приобретения)
2. Необходимость иметь средства для жизни
3. Под влиянием окружения
4. Желание выглядеть на фоне других не хуже

Автор выделяет три основных типа преступниц в данной категории преступлений. К ним относится женщина, впервые осужденная за грабеж, разбой, для подобно вида преступниц как правило характерно девиантное поведение еще до совершения преступления, женщины, неоднократно судимые за совершение раз-

боев и грабежей, злостные преступники рецидивистки, которых прослеживается устойчивая модель антиобщественного поведения и взглядов [4].

Позиция, изложенная автором в своей работе, представляется чересчур радикальной, так как анализ статистики за последние 5 лет показывает, что насильственные преступления совершают женщины так называемого случайного типа, бывшие жертвы домашнего насилия, которые долгое время терпели унижения и издевательства, их преступления часто сопровождаются наличием состояния аффекта. Такие женщины совершают плавный переход из состояния жертвы в состояние преступницы.

Некоторые авторы, такие как А. С. Вяткина, проводя свое криминологическое исследование, попытались составить социально-психологический портрет женщины-преступницы, он выглядит следующим образом:

- городская жительница
- 25–30 лет
- одинокая
- детей не имеющая
- имеющая среднее образование
- склонная к патологическим зависимостям (алкоголь, наркотики)
- Замеченная ранее в проявлении антиобщественного поведения

Руководствующаяся в своем преступном поведении корыстными мотивами.

В своей научной статье в конце авторы делают вывод, среди женщин в последнее время нарастают корыстные побуждения [3].

Невозможно не согласиться с мнением о том, что в преступности как правило определяющим первостепенным мотивом становится корысть. При этом научные исследования, посвященные женской преступности, показывают обоснованность составляющих социально-психологического портрета женщины-преступницы, выявленных авторами научных публикаций.

В последнее время наблюдается рост пенитенциарной преступности среди женщин, данный вид преступлений особенно опасен, так как носит рецидивный характер. В женских колониях растет год от года число спонтанных преступлений, связанных с насилием, таких как причинение вреда здоровью различной степени тяжести, убийства и т. д., данный фактор подтверждает мнение ученых о том, что женщина наряду с мужчинами проходит психологическую деформацию личности, связанную прежде всего с изоляцией ее от общества. Такой вид преступлений обусловлен еще и особенностями личности женщин их нравственными, культурными и другими характеристиками.

Следует уделить этому вопросу более детальное внимание.

Личностные характеристики женщины-преступницы подвергаются изменениям в местах лишения свободы, это связывают с образовательным, религиозным и другими [1]. Как правило в местах лишения свободы отбывают наказания женщины, которые совершили квалифи-

цированные виды тяжких и особо тяжких преступлений. Совершение такого рода преступлений говорит об уровне антиобщественного поведения. Именно от соотношения уровня антиобщественного поведения и социальных норм зависит типология личности женщин-преступниц.

В структуру личности женщины, отбывающей наказание, как правило включаются социально-демографические, криминологические, культурно-нравственные и уголовно-правовые признаки, социально-психологические, индивидуально-психологические и биологические характеристики [2]. Такие элементы как социально-демографическая и социально-психологическая характеристики определяют причины возникновения у женщины преступного поведения. Они являются основой личности женщины-преступницы. В том числе они отвечают за степень антиобщественного поведения женщины. Насстоящая закономерность работает следующим образом, чем больше у преступницы девиантных наклонностей, тем большее развитие они могут получить, развиваясь в среде, где преобладает большое количество женщин со схожим поведением.

Стоит также определить момент возникновения антиобщественного поведения, (было ли это нормой или нет, например, дочь жила с родителями, у которых было в порядке вещей проявлять маргинальное поведение), или женщина пошла на преступление в целях защиты себя. Среди женщин, совершивших особо тяжкие преступления, преобладает процент женщин, которые пережили домашнее насилие. В своих исследованиях А. В. Кисляков определил конкретные условия для совершения преступления, к ним он относит такие факторы как микросреда, в которой формируется личность- (микросредой в исправительной колонии служат уголовные традиции и обычаи), поток информации, сформированные негативные ориентиры, информация о режиме исправительного учреждения, личностные особенности-возраст, наличие судимостей, наличие авторитета в преступной среде, тюремный «стаж», наличие психических заболеваний и т. д. [13], ситуация располагающая к совершению конкретного вида преступлений возникает из-за слабого осуществления контроля со стороны администрации колонии, неудовлетворительного состояния технических средств наблюдения за заключенными и т. д.

Необходимо понимать, что, оказываясь в исправительных учреждениях, женщина, как правило имеет сформированную личность и определенные психологические установки, которые были заложены еще до совершения ею преступления. То есть если до момента совершения преступления женщина легко поддавалась чужому или общественному мнению, была забитой, не имела возможности за себя постоять, или отстоять свою точку зрения, оказавшись в среде радикально настроенных преступниц, вероятным будет, то что она начнет перенимать их манеру поведения, будет стараться соответствовать тюремным традициям и законам, сложившимся в таком обществе правилам поведения, в том числе такая женщина вполне

возможно может стать членом различных преступных групп, так как они могут подавить ее личность.

Необходимо определить типы женщин- серийных убийц и их классические мотивы. Первый тип- «черные вдовы», в поведении такого типа лежит корыстный мотив. Серийность их преступлений связана с физическим устранением лиц, которые мешают получить женщине материальную выгоду. Как правило их жертвами становятся мужа и близкие родственники, способом убийства они выбирают отравление, удушение, либо же просто становятся организаторами убийства- заказчицами.

Второй тип принято называть «ангелы смерти», очень часто у таких женщин прослеживается «синдром Мюнхгаузена» (они симулируют заботу, сострадание, с целью расположить к себе будущую жертву). К такому типу убийц относят медицинских сестер, социальных работников, опекунов и т. д.

Для третьего типа «женщин-серийниц» мотивом совершения преступления становится месть, однако характерным отличием становится то, что женская месть направлена исключительно на обидчиков женщины. В следственной практике встречаются случаи, которые не укладываются в общую теорию, так, например, в 2002 году было совершено убийство, неизвестный подбегал на остановке к потерпевшим и одним движением перерезал им горло, все эпизоды были объединены в одно производство, члены СОГ считали, что все преступления совершает мужчина, на это указывало множество факторов таких как обезличенное нападение, отсутствие корыстного мотива, но в ходе следствия было установлено, что эти преступления совершала молодая девушка.

Многие криминологи считают, что есть факторы, которые формируют личность преступника, к ним от-

носят асоциальный образ жизни, низкий уровень образования, тяжелые жизненные ситуации и финансовые затруднения. Однако, выдающийся российский криминолог Я. И. Гилинский, в своей книге «Криминология постмодерна» решительно критикует эту позицию, утверждая, что никто никогда не назвал ни одного личностного качества присущего только преступнику, он пишет о том, что все или почти все взрослые люди совершали в своей жизни действия, которые в уголовном законе именуются преступлением и призывает отказаться от этого термина [14].

Но необходимо опереться на все точки зрения, так большинство криминологов считают, что такой термин как личность преступника существует. Исходя из этого можно предложить следующие меры противодействия формированию личности преступницы, такие как укрепление виктимологической профилактики, оказание более тщательной помощи женщинам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, а также профилактическая работа с жертвами женщин преступниц.

Исходя из анализа типов личности женщин преступниц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, следует, что они делятся на четыре типа: агрессивный, заинтересованный, спланированный и случайный, наименее опасным для общества и более склонным к исправлению является случайный тип личности, для таких женщин противоправное поведение не является нормой, а только ситуацией, в которую они попали и не смогли с ней справиться. Необходимо для лучшей реабилитации таких женщин изоляция их от трех других типов личности, так как именно они мотивированы на совершение преступлений и могут оказывать пагубное влияние на случайный тип личности.

Литература:

1. Шурухнов Н. Г. Личность пенитенциарного преступника// Социологические исследования 1993. № 3. С.74
2. Максимова Э. Р. Криминологическая типология личности осужденных женщин, совершающих насильственные преступления в исправительных колониях// Юридическая наука и практика: Вестник академии МВД России- 2015- № 1. С.269
3. Вяткина А. С. Образ современной женщины- преступницы/ А. С. Вяткина// Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018
4. Байчорова Ф. Х. Формирование личности женщины криминогенного типа/ Ф. Х. Байчорова// Тенденции развития науки и образования. 2018 № 35–1. С.38
5. Астемиров З. А. Криминология. Курс лекций// Махачкала: ИПЦ ДГУ 2002 С.71
6. Майоров А. В. Противодействие преступности виктимологический аспект// Законность и правопорядок, 2019. № 1 С.10
7. Шнайдер Г. Й. Криминология М., 1994. С.349
8. Кононыхина Т. С. Виктимологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых женщинами (Региональный аспект)// Всероссийский криминологический журнал, 2021. Т.15 № 6. С.709.
9. Грудинин Н. С. Статистические показатели женской преступности в Российской Федерации и столичном регионе//Закон и жизнь 2018 год, № 4. С.62
10. Баранчикова М. В., Эрте Д. А. Виктимологические особенности женщин как жертв семейно-бытового насилия
11. Гаджиева А.А. Виктимологические аспекты женской преступности: постановка проблемы – Текст: электронный// NovaInfo, 2019. №104. С.48
12. Грудинин Н.С. Статистические показатели женской преступности в Российской Федерации и столичном регионе//Закон и жизнь 2018 год, №4. С.62

13. Кисляков А.В. Организованная преступность в тюрьме и ее предупреждение// Реагирование на преступность: концепции, закон, практика М., 2002 С.173
14. Гишинский Я.И. «Криминология постмодерна»// Издательство «Алетейя» 2021 С.31

Криминологическая характеристика рецидива женской преступности

Коцоев Кирилл Асланович, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В настоящей статье проводится криминологический анализ причин рецидива женской преступности. Выделяется несколько детерминантных групп рецидива преступности, оказывающих влияние на возникновение повторной мотивации к совершению насильственных преступлений.

Ключевые слова: криминологический анализ, детерминанты, рецидив, женская преступность.

Criminological characterization of female recidivism in criminal activity

Kocoev Kirill Aslanovich, master's student
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

In the presented article the research of topical issues related to the determination of determinants of recidivism violent female criminality is carried out. Several groups of determinants that influence the emergence of recurrent motivation to commit criminal acts are identified.

Keywords: crime study, determinants, relapse crime women.

Рецидивная преступность представляет наибольший уровень общественной опасности. Связывается подобное с тем, что сам факт рецидива демонстрирует отсутствие влияния примененных ранее к осужденному за совершение преступления мер уголовной ответственности. Именно по этой причине важно, что такая наука, как криминология, выявляла причины подобной неэффективности, оказывающие влияние на возникновение повторной мотивации в совершении преступления. В особенности важными такие исследования представляются в отношении насильственных преступлений, так как даже в первичном порядке они уже влекут за собой высокий уровень общественной опасности, не свойственный многим другим, менее тяжким категориями преступных деяний.

Рецидив женской насильственной преступности обладает особым интересом для научных исследований. В первую очередь, такой интерес предопределяется существенным количеством отличий в различных аспектах криминологической характеристики насильственных рецидивных преступлений, совершаемых лицами мужского и женского пола. Вопреки ошибочному мнению, которое можно встретить в ряде современных работ [5].

мужчины и женщины по-разному проявляют себя в различных криминальных ситуациях.

Несмотря на общую положительную тенденцию сокращения преступности уровень рецидива преступлений в 2023–2025 гг. остается высоким, так в 2023 г. повторные деяния среди лиц, привлеченных к уголовной ответственности составили 50 % всех преступлений из них— 25 %

составляют женщины [9]. В 2024 году этот показатель составил 51,8 % +1,8 % [7]. По данным за январь — февраль 2025 года доля преступлений, совершенных повторно составила 57 % [8].

В криминологии авторами принято выделять три большие группы причин, оказывающих влияние на формирование преступного поведения и преступных мотиваций:

- тенденции развития общества, как внутри конкретного государства, так и в масштабах всего мирового сообщества, что особенно актуально в условиях глобализации и информатизации;
- законы развития преступности внутри государства, конкретного региона, населенного пункта и т. п.;
- личностные факторы, наличие которых характерно для ограниченной категории лиц, объединенных наличием какого-либо психологического расстройства, психического заболевания и т. п.

На современном этапе в Российской Федерации происходят значительные изменения в общественной жизни, которые, по большей части, приводят к положительным последствиям. Несмотря на это, отдельные перемены могут негативно сказываться на жизни конкретных субъектов, что в том числе находит свое выражение в формировании преступной мотивации. В частности, постоянно возрастающие общественные потребности могут привести к тому, что отдельные индивиды, ввиду невозможности нахождения ненасильственного способа их удовлетворения, будут вынуждены прибегать к преступной

деятельности, в том числе уже после отбытия наказания за насильственное преступление.

В качестве одного из детерминантов исследуемого вида преступности принято рассматривать ненадлежащую работу правоохранительных органов, направленную на предупреждение семейно-бытовых преступлений. В отдельных исследованиях можно встретить мнение о том, что на сегодняшний день органы внутренних дел осуществляют недостаточный контроль за семьями, находящимися в проблемном социальном положении, на которые регулярно поступают жалобы со стороны граждан. В особенности данная проблема касается деятельности участковых уполномоченных, которые, уже ввиду несовершенства положений действующего уголовно-процессуального законодательства, зачастую не могут предпринять необходимых действий в рамках проверки сообщений о преступлениях, связанных с насилием внутри семьи, если отсутствует заявление со стороны лица, получившего вред здоровью в результате совершения над ним насильственных действий. Все это впоследствии приводит к совершению уже насильственных преступлений, за которые предусмотрена уголовная ответственность, в том числе и рецидивных [2].

Е. Г. Телегина в своем исследовании отмечает, что в последние несколько лет значительное влияние на распространение рецидивной насильственной женской преступности оказывает формирование криминальных субкультур и отсутствие надлежащей борьбы с ними со стороны государства. По мнению автора, именно подобное положение дел способствует не перевоспитанию осужденных к лишению свободы женщин, а, наоборот, формированию позитивного отношения к криминальной деятельности как таковой [4].

Представляется возможным согласиться с точкой зрения Е. Г. Телегиной, действительно, сегодня в нашем государстве можно наблюдать существование множества

криминальных субкультур. Несмотря на то, что на законодательном уровне были предприняты попытки борьбы с их распространением, в том числе посредством запрета пропаганды отдельных вредоносных идей, романтизирующих криминальный образ жизни, обозначенная проблема по-прежнему имеет место. Само собой, подобные субкультуры, в которые вовлекаются в том числе и женщины, осужденные за совершение насильственных преступлений, неизбежно приводят к нормализации в их сознании преступной деятельности, неуважению к обществу и закону, что в последствии уже оказывает свое влияние на принятие повторного решения о совершении преступного деяния.

Все это формирует у несовершеннолетнего лица моральные ориентиры, отрицающие необходимость соблюдения законодательных норм, а также принимающие насилие в качестве нормального средства обращения с другими людьми. К слову, достаточно часто такое насилие проявляется женщинами уже по отношению к собственным детям. Не редко оно используется в качестве «воспитательной» меры, приводя к общественно опасным последствиям [3].

Таким образом, на сегодняшний день криминологические исследования подтверждают, что рецидивный характер женской насильственной преступности детерминируется не только неэффективностью деятельности государственных органов, перед которыми ставятся задачи по реализации деятельности, направленной на предупреждение и пресечение преступлений, но и иными факторами. В частности, существенное влияние на рост данного вида преступности оказывает общий ход развития общества, который может приводить к появлению преступных мотиваций. Кроме того, не следует исключать из детерминантов криминальную наследственность, которая может обладать как генетическим, так и социальным характером.

Литература:

1. Куцурова, Д. И. Семейно-бытовое насилие и его концептуальные основы минимизации на законодательном уровне / Д. И. Куцурова // Международный научно-исследовательский журнал. — 2022. — № 6–5. — С. 158–160.
2. Осипян, Н. Б. К вопросу об особенностях женской преступности / Н. Б. Осипян // Психология и право. — 2020. — № 2. — С. 11–21.
3. Расулов, И. А. Женская насильственная преступность: криминологический анализ / И. А. Расулов // Молодой ученый. — 2021. — № 7. — С. 132–135.
4. Телегина, Е. Г. Факторы, детерминирующие насильственно-преступное поведение лиц женского пола / Е. Г. Телегина // Проблемы правоохранительной деятельности. — 2023. — № 2. — С. 70–73.
5. Шикула, И. Р. К вопросу семейно-бытового насилия в отношении женщин / И. Р. Шикула // Теоретические и методологические проблемы современных наук. — 2020. — № 1. — С. 144–145.
6. Шоткинов, С. А. Насилие и агрессия как важнейшие детерминанты женской преступности // Устойчивое развитие: исследования, инновации, трансформация. — 2022 С.148–151.
7. Отчет о состоянии преступности за январь-декабрь 2024 г. Министерства внутренних дел Российской Федерации // <https://мвд.рф> (дата обращения: 31.03.2025).
8. Отчет о состоянии преступности за январь-февраль 2025 г. Министерства внутренних дел Российской Федерации // <https://мвд.рф> (дата обращения: 09.04.2025).
9. Отчет о состоянии преступности за январь-декабрь 2023 г. Министерства внутренних дел Российской Федерации // <https://мвд.рф> (дата обращения: 16.09.2025).

Рассмотрение дел о признании сделки недействительной и применении последствий ее недействительности

Кудратова Татьяна Махмудовна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Институт сделок охватывает все больше сфер жизни современного гражданского общества. Сделка по своей сути является универсальным инструментом, способным регламентировать практически любые социально-экономические отношения, наделяя участника сделки определенным объемом прав и обязанностей или освобождая от них. Именно сделка позволяет установить права и обязанности сторон сделки, а также степень ответственности за несоблюдение ее условий. Сделка выступает гарантом того, что воля сторон, выраженная в условиях сделки, будет исполнена именно в том объеме, который фиксировался в момент совершения сделки.

В соответствии со ст. 153 Гражданского кодекса РФ сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Таким образом, совершение сделки порождает определенные юридические последствия для каждой из сторон сделки. Однако на практике не каждая сделка влечет за собой юридические последствия, заложенные в ее условиях, что позволяет считать такую сделку недействительной. В связи с этим перед законодателем встает вопрос об определении критериев, при наличии которых совершенная сделка не повлечет за собой никаких юридических последствий, а следовательно, будет признана недействительной, что в свою очередь приведет к применению в отношении такой сделки последствий ее недействительности.

За последние несколько лет кратно возросло количество судебных разбирательств на предмет признания сделок недействительными как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных судах. В связи с этим оспаривание сделки и применение последствий ее недействительности — это универсальные методы защиты гражданских прав, которые реализуются исключительно в рамках судебного разбирательства.

Гражданский кодекс РФ выделяет два вида недействительных сделок: оспоримые сделки и ничтожные сделки. Оспоримые сделки становятся таковыми по решению суда, в то время как ничтожные сделки недействительны сами по себе с момента их заключения. И оспоримые, и ничтожные сделки объединяет общий критерий — они не влекут каких-либо юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с их недействительностью.

При рассмотрении дел о признании сделок недействительными суд устанавливает изначальную волю сторон на совершение сделки, а также исследует вопрос о наличии в действиях сторон признаков злоупотребления правом и недобросовестного поведения в соответствии со ст. 10 Гражданского кодекса РФ. При этом поведение

одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. Если будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, суд, в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения, отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично, а также применяет иные меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны (п. 2 ст. 10 ГК РФ).

В п. 7 и 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» изложено следующее. Если совершение сделки нарушает запрет, установленный п. 1 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, в зависимости от обстоятельств дела такая сделка может быть признана судом недействительной (п. 1 и 2 ст. 168 ГК РФ). К сделке, совершенной в обход закона с противоправной целью, подлежат применению нормы гражданского законодательства, в обход которых она была совершена. В частности, такая сделка может быть признана недействительной на основании положений ст. 10 и п. 1 или 2 ст. 168 Гражданского кодекса РФ. При наличии в законе специального основания недействительности такая сделка признается недействительной по этому основанию (например, по правилам ст. 170 ГК РФ).

Таким образом, суд, рассматривая дело о признании сделки недействительной, при установлении наличия признаков злоупотребления правом и недобросовестного поведения признает такую сделку недействительной.

Данный подход находит свое отражение в сложившейся судебной практике. В частности, проанализируем решение Ковровского городского суда Владимирской области от 15 августа 2025 года по делу № 2-969/2025. Истец обратился в суд с иском о признании сделки купли-продажи автомобиля недействительной. Исходя из материалов дела, между гражданкой ФИО1 (дочерью) и гражданкой ФИО2 (матерью) был заключен договор купли-продажи автомобиля стоимостью 500 000 рублей. Расчет по договору осуществлялся наличными денежными средствами на основании расписки. Однако на момент заключения сделки гражданка ФИО1 имела задолженность перед истцом в размере 647 400 рублей, в связи с чем было возбуждено исполнительное производство.

Признавая сделку недействительной, суд установил, что сделка является совершенной с намерением ФИО1 скрыть автомобиль от каких-либо притязаний со стороны истца как кредитора, вследствие выдвинутых требований у ответчика возникло обязательство по возмещению причиненного материального ущерба. В действиях ФИО1 суд усмотрел признаки недобросовестного поведения и злоупотребления правом.

Таким образом, при рассмотрении данной категории дел суду необходимо установить поведение сторон в контексте добросовестности и злоупотребления правом, действительную волю сторон на совершение сделки, а также нарушает ли такая сделка законные права и интересы сторон сделки или третьих лиц.

Итак, суд признал сделку недействительной. Что дальше? Каковы последствия признания сделки недействительной? В соответствии со ст. 167 Гражданского кодекса РФ «при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) возместить его стоимость, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом». Иными словами, речь идет о реституции (возврате) сторон в первоначальное положение (до

совершения недействительной сделки), а также аннулировании наступивших правовых последствий. При этом вернуть полученное обязаны обе стороны сделки.

Так, в рассмотренном случае из судебной практики ввиду того, что сделка была признана недействительной, не породившей каких-либо правовых последствий в качестве последствий ее недействительности, суд прекратил право собственности ФИО2 на спорный автомобиль и предписал аннулировать запись о государственной регистрации автомобиля в регистрирующих органах.

Однако в практике встречаются случаи, когда реституция затрагивает только одну сторону сделки, так как другая сторона действовала добросовестно, и тогда речь идет об односторонней реституции. В частности, таковой будет признана сделка, если имелся очевидный порок воли (сделка, совершенная под давлением, влиянием обмана, угрозой) или она была заключена на кабальных для стороны условиях.

Таким образом, сделки являются ключевым элементом гражданского права, оказывающим существенное влияние на стабильность гражданского оборота и защиту прав и законных интересов его участников. Понимание сущности и признаков недействительных сделок необходимо для выявления нарушений закона и прав третьих лиц, а также для определения корректных действий по защите сторон сделки и восстановлению нарушенных прав.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. — URL: <https://base.garant.ru/10164072/>
2. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.12.2021 № 18-КГ21-137-К4. — URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-14122021-n-18-kg21-137-k4/>
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 07.04.2021). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_381735/
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2022) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.06.2022). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_418165/
5. Решение Ковровского городского суда Владимирской области от 15 августа 2025 г. по делу № 2-969/2025. — URL: https://kovrovsky-wld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=229574310&delo_id=1540005&new=0&text_number=1
6. Определение Верховного Суда РФ от 22.04.2024 № 304-ЭС24-4214 по делу № А03-16500/2022. — URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-22042024-n-304-es24-4214-po-delu-n-a03-165002022/?ysclid=mfupliawi8192307473>
7. Постановление 18 ААС от 22.12.2022 № 18АП-15335/2022, 18АП-506/2022 № А76-5321/2022.
8. Решение АС Краснодарского края от 14.02.2024 № А32-43475/2023. — URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/37403e05-efa1-4679-a5c0-2b2f283cf29f/48d93510-274b-4ab5-b28e-3953e1faf6a5/A32-43475-2023_20240214_Resheniya_i_postanovleniya.pdf?isAddStamp=True
9. Решение Коломенского городского суда Московской области от 27 февраля 2025 г. по делу № 2-20/2025 (2-4103/2024).
10. Решение Октябрьского районного суда г. Самары от 27 февраля 2025 г. по делу № 2-5/2025.

Следственные ошибки и их влияние на судебные решения

Кузьмина Кристина Александровна, студент магистратуры
Оренбургский государственный университет

В статье приводится обоснование понятия и видов следственных ошибок, известных современному уголовному процессу. Кроме того, исходя из этого, сделаны выводы о об общем влиянии следственных ошибок на принятие судебных решений.

Ключевые слова: судебное решение, приговор, следственная ошибка, понятие, классификация, значение.

Достижение целей и задач уголовного процесса требует осуществления уполномоченными субъектами следственной деятельности. Это сложный вид деятельности, необходимый в правовом и демократическом государстве для того, чтобы осуществлять правосудие и, в широком смысле, бороться с преступностью. В следственной деятельности, как и в любом другом виде деятельности, зачастую встречаются ошибки, которые могут быть выражены в неточном или неправильном принятии процессуальных решений, а также в совершении процессуальных действий с определенными нарушениями, либо в неправильной форме.

Стоит отметить, что практически вся деятельность следователя является мыслительной и творческой, поэтому в процессе познания следователь достаточно часто совершает различные ошибки логического и иного характера. Например, следователь ошибается в оценке собранных доказательств, в очередности их собирания, либо принимает не ту следственную версию за основную. Однако, указанные ошибки зачастую не выражаются в объективной форме, соответственно, они не могут весомым образом повлиять на процесс расследования уголовных дел. Складывающаяся сегодня практика указывает на то, что проблема следственных ошибок весьма актуальна [4; 3].

Естественным является то, что следственные ошибки всегда будут сопровождать раскрытие и расследование преступлений и это не исключает необходимости стремиться к их минимизации. Минимизация следственных ошибок, в свою очередь, требует оперирования их единым универсальным понятием, научно обоснованной классификацией, понимания сущности и т. п. От снятия дискуссии в отношении понятия, классификации и сущности следственных ошибок прямо зависит эффективность предупреждения таковых.

На сегодняшний день существует достаточно большое количество научных концепций, исследующих понятие и сущность следственных ошибок. Данная тема интересовала теоретиков уголовно-процессуальной науки не только современной России, но и СССР. Однако, несмотря на относительно обширную базу исследования вопросов сущности следственных ошибок, на сегодняшний день отсутствует унифицированный подход относительно самого наименования исследуемого явления уголовно-процессуальной практики.

Для более подробного исследования рассматриваемой темы необходимо обратиться к теоретическому блоку, ка-

сающемуся вопросам определения понятия термина «следственная ошибка». Формирование понятийно-категориального аппарата, несомненно, является необходимым ключом к оформлению точной уголовно-процессуальной науки. Более того, создание понятийно-терминологической базы позволит избежать разночтений в определении рассматриваемых понятий, стабилизировать и унифицировать правоприменительную практику.

О. Я. Бaeвым следственным ошибкам было посвящено достаточно предметное внимание [5, с. 5]. В том числе автор предлагал свое их определение: следственная ошибка — любые действия следователя, направленные по субъективному мнению на качественное расследование, но в итоге повлекшие одно из таких последствий:

- не удалось установить подлежащее привлечению к ответственности лицо;
- неверно были применены нормы УК РФ [1] или УПК РФ [2];
- имело место какое-то другое существенное нарушение прав и законных интересов, допущенное в ходе расследования дела.

Единственным, вряд ли существенным недостатком, так как по понятию и сущности уголовного процесса это вполне может и подразумевается, является то, что как субъект, который может допустить ошибку такого рода, не упомянут дознаватель.

В. И. Власов придерживается мнения, что следственная ошибка есть любое, обязательно непреднамеренное нарушение закона, недостаток, допущенный при возбуждении и последующем расследовании уголовного дела компетентным субъектом [6, с. 10]. В этом случае скорее наоборот, субъект, который может совершить следственную ошибку, представлен слишком абстрактно. На это смещен отдельный акцент, так как говорится даже не об «уполномоченном» субъекте, а «компетентном», когда компетентным по вопросам расследования субъектом может быть, к примеру, даже переводчик, который тоже может допустить ошибку, но она не будет следственной. К тому же, было бы неправильно рассматривать следственные ошибки только через процессуальный аспект нарушений [7, с. 119].

Минусом указанной позиции является то, что автор говорит исключительно о непреднамеренных упущениях и ошибках. Соответственно, в данном случае мы не можем говорить о преднамеренных грубых нарушениях.

Как показывает практика, к числу следственных ошибок относятся и преднамеренные действия (бездействие) следователей, которые могут быть названы ошибками правоприменения. Правоприменительная ошибка обладает следующими характеристиками: нарушение норм права; недостижение целей нормативного регулирования или несоответствие им; квалификация указанного действия (бездействия) ошибкой уполномоченным органом или должностным лицом. При этом, правоприменительная ошибка может быть совершена только определенными субъектами, обладающими властными полномочиями, каковым и является следователь.

С. А. Шейфер справедливо указывал, что следственные ошибки могут возникать при пренебрежении криминалистической тактике, хотя закон в формальном смысле будет соблюден идеально [9, с. 33]. Автор также предлагает свое определение следственных ошибок: «Под следственной ошибкой следует понимать отступление следователя, дознавателя от требований уголовно-процессуального закона и научных рекомендаций, допущенное при осуществлении расследования, а равно не проведение нужных по обстоятельствам дела процессуальных действий, повлекшие за собой принятие решений, противоречащих закону и препятствующих достижению целей расследования» [9, с. 37].

Анализ указанного подхода позволяет сделать вывод о том, что под следственными ошибками можно понимать различные неосознанные упущения следователя. Следователь может вполне добросовестно заблуждаться в правильности своих процессуальных действий и решения. Такая позиция, на наш взгляд, представляется вполне позитивной и логичной. Как уже отмечалось ранее, следственная деятельность не лишена субъективных ошибок и рисков, она целиком и полностью связана с человеческим фактором, личностными качествами, эмоциями и переживаниями следователя. При этом, каждый субъект предварительного расследования уникален и риск совершения ошибок просчитан, в данном случае, быть не может.

Другие подходы к понятию следственных ошибок, безусловно, существуют, и в весьма большом количестве. Но приведенное выше видится максимально оптимальным и точным в ряду других. Особенно в связи с тем, что оно предполагает совершение следственной ошибки не только действием, но и бездействием; что имеет место уточнение ее совершения и следователем, и дознавателем, а также, что следственные ошибки соотносимы с нарушением уголовно-процессуального закона, как и только с отступлением от научных и криминалистических рекомендаций.

Понятие С. А. Шейфера, в его содержании, позволяет усмотреть уже при поверхностном анализе один из аспектов их влияния, пусть в узком смысле. Следственные ошибки действительно могут влечь за собой принятие решений, противоречащих закону, препятствующих достижению целей расследования, в чем нет никаких логических противоречий. Но следует учитывать, что влияние следственных ошибок наиболее актуально к деятельности следователя (дознавателя), а значит обоснование данного

влияния на принятие именно судебных решений требует дополнительных пояснений.

При этом, следственные ошибки могут быть совершены в силу неопытности, небрежности, самонадеянности следователя и т. д. На сегодняшний день деятельность следователя — это тяжелый труд, заключающийся в необходимости обработки большого количества информации, в работе с различным контингентом людей и т. д. Деятельность следователя должна соответствовать большому перечню требований, она жестко регламентирована.

В силу большой загруженности, несбалансированности рабочего времени и объема уголовных дел, следователь может подойти к расследованию преступления максимально неподготовленным как в моральном, так и в физическом плане. Наличие даже мелких просчетов и упущений ставит вопрос о профессионализме следователя. Сама организация работы системы органов предварительного расследования далека от идеала, поэтому исследование глубинных причин совершения следственных ошибок должно идти и оттуда.

Проблемы с кадровой работой, организационные проблемы и проблемы переквалификации только ухудшают ситуацию с выявлением и устранением следственных ошибок. Отсутствие системности в работе, низкий уровень служебной дисциплины и правового воспитания становятся катализаторами совершения следственных ошибок. Наличие огромного количества причин совершения следственных ошибок напрямую влияет на разнообразие видов следственных ошибок того. Поэтому предлагаем более подробно исследовать классификации следственных ошибок в современной юридической науке.

На данный момент науке известно большое количество критериев для их классификации. Видный вклад в разработку следственных ошибок был внесен В. И. Власовым, распределившим недостатки, пробелы и нарушения при расследовании преступлений по существенным признакам [6, с. 15]. Автор видит эту классификацию имеющей в первую очередь теоретическое значение, но и способствующей систематизации знаний, а значит создающей возможности для устранения допускаемых упущений.

В. И. Власов предлагает сразу тринадцать критериев для классификации следственных ошибок, где по каждому выделены и конкретные виды следственных ошибок:

- логические (непреднамеренное нарушение правил логики при рассуждениях вследствие логической небрежности (неосведомленности) и фактические (несоблюдение или же недостаточное соблюдение требований УПК РФ при возбуждении уголовных дел, их расследовании);

- по субъектам, имеющим право возбуждать и расследовать дела: ошибки, допущенные следователем; ошибки, допущенные дознавателем;

- по механизму образования: расширение сферы приложения уголовно-процессуальной деятельности, выход за рамки допустимого; сужение уголовно-процессуальной деятельности, ее нераспространение на то, к чему она правомерно и на объективных началах применима;

— в зависимости от того, какой закон был нарушен: материально-правовые; процессуально-правовые;

— по признаку влияния на результат: несущественные (не помешавшие достигнуть истины и выполнению задач, стоящих перед компетентным лицом); существенные (оказавшие влияние на достоверность знания, принятие законного и обоснованного решения по делу или как минимум обладающие потенциалом на то) и безусловно-существенные (неправильность выводов или решений, что ставит последние под сомнение) и т. д. [6, с. 15]

При широте критериев классификации, трудно сказать, что в этом вопросе в принципе возможно ограничиться. Даже систему, где было использовано тринадцать критериев, все равно возможно расширить, причем именно критериями, которые имеют определенный интерес:

— ошибки в структурных элементах следственного действия;

— ошибки в микроструктуре следственного действия;

— ошибки, которые допускаются по степени их осознания следователем (дознавателем) [8, с. 217].

В пределах другой позиции автор придерживается мнения о возможности провести классификацию таким образом:

— психофизиологические и логико-психологические ошибки (оценка информации и пр.);

— технические (ошибки расчетов и т. д.);

— организационно-тактические (неправильное применение тактических рекомендаций криминалистики и др.);

— уголовно-процессуальные или уголовно-правовые ошибки (нарушение норм кодексов данных отраслей);

— комплексные ошибки [8, с. 218].

Исследование даже одного научного труда позволяет прийти к выводу о том, что в современной уголовно-процессуальной практике существует достаточно большое количество различных оснований, благодаря которым становится возможным сгруппировать следственные ошибки по различным классификациям.

Перечень классификаций в науке является намного более широким. Но уже по приведенным вполне возможно судить об определенных тенденциях. Пусть обозначенные классификации условны, научную ценность они все же представляют. И они видятся достаточными

для того, чтобы судить о влиянии следственных ошибок на принятие судебных решений более однозначным образом. В современных реалиях судьи при вынесении обвинительных или оправдательных приговоров зачастую допускают ошибки, которые становятся следствием ошибок, допущенных на стадии предварительного расследования. Причины их совершения могут быть разнообразны, поэтому мы с полной уверенностью можем говорить об опасности невыявления и неустранения следственных ошибок.

Важность минимизации факторов риска совершения следственных ошибок очевидна, поэтому борьба с неточностями в следственной деятельности должна вытекать из теоретической в практическую плоскость. Именно наличие обширного и комплексного теоретического блока позволит сформировать новые предложения для выдвижения нормотворческих инициатив, касающихся проблематики выявления и устранения следственных ошибок.

Таким образом, в современной теории уголовно-процессуального права существует достаточно большое количество подходов относительно определения сущности и видов следственных ошибок. Исследование такого многогранного юридического явления актуализирует вопросы выделения классификации следственных ошибок.

Классификация в теории уголовно-процессуального права должна быть основана не только на четком следовании нормам как материального, так и процессуального права, но и должна учитывать особенности правоприменительной практики, а также доктринальные положения. Любая классификация в российской теории права направлена, в первую очередь, на систематизацию всего базиса теоретического и практического блока, а также на совершенствование действующего законодательства.

Наличие большого количества разных точек зрения относительно определения сущности и видов следственных ошибок позволяет говорить об отсутствии унифицированного подхода в теории уголовно-процессуального права и наличии незакрытых вопросов относительно указанного вопроса. Несомненно, исследования в указанной сфере должны быть продолжены, так как проблематика выявления следственных ошибок не теряет своей актуальности.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. 3 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 25. — С. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52. С. 4921.
3. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26.01.2017 № 8-АПУ16-8 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: // <https://legalacts.ru/sud/apellatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda/>. — 20.11.2024.
4. Приговор Железнодорожного районного суда г. Ростова-на-Дону от 22.06.2021 по делу № -1-193/2021 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://zheleznodorozhny-ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1. — 20.11.2024.

5. Баев, О. Я. Тактика следственных действий: учебное пособие / О. Я. Баев. — Воронеж, 1995. — 456 с.
6. Власов, В. И. Расследование преступлений, проблемы качества / В. И. Власов. — Саратов, 1988.– 199 с.
7. Захаренко, О. И. Понятие и основные виды следственных ошибок, допускаемых при производстве следственных действий / О. И. Захаренко, О. Н. Палиева // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2022. — № 5 (144). — С. 117–123.
8. Семенов, Е. А. Следственная ошибка: понятие, классификация / Е. А. Семенов, Е. И. Сидорова // Вестник Воронежского института МВД России. — 2024. — № 3. — С. 216–220.
9. Шейфер, С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С. А. Шейфер. — Москва: Норма, 2024. — 240 с.

Причины совершения следственных ошибок

Кузьмина Кристина Александровна, студент магистратуры
Оренбургский государственный университет

В статье приводится анализ причин совершения следственных ошибок на основе теоретического и практического блока современной науки уголовно-процессуального права. Кроме этого, приведены классификации и виды причин совершения следственных ошибок, а также степень их влияния на качество уголовного судопроизводства и принятие судебного решения.

Ключевые слова: следственная ошибка, понятие, классификация, причины совершения следственных ошибок, уголовное судопроизводство, судебное решение.

Исследование следственных ошибок невозможно без анализа причин их совершения. Так, многие авторы неоднократно акцентировали свое внимание на необходимости изучения причинности того или иного правового явления. Это дает нам возможность представить полную картину исследуемого явления, предложить определенные модели совершенствования действующего законодательства, а также выявить слабые места и проблемные аспекты уголовно-процессуального права, сформировать возможные превентивные меры и пр. Кроме этого, изучение причин совершения следственных ошибок позволит комплексно исследовать рассматриваемый вопрос со всеми особенностями как практического, так и теоретического характера.

Несомненно, российский уголовный процесс не лишен своих недостатков. Деятельность по расследованию преступлений носит достаточно сложный, многогранный и творческий характер. Как и любая деятельность, она не лишена определенных рисков, выражающихся в допущении неточностей, упущений, ошибок как объективного, так и субъективного характера.

На сегодняшний день деятельность следователей — это достаточно тяжелый труд, заключающийся в необходимости обработки большого количества информации, в работе с различным контингентом людей и т. д. Более того, деятельность следователя должна отвечать достаточно большому количеству требований как профессионального, так и морально-нравственного характера.

Следователь несет большую ответственность за судьбу расследуемого уголовного дела, а также за судьбу всех участников уголовного судопроизводства. От качества

проведенного расследования зависит вынесение справедливого и законного судебного решения. Все это формирует правовой климат в современной России, сказывается на общем состоянии законности и правопорядка, влияет на оценку населением деятельности правоохранительных и судебных органов.

Несомненно, следователь в своей деятельности подвержен влиянию большого количества факторов различного характера. На процесс осуществления предварительного расследования могут повлиять любые ситуации, которые могут носить непредвиденный характер. Соответственно, выявление причин совершения следственных ошибок является весьма актуальным вопросом. От качества изучения указанной проблематики зависит возможность снижения рисков совершения следственных ошибок, а также возможность минимизации недостатков предварительного расследования.

В современной уголовно-процессуальной науке существует достаточно большое количество трудов, посвященных вопросам сущности следственных ошибок. Однако, не все ученые-процессуалисты акцентируют внимание на изучении причин и факторов, способствующих совершению следственных ошибок. На сегодняшний день существует небольшое количество исследований, посвященных рассматриваемой проблематике, поэтому представляется необходимым обратиться к их подробному анализу.

Исследовательский интерес представляет научная концепция, выдвинутая А. Т. Дугиным. Так, автор, изучая причины совершения следственных ошибок, предлагает классифицировать их на два крупных блока: объективные и субъективные причины [3, С. 21].

Данная концепция представляется нам интересной, так как автор одним из первых выдвинул тезис о том, что следственная деятельность заведомо подвержена высокому риску совершения ошибок. Поэтому объективными причинами совершения следственных ошибок становятся особенности следственной деятельности, сложность работы следователя, сложность уголовных дел, непредсказуемость следственной ситуации и т. д.

Субъективные причины совершения следственных ошибок заключаются в личностных особенностях самих следователей. По мнению автора, субъективные причины кроются в отрицательных качествах лица, осуществляющего предварительное расследование. К таким качествам, на наш взгляд, следует отнести низкий уровень профессионализма, невнимательность, безответственность, самонадеянность, безразличие, низкий уровень морально-нравственного воспитания и др.

Однако, рассматриваемую позицию, высказанную А. Т. Дугиным, не разделяет В. А. Семенцов [5, С. 182]. Автор считает, что разграничение причин совершения следственных ошибок на объективные и субъективные весьма условно. Ученый неоднократно акцентирует внимание на том, что две указанные группы причин совершения следственных ошибок невозможно провести тонкую грань. Например, низкий уровень профессионализма — это не только субъективная причина, но и объективная причина, которая свидетельствует о недостатках системы образования, недостатках кадрового потенциала и руководства следственной деятельностью.

По мнению В. А. Семенцова все причины совершения следственных ошибок можно представить в виде стройного и строгого перечня. К числу основных причин он включает:

- низкий уровень деловых качеств следователя;
- отсутствие должных политических, моральных, а также некоторых специальных, необходимых для профессии следователя качеств, их недостаточное развитие;
- организационные недостатки, перегрузки в работе следователя [5, С. 185].

Оценивая указанную теоретическую концепцию, стоит отметить, что она является не совсем полной. На наш взгляд, выделение четкого перечня причин представляет собой только беглое обращение к указанной проблематике. Причин совершения следственных ошибок достаточно много. Более того, с каждым годом преступность модифицируется, усложняется, что также является одним из факторов, осложняющих процесс осуществления предварительного расследования.

Изучение причин совершения следственных ошибок должно быть более полным и логичным. Поэтому предлагается сгруппировать причины следственных ошибок по уровням:

- первый уровень причин — непосредственные причины, которые характеризуют недостатки в расследовании конкретных дел;

- второй уровень причин — причины следственных ошибок, связанные с деятельностью следователя: с личностью следователя (субъективные причины) и условиями, в которых осуществляется данная деятельность (объективные причины);

- третий уровень причин — факторы, обуславливающие причины первого и второго уровней и связанные с условиями деятельности органов предварительного следствия в целом в России.

Исходя из вышеуказанных уровней, представляется возможным выделить причины для каждой из сформированных групп. Стоит отметить, что такой многоуровневый подход к определению причин совершения следственных ошибок весьма актуален и отвечает требованиям современного периода развития уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений.

Таким образом, причин совершения следственных ошибок множество. На риск возникновения различных упущений и ошибок в процессе предварительного расследования влияет множество факторов. Все это свидетельствует о комплексности рассматриваемой проблемы.

Возвращаясь к многоуровневому подходу определения причин совершения следственных ошибок, который был выделен нами ранее, предлагается начать более детальное изучение каждой группы.

Первый уровень составляют непосредственные причины совершения следственных ошибок. К первой группе непосредственных причин совершения следственных ошибок предлагается отнести непроведение или ненадлежащее проведение следственных или иных процессуальных действий; существенные недостатки в планировании, организации расследования уголовных дел, в выдвижении и проверке версий; неправильная оценка собранных по делу доказательств [4, С. 126].

Далее следует второй уровень причин совершения следственных ошибок. Это уровень опосредован деятельностью самого следователя, условиями осуществления им предварительного расследования. Данную группу можно разграничить на два больших блока: субъективные и объективные причины совершения следственных ошибок.

В частности, к субъективным причинам относятся личностные характеристики самого следователя. Объективные причины представляют собой те факторы, которые опосредовано связаны с лицом, осуществляющим предварительное расследование.

Весьма важно заметить, что объективные факторы могут быть устранены самим следователем, так как сотрудник может нейтрализовать их воздействие на процесс предварительного расследования, либо минимизировать риск их возникновения, предвидев возможность негативного влияния на процесс раскрытия уголовного дела.

Напротив, субъективные факторы практически не поддаются выявлению и пресечению самим следователем, так как следователь не может грамотно и объективно оценить свои возможности, уровень своего профессионализма. Большая часть субъективных причин совершения

следственных ошибок остается следователем попросту незамеченной, что представляет собой большую угрозу для эффективности предварительного расследования в целом.

Анализ практической деятельности сотрудников следственного отдела позволил выделить следующий перечень субъективных причин совершения следственных ошибок:

- отсутствие у следователей необходимых профессиональных познаний и навыков в работе;
- пренебрежительно-нигилистическое отношение следователей к выполнению предписаний уголовно-процессуального закона;
- низкий уровень или отсутствие служебной дисциплины;
- недостаточный уровень морально-нравственных качеств;
- отсутствие чувства ответственности, чувства служебного долга;
- обвинительный уклон, не критичность мышления при оценке собранных доказательств;
- самонадеянность при принятии процессуальных решений и др.

Причинами третьего уровня являются обобщенные факторы, которые характеризуют условия деятельности органов предварительного следствия в целом. Данную группу представляется возможным именовать «причинами причин».

К числу причин совершения следственных ошибок третьего уровня относятся:

- дефекты правового и нравственного сознания следователя, определяющие неправильное отношение к работе;
- недостатки в подготовке следственных кадров и в организации повышения их профессионального мастерства;
- недостатки в реагировании руководства следственных аппаратов на следственные ошибки и иные нарушения законности;

— недостатки в оценке и стимулировании труда следователей и др.

Влияние причин третьего уровня на следственные ошибки происходит опосредованно — через причины второго и первого уровней.

Разрешение вышеуказанных проблем носит глобальный характер, соответственно, требует колоссальных усилий со стороны представителей органов государственной власти и гражданского общества. Только с помощью консолидации сил можно нейтрализовать указанные проблемы.

Более того, данные изменения невозможны без совершенствования действующего законодательства. На наш взгляд, необходимо разрабатывать систему актов, более корректно и детально регламентирующих систему ведомственного контроля, прокурорского надзора и т. д.

Работа над совершенствованием деятельности следственных органов России должна носить также и морально-нравственный характер. Именно повышение правовой культуры, воспитание чувства служебного долга, прививание дисциплинированности и ответственности следователей поможет решить большую часть проблем, связанных с субъективными причинами совершения следственных ошибок.

Как уже отмечалось ранее, гражданское общество также должно включаться в работу над усовершенствованием системы органов предварительного расследования с помощью общественного контроля, с помощью различных правозащитных механизмов и т. д.

Таким образом, исследование причин совершения следственных ошибок позволило прийти к выводу о том, что данный вопрос необходимо рассматривать с помощью многоуровневого подхода, опирающегося как на теоретико-правовую, так и на практическую базы. К сожалению, большая часть следственных ошибок носит необратимый и негативный характер, что актуализирует вопросы их пресечения и нейтрализации.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 25. — С. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52. С. 4921.
3. Дугин, А. Т. Проблемы борьбы с уголовно-процессуальными нарушениями при расследовании преступлений средствами прокурорского надзора: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / А. Т. Дугин. — М., 1995. — 24 с.
4. Колычева, А. Н. Следственные ошибки в стадии предварительного расследования / А. Н. Колычева // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. — 2021. — № 2 (87). — С. 124–129.
5. Семенцов, В. А. Следственные ошибки / В. А. Семенцов // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. — 2020. — № 1. — С. 181–188.
6. Смолина, Т. А. Влияние следственных и судебных ошибок на качество в уголовном судопроизводстве / Т. А. Смолина // Проблемы права. — 2019. — № 2. — С. 109–113.
7. Цветков, Ю. А. О феномене следственной ошибки / Ю. А. Цветков // Журнал прикладных исследований. — 2021. — № 3–4. — С. 48–57.
8. Шевченко, А. В. Влияние следственной ошибки на вынесение приговора / А. В. Шевченко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — № 2–3. — С. 165–168.

Проблемы уголовно-правовой ответственности за финансирование террористической деятельности

Кучеренко Софья Витальевна, студент магистратуры
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

Терроризм традиционно является одним из самых опасных преступлений против безопасности государства. Однако терроризм не сможет существовать в полной мере без соответствующей финансовой поддержки. Недобросовестные лица, изъявившие желание поддерживать такую жестокую и опасную деятельность, находят всё больше способов, как профинансировать указанную противоправную деятельность, и при этом не быть обнаруженными специальными службами. В данной статье будут подробно рассмотрены существующие проблемы уголовно-правовой ответственности за финансирование террористической деятельности, а также предложены возможные пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: финансирование терроризма; безопасность государства; противодействие терроризму.

Хочется начать с того, что любая террористическая деятельность осуществляется при помощи денежных средств. Финансирование терроризма является очень важным инструментом осуществления данной противоправной деятельности, поскольку позволяет исполнителям тех или иных террористических актов получить все необходимые средства для их совершения. Оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, взрывные устройства, информация, прикрытие и иное приобретается при помощи денежных средств. Соответственно, важной мерой противодействию терроризму является борьба с его финансированием.

Террористический акт, чаще всего именуемый в обществе терроризмом, представляет собой совершение какого-либо взрыва, поджога или других действий, которые, в свою очередь, направлены на устрашение населения, создающие опасность гибели людей, причинения имущественного ущерба (значительного, крупного и особо крупного), либо же наступление альтернативных тяжких последствий, совершаемые «в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями».

Уголовная ответственность за террористический акт закреплена в статье 205 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [1].

Что касается ответственности за финансирование терроризма, то она закреплена в ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ.

В свою очередь, согласно постановлению Пленума Верховного суда РФ от 09 февраля 2012 года № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» финансирование терроризма означает предоставление либо же сбор денег, других материальных средств, осознавая их участия в финансировании, организации либо совершении хотя бы одного преступления, закреплённых в статьях 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, или же для финансового или другого материального содействия лицу с целью совершения им любого из перечисленных преступлений, либо для поддержки ор-

ганизованной группы, незаконного вооружённого формирования или преступного сообщества (организации), созданных или создающихся для осуществления хотя бы одного из указанных преступлений [2].

За финансирование террористической деятельности предусмотрена уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок от восьми до пятнадцати лет. Кроме того, иными санкциями за данное преступление могут быть: штраф в размере от трёхсот тысяч до семисот тысяч рублей или иного дохода осужденного за период от двух до четырех лет либо без такового, а также пожизненное лишение свободы (далее — альтернативные наказания).

Казалось бы, законодатель установил конкретную норму, демонстрирующую то, что ждёт человека, желающего профинансировать такую жестокую и кровопролитную деятельность.

Однако в настоящее время существуют определённые проблемы уголовно-правового характера, посвящённые ответственности за финансирование терроризма.

В качестве первой проблемы хочется указать проблему привлечения субъекта к уголовной ответственности за совершение такого деяния.

На сегодняшний день активно развивается такое неофициальное средство платежа как криптовалюта. Как справедливо подмечают И. В. Андропова, Н. П. Гусаков и Е. Б. Завьялова, терроризм очень активно финансируется криптовалютой [3, с. 123]. Проблема в данном случае заключается в том, что на биржах криптовалюты посредством её купли-продажи, крайне тяжело отследить конкретного человека, который осуществил перевод криптовалюты террористам. Это связано с тем, что покупка и продажи криптовалюты осуществляется методом P2P, то есть её покупка и продажа от одного лица к другому. Казалось бы, всё чисто и прозрачно. Какие могут быть проблемы в данной сфере? Всё дело в том, что спецслужбам не составит труда отследить человека, который купил или продал криптовалюту. Однако невозможно отследить её путь внутри самой биржи. Это приводит к тому, что злоумышленники покупают криптовалюту у обычного человека, а затем внутрибиржевым переводом осуществляют её передачу террористическим организациям. Разумеется,

спецслужбы ни в силах отследить этот процесс, и, как следствие, невозможно привлечение фактического преступника к уголовной ответственности.

Помимо криптовалюты, сюда же можно отнести и онлайн-казино, которые официально запрещены на территории нашего государства. Суть совершения упомянутого преступления схожая. Желая профинансировать террористическую деятельность пополняет счёт такого казино, а затем выводит эти же денежные средства на счёт террористической организации. Поскольку все онлайн-казино базируются за пределами РФ, а чаще всего — в недружественных для России странах, для отечественных спецслужб остаётся открытым вопрос по поиску и привлечению к уголовной ответственности реальных спонсоров терроризма.

На наш взгляд, обнаруженную проблему невозможно решить в полном объёме, однако можно предпринять определённые действия для минимизации её негативного воздействия, а именно — внедрение цифрового рубля. При помощи цифрового рубля спецслужбы смогут отследить весь проделанный путь того или иного денежного перевода, что, без всяких сомнений, в какой-то бы ни было степени поможет привлечь преступников к уголовной ответственности.

Второй значимой проблемой являются санкции за финансирование терроризма.

Ч 1.1 ст. 205.1 УК РФ не закрепляет стоимость материальных ценностей, за которую следует привлекать преступника к уголовной ответственности за их передачу террористам. Соответственно, исходя из логики, законодатель не выделяет категории переводов денежных средств

по их ценности. Так, например, один человек может перевести террористам 100 (сто) рублей, а второй — 100 000 000 (сто миллионов) рублей, и оба будут привлечены по одной части одной статьи УК РФ.

На наш взгляд, целесообразно добавить ч. 1.2 ст. 205.1 УК РФ, предусматривающую ответственность за финансирование терроризма в крупном размере. Крупным размером признать стоимость материальных ценностей, превышающих 100 000 (сто тысяч) рублей. Наказываться такое деяние должно лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет вместе с альтернативными наказаниями.

Кроме того, предлагается добавить ч. 1.3. ст. 205.1 УК РФ, устанавливающую ответственность за финансирование терроризма в особо крупном размере. Особо крупным размером признать стоимость материальных ценностей, превышающих 250 000 (двести пятьдесят тысяч) рублей. Санкциями за такое преступление должны быть в виде лишения свободы на срок от пятнадцати до двадцати пяти лет вместе с альтернативными наказаниями.

Представляется, что указанные поправки помогут снизить число совершаемых преступлений, направленных на финансирование терроризма.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что несмотря на то, что законодатель постарался максимально чётко установить соответствующие нормы, посвящённые уголовной ответственности за финансирование терроризма, на практике существуют некоторые проблемы, которые являются актуальными и важными, и требуют скорейшего решения.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ [от 09.02.2012 № 1] // Рос. газета. — 2012. — № 35.
3. Андропова И. В., Гусаков Н. П., Завьялова Е. Б. Финансирование терроризма: новые вызовы для международной безопасности // Вестник международных организаций. — 2020. — № 1 (15). — С. 120–134.

Актуальные вопросы о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ

Махмутова Алия Сереневна, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

В статье автор рассматривает актуальные вопросы о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ. Особое внимание автор уделяет появлению новых веществ и способов их распространения.

Ключевые слова: психотропные вещества, наркотические средства, преступление, незаконный оборот, сеть Интернет.

На сегодняшний день одной из основных проблем современного общества представляют незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ.

Данная криминальная деятельность затрагивает почти все сферы нашей жизни, а именно на экономику, здоровье населения и национальную безопасность. Данная статья

будет полностью относиться и рассматривать вопросы, которые затрагивают преступления в области незаконного оборота наркотических средств.

В современных реалиях правоохранительные органы и система здравоохранения получают большие проблемы, связанные с появлением новых синтетических наркотиков и психотропных веществ. В Федеральном законе «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 08.01.1998 N 3-ФЗ отражены основные понятия [1]. Как показывает статистика, больше всего данные вещества производятся в подпольных лабораториях, при этом постоянно меняется их химическая структура. Данные факторы затрудняют их определение и отнесение к запрещенным веществам. Здесь и формируется вопрос об оперативном реагировании на появление новых наркотиков и психотропных веществ, с учетом их сложной химической формулы и быстрого их распространения.

Для решения данной проблемы я предлагаю усилить международное сотрудничество в сфере обмена информацией о новых наркотических веществах. Следующим предложением будет формирование точных и быстрых методов идентификаций данных веществ и расширение списка веществ, которые необходимо контролировать. Также целесообразно будет ввести активные аналитические методы, которые основаны на искусственном интеллекте.

Сегодня самым распространенным способом распространения наркотиков остается сеть Интернет и теневая его часть Даркнет. При помощи данных площадок продавцы и покупатели остаются анонимными. Криптовалюта здесь представляет тоже особую роль, потому что она считается самой распространенной валютой для проведения финансовых операций по приобретению наркотических средств.

Здесь возникает вопрос относительно эффективной борьбы с распространением наркотических веществ в цифровой среде, потому что необходимо не нарушать права на приватность и свободу информации [3, С. 301].

Для ответа на данный вопрос целесообразно будет разработать специализированные подразделения в правоохранительных органах, которые будут заниматься киберпреступлениями в области наркотических средств. Также можно применять технологии машинного обучения с целью определения подозрительной активности в сети, при этом можно будет сотрудничать с интернет-провайдером и социальными сетями для блокировки и определения ресурсов, которые занимаются распространением наркотических средств. Следующим предложением будет повышение цифровой грамотности населения, с целью снижения риска вовлечения в наркооборот через онлайн-платформы.

Литература:

1. Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 08.01.1998 N 3-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 12 января 1998 г. N 2 ст. 219.

Акцентируем внимание на тот факт, что незаконный оборот наркотиков также связан и с другими видами преступлений. Рассмотрим данные преступления:

1. Отмывание денег. Незаконные доходы, которые получаются из наркобизнеса отмываются через финансовые схемы, что затрудняет их отслеживание.

2. Коррупция. При помощи коррупции наркоторговцы подкупают государственных служащих и это облегчает их распространение и транспортировку.

3. Торговля оружием. В наркобизнесе оружие считается самым действенным методом защиты и представляется как основной элемент в конфликтах между наркокартелями.

4. Терроризм. Как показывает практика, некоторые регионы получают доход от наркоторговли и полученные финансы пускают на террористические организации.

Для решения данной проблемы целесообразным будет укрепление антикоррупционных мер, а также усиления контроля за финансовыми потоками. Также необходимо ввести тесное сотрудничество с международными организациями в области борьбы с терроризмом при этом необходимо также усилить контроль за оборотом оружия, что приведет к разрыву связи между другими преступлениями.

Пресечение оборота наркотиков не ограничит борьбу с ней. Прежде всего нужно оказать помощь наркозависимым лицам в их реабилитации. На сегодняшний день для полного выздоровления мешает недостаточная доступность качественной психологической и медицинской помощи и отсутствие программ социальной адаптации.

Данный вопрос можно решить при помощи расширения сетей реабилитационных центров и внедрения современных методов лечения наркозависимости. Также целесообразно будет продвигать политику снижения вреда, которая направлена на минимализацию негативных последствий употребления наркотиков [2, С. 286].

Рассмотрев вышесказанное можно четко сказать о том, что для общества особую угрозу представляют преступления, которые связаны с незаконным оборотом наркотических средств. Для борьбы с данным видом преступления необходим комплексный подход, а именно:

- повышение эффективности работы правоохранительных органов;
- применение современных технологий;
- улучшение системы профилактики наркомании;
- создание эффективной системы реабилитации и социальной адаптации наркозависимых;
- укрепление международного сотрудничества.

В конце хотелось бы отметить, что только при совместных усилиях общества, государства и международных организаций можно будет добиться значительных успехов в борьбе с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ и сформировать здоровое и безопасное общество.

2. Малюшкина, Е. Е. Проблема определения размера изъятого наркотического вещества и его смеси / Е. Е. Малюшкина. — Текст: непосредственный // Global and regional research. — 2019. — № 2. — С. 286.
3. Шалагин, А. Е. Незаконный оборот наркотиков — угроза национальной безопасности / А. Е. Шалагин. — Москва; Юрлитинформ. — 301 с. — Текст: непосредственный.

Становление института кибербезопасности в Российской Федерации

Меликов Джугун Ильдырович, студент магистратуры

Научный руководитель: Гутник Сергей Иосифович, кандидат юридических наук, доцент
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

Ключевые слова: кибербезопасность, нормативно-правовая база, киберугрозы.

В последние десятилетия киберугрозы приобрели глобальный характер, угрожая безопасности государств, организаций и пользователей. Кибербезопасность стала ключевым элементом национальной безопасности, требующим системного подхода в условиях цифровизации. В России формирование института кибербезопасности представляет собой сложный процесс, включающий законодательные, организационные, технологические и социальные аспекты. Особое внимание уделяется нормативно-правовой базе, созданию специализированных структур и подготовке кадров в сфере информационной безопасности.

Проблема стала глобальной, когда масштабы ущерба от кибератак достигли критических значений. Глобализация и цифровая трансформация сопровождаются ростом киберугроз. Усиливающаяся зависимость общества и критической инфраструктуры от ИТ-систем повышает их уязвимость, создавая угрозы стабильности, государственной безопасности и социально-экономическому развитию страны.

Увеличивающаяся зависимость человека, общества и ключевых инфраструктур страны от стабильного функционирования информационно-телекоммуникационных систем приводит к их уязвимости перед киберугрозами. Это, в свою очередь, увеличивает вероятность возникновения чрезвычайных ситуаций и создает серьезные угрозы для стабильности общества, государственной безопасности и социально-экономического прогресса России.

Развитие криптографии в России началось с создания в 1992–1993 гг. Гостехкомиссии РФ и Межведомственной комиссии по защите гостайны, что было вызвано технологическим кризисом и необходимостью защиты от зарубежных ИТ-технологий. При этом ещё в СССР существовали значительные достижения в криптографии и военном ПО.

Именно государственные учреждения стали инициаторами использования криптографии для гражданских нужд. Тогда рынок информационной безопасности ещё не сформировался — немногие готовы были инвестировать в защиту данных. Ситуация изменилась с массовым под-

ключением организаций к интернету, что вызвало рост активности мошенников и преступных групп, атакующих информационные системы через вредоносные письма и вирусы.

К началу 2000-х в России явно обозначился спрос на создание защищённой информационной среды и безопасного электронного документооборота. Предприятиям требовалось обеспечить конфиденциальность корпоративных данных и документов. Как отмечают в «ИнфоТеКС», руководители осознали: для выхода на рынок недостаточно просто разработать продукт — нужны квалифицированные специалисты для работы с ним. Это стало основой для развития нового направления в системе дополнительного профессионального образования.

Развитие кибербезопасности получило значительный импульс после послания Игоря Иванова, бывшего на тот момент министром иностранных дел России, генеральному секретарю ООН Кофи Аннанду 23 сентября 1998 года. В документе поднимался вопрос предотвращения конфронтации в сфере информационно-коммуникационных технологий, способной спровоцировать новую гонку вооружений [1]. В ответ на эти вызовы уже в декабре 1998 года Россия представила в ООН проект резолюции «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникации в контексте международной безопасности» (A/RES/53/70), положив начало формированию международно-правового режима в информационном пространстве. С тех пор подобные резолюции принимаются ежегодно с учетом технологических изменений и новых киберугроз [2].

На национальном уровне основополагающим документом стала Доктрина информационной безопасности РФ (утв. Президентом РФ 09.09.2000 N Пр-1895). Хотя доктрина не являлась нормативно-правовым актом, она юридически оформила государственные приоритеты в этой области и заложила основы для разработки ведомственных инициатив в сфере информационной безопасности.

Следующим важным событием, повлиявшим на развитие кибербезопасности, стало успешное проведение целенаправленной кибероперации «Олимпийские игры» в

2006–2010 годах против иранских ядерных объектов. Это событие стало широко известным в мировом сообществе благодаря использованию вируса Stuxnet, который был признан первым реальным кибероружием. В результате воздействия вируса на иранский завод по обогащению урана в Нетензе было выведено из строя около 1000 центрифуг, что замедлило реализацию ядерной программы Ирана и продемонстрировало возможности киберопераций в стратегически важной сфере.

Период 2000-х годов в России характеризовался стремительным увеличением числа пользователей персональных компьютеров и развитием проводного интернета. За десять лет количество пользователей Рунета выросло с 1,5 млн до 45 млн, а к 2012 году почти 40 % российских домохозяйств имели доступ к широкополосным интернет-услугам. Это стало важным фактором, который способствовал не только росту информационных технологий, но и появлению новых вызовов в области их безопасности.

Этот период развития информационных технологий в России сопровождался ростом киберугроз и усилением мер по их противодействию, что включало совершенствование антивирусных программ, брандмауэров и антифишинговых систем.

Как отмечалось ранее, в 2000 году была принята первая Доктрина информационной безопасности РФ, сохранявшая актуальность 16 лет. Этот документ впервые систематизировал риски влияния ИТ-сферы на национальные интересы, а также классифицировал виды и источники киберугроз. Параллельно разрабатывались основополагающие законы о защите данных и цифровой безопасности, включая 98-ФЗ, 152-ФЗ, 149-ФЗ и другие нормативные акты [3].

Литература:

1. Крутских, А. В. Международная информационная безопасность. Теория и практика: в 3 т. Т. 2: Сборник документов / А. В. Крутских. — Москва: Аспект Пресс, 2021. — 225 с.
2. Горян, Э. В. Развитие российского правового механизма кибербезопасности: «особый путь» или следование в русле международных тенденций? / Э. В. Горян. // Административное и муниципальное право. — 2019. — № 5. — С. 29–43.
3. Иванова, Е. С. Кибербезопасность в основе познания и становления правового института обеспечения / Е. С. Иванова. // Журнал прикладных исследований. — 2022. — № 1. — С. 196–200.

Цифровизация нотариата: электронные нотариальные действия и перспективы развития

Назаренко Светлана Александровна, помощник нотариуса Владивостокского нотариального округа Приморского края
Медведевой Е. П. (г. Владивосток)

В статье проводится комплексный анализ процессов цифровой трансформации российского нотариата. Рассматриваются ключевые достижения, такие как создание Единой информационной системы нотариата (ЕИС), развитие дистанционного формата работы и внедрение машиночитаемой маркировки для защиты документов.

По мнению экспертов в области кибербезопасности, именно в нулевые годы возникло понимание того, что компьютерные атаки могут рассматриваться как инструмент ведения информационной войны.

В начале 2000-х годов важнейшими направлениями совершенствования кибербезопасности в России стали: внедрение защитных технологий; развитие кадрового потенциала специалистов для противодействия киберугрозам; оперативное устранение правовых пробелов и создание соответствующей нормативной базы; создание информационно-аналитических служб в профильных ведомствах.

Эти меры заложили основы института кибербезопасности, позволившего эффективно противостоять растущим информационным угрозам. Особое значение имели: технологическая модернизация, развитие кадрового потенциала, межведомственная координация и своевременное законодательное регулирование.

В условиях стремительного развития интернет-технологий Россия активно перенимала международный опыт, укрепляя правовые и организационные меры, а также развивая научные исследования в сфере кибербезопасности. Это позволило создать устойчивую правовую и техническую базу для противодействия киберугрозам.

Современные тенденции предполагают внедрение сложных защитных технологий, включая ИИ и машинное обучение для анализа угроз, а также развитие международного сотрудничества. Это требует от государственных и частных структур гибких подходов к защите информации и активного участия в глобальных инициативах по кибербезопасности, что становится ключевым фактором национальной безопасности в цифровую эпоху.

Ключевые слова: цифровизация нотариата, Единая информационная система нотариата (ЕИС), дистанционные нотариальные действия, электронный документооборот, машиночитаемая маркировка (QR-код), межведомственное электронное взаимодействие (СМЭВ), кибербезопасность, правовые проблемы цифровизации.

Большая часть исследователей в современном российском научном поле единодушно признают создание ЕИС фундаментальным достижением, которое кардинально изменило работу нотариусов. ЕИС рассматривается не просто как база данных, а как комплексная платформа для взаимодействия. Как точно отмечает Е. А. Тарасова, это уникальная по своей правовой природе программа, которая обеспечивает «электронное взаимодействие между участниками внутри самой системы, а также осуществляет взаимообмен данными с субъектами извне» [1]. На основе проведенного анализа представленных научных публикаций можно выделить несколько ключевых векторов в осмыслении цифровой трансформации российского нотариата, а также сформулировать предложения по его дальнейшему совершенствованию.

Единая информационная система нотариата (ЕИС) как краеугольный камень цифровизации

А. Ю. Улезько и П. О. Полищук подчеркивают, что система была создана для того, чтобы «регулировать и упорядочивать работу нотариуса, помогать вести учет всех нотариальных действий и формировать информационную базу электронных документов» [2]. Особо отмечается роль таких реестров, как реестр доверенностей, наследственных дел и уведомлений о залоге движимого имущества, которые значительно повысили прозрачность и безопасность гражданского оборота.

Дистанционный формат и «нотариальная телепортация»

Пандемия COVID-19 стала катализатором для развития удаленных нотариальных действий. Закон № 480-ФЗ [3], названный А. Ю. Корчёмкиной законом о «цифровом нотариате» [4], открыл широкие возможности для совершения действий без личной явки. Пономарева Е. В., Курбанов Д. А., Галимов Р. Р. [5] констатируют, что «нотариус может осуществлять почти все нотариальные сделки с применением дистанционных технологий». Важнейшим инструментом стало «удостоверение равнозначности электронного документа документам на бумажных носителях», которое, по выражению Корчёмкиной А. Ю., позволяет осуществлять «нотариальную телепортацию» документа». Это особенно актуально для России, ведь, как справедливо замечают Улезько А. Ю. и Полищук П. О., «дистанционное удостоверение сделок является как нельзя актуальным для России, территориальная протяженность которой является значительной».

Повышение безопасности и противодействие мошенничеству

Внедрение машиночитаемой маркировки (QR-кодов) оценивается как прорыв в защите документов от подделок. Абдулазизова И. А. [6] поясняет, что такая маркировка «содержит в себе шифрование реквизитов, информацию о заявителях, представителях, дату совершения нотариального действия... Любое лицо может проверить подлинность QR-кода». Это прямо противоположно тому, что отмечает Е. В. Пономарева и др.: «число поддельных доверенностей составляет от 55 % до 65 % от общего числа». И. А. Абдулазизова предупреждает и о новых рисках: мошенники научились создавать фальшивые сайты, копирующие ЕИС, и подделывать сами коды, что «представляет собой серьезную угрозу для архивных документов».

Проблемы и «узкие места» цифровизации

Авторы при этом выделяют ряд системных проблем. Так, прежде всего это техническая оснащенность и человеческий фактор. Улезько А. Ю. и Полищук П. О. указывают на «негативное отношение значительной части «возрастных» нотариусов к нововведениям, их неумение работать с программным обеспечением, техническую неоснащенность нотариальных контор». Сказанное справедливо. Приведем в качестве примера выдержку из Решения № 2-17/2025 Первореченского районного суда г. Владивостока по делу № 2-1183/2023 [7]. В решении сказано: «нотариальная контора нотариуса ... работает с заявителями в порядке «живой очереди», запись по телефону или прием документов *по электронной почте не осуществляются (курсив мой — С.Н.)*. Заявители приходят самостоятельно и наедине с нотариусом в отдельном кабинете указывают, какое нотариальное действие им необходимо удостоверить. Убедившись, что заявитель отдает отчет своим действиям, после ряда уточняющих вопросов на предмет объема полномочий, срока действия доверенности (или иного документа), права передоверия или его отсутствия, нотариус направляет заявителя для работы с секретарем нотариальной конторы, который непосредственно переносит паспортные данные. Далее заявитель снова проходит к нотариусу, последний вслух зачитывает содержание нотариально удостоверяемого документа, разъясняет положения законодательства, на которые имеются ссылки в документе и разъясняет правовые последствия совершения нотариального действия и возможности его отмены. После чего заявитель ставит подпись в тексте нотариального документа, в бумажном реестре нотариальных действий, и производит оплату». Однако данное дело подчеркивает, что даже при формальном со-

блюдении всех процедур нотариус может столкнуться с судебным оспариванием, если будут выявлены скрытые пороки воли заявителя, как в приведенном примере (фактическая недееспособность клиента нотариуса).

Далее, исследователи указывают на ненадежное межведомственное взаимодействие. К примеру, Е. А. Тарасова считает, что «с большими перебоями работает сервер Росреестра», что нарушает законодательные сроки предоставления сведений и тормозит совершение нотариальных действий. А И. А. Абдулазизова совершенно к месту упоминает риск DDoS-атак на сервисы нотариата и кражу учетных данных.

Волжанина А. С. и Елисеева Е. О. поднимают вопрос о необходимости законодательного закрепления новых форматов, например, составления завещания через видеозапись для лиц с ограниченными возможностями [8].

На основе выявленных проблем и точек роста можно предложить следующие направления для дальнейшего развития. К таковым отнесем:

1. Технологическая модернизация и кибербезопасность, то есть необходимо обеспечить повсеместную техническую оснащенность нотариальных контор, включая защищенные каналы связи, веб-камеры и электронные планшеты.

2. Развитие и стандартизация межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ). Ключевая задача здесь — достичь бесперебойной и моментальной работы каналов связи с Росреестром, ЗАГСами, ФНС и другими ведомствами. Как отмечает Е. А. Тарасова, нотариат — «единственная негосударственная структура, участвующая в СМЭВ», и этот статус требует надежного технологического обеспечения со стороны государства.

3. Расширение перечня дистанционных нотариальных действий, поскольку законодательно следует рассмотреть возможность удаленного совершения более широкого круга действий, требующих установления волеизъявления, с использованием биометрической идентификации и защищенного видео-формата для полноценного взаимодействия нотариуса с клиентом.

4. Профессиональная переподготовка и повышение цифровой грамотности, которую можно обосновать острой необходимостью реализации масштабной программы обучения и поддержки нотариусов, особенно старшего поколения, для комфортной и эффективной работы в цифровой среде. Это снимет барьер, указанный А. Ю. Улезько и П. О. Полищук

5. Законодательное закрепление перспективных цифровых инструментов, поскольку, как видится, требуется опережающее правовое регулирование для внедрения таких новаций, как использование видеозаписи для удостоверения завещаний, хранение электронных документов, развитие биометрической идентификации и наделение ЕИС статуса официального электронного хранилища.

В заключение приведем мнение Е. А. Тарасовой, которая метко и образно выразилась: современный нотариат должен быть не «тормозом», а «проводником», «двигателем» прогрессивного развития правового общества». Цифровизация — это не самоцель, а инструмент для выполнения главной задачи нотариата: обеспечения надежности гражданского оборота и защиты прав граждан и юридических лиц в новых, стремительно меняющихся условиях.

Литература:

1. Тарасова, Е. А. Современный нотариат = электронный нотариат? (цифровизация нотариальной деятельности) / Е. А. Тарасова // Пермский юридический альманах. — 2019. — С.337–344.
2. Улезько, А. Ю. Российский нотариат в условиях цифровизации / А. Ю. Улезько, П. О. Полищук // Аграрное и земельное право. — 2022. — № 6(210). — С.63–64.
3. Федеральный закон «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 27.12.2019 N 480-ФЗ. — Электронный ресурс: Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_341788/
4. Корчёмкина, А. Ю. Потенциал нотариата в сфере цифровизации / А. Ю. Корчёмкина // Право и общество. — 2021. — 1(2). — С.9–10.
5. Пономарева, Е. В. Цифровизация нотариата в Российской Федерации / Е. В. Пономарева, Д. А. Курбанов, Р. Р. Галимов // Аграрное и земельное право. 2020. — № 8(188). — С.40–41.
6. Абдулазизова, И. А. Цифровизация нотариата: использование маркировки «QR-код» в документах / И. А. Абдулазизова // Инновации. Наука. Образование. — 2021. — № 33. — С. 330–333.
7. Судебные и нормативные акты РФ: Электронный ресурс: Режим доступа: <https://sudact.ru/>
8. Волжанина, А. С. Нотариат в эпоху цифровизации / А. С. Волжанина, Е. О. Елисеева // Моя профессиональная карьера. — 2022. — № 34. — С.43–49.

Понятие, сущность и правовая природа конституционно-правовой категории равенства перед законом и судом в Российской Федерации

Понетайкина Алёна Викторовна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

Принцип равенства перед законом и судом — основополагающий принцип судопроизводства в Российской Федерации. Он происходит из более широкой и всеобъемлющей конституционно-правовой категории равенства.

Равенство перед законом и судом, являющееся фундаментом нормально функционирующей судебной системы, в единой интерпретации упоминается в Конституции РФ и Федеральном конституционном законе от 31.12.1996 N 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации». Оба законодательных акта постулируют: «Все равны перед законом и судом» [5] [10].

Равенство перед законом в качестве принципа уголовно-правового поля упоминается в Уголовном кодексе Российской Федерации. В ст. 4 закрепляется норма о равенстве граждан перед законом: «Лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств» [9].

Равенство зачастую соотносят с объемными фундаментальными категориями — справедливости и правовой определенности. Следует выяснить, так ли это, и какие критерии позволяют отождествить или сопоставить данные категории.

Понятие, сущность и правовая природа вышеназванной категории равенства являлись предмет исследования многочисленных научных работ. Авторы, подходившие к изучению равенства как незыблемого фактора признания ценностей, политических, экономических и социокультурных возможностей, прав и свобод различных народонаселений и их социальных слоев, делали собственные выводы о его правовой природе.

Рассмотрим некоторые научные работы по данной теме и сформулируем собственные выводы относительно терминологии и ее содержания, а также сущности и правовой природе конституционно-правовой категории равенства.

В. А. Азаров связывает воедино равенство и справедливость и активно аргументирует свою позицию в научной работе: «Справедливость — первооснова равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе России» [1, с. 5]. Автор, ссылаясь на многочисленные исследования на тему сопоставления равенства и справедливости, уверяет: «Многие исследователи содержания понятия «справедливость» и форм ее реализации в праве считают одним из его центральных компонентов именно равенство граждан перед законом и судом» [1, с. 13].

Безусловно, справедливость и равенство являются звеньями единой системы и во всех случаях реализуются неразрывно друг друга, в этом высказывания автора верны и не подлежат критике. Однако, В. А. Азаров не произвел толкования терминов «равенство» и «справедливость» в своем научном труде, а для нашего исследования данный аспект является крайне значимым. Обратимся к другим научным работам по теме.

Объемное исследование на предмет понятия и сущности равенства и принципа равенства в отечественном судопроизводстве провел Н. А. Барышев. Автор отождествляет понятия «равенство» и «равноправие», причем последний термин возможно представить как объединение понятий «равенство» и «право», перефразируя — «равенство в правах», что, на наш взгляд, является верным и неоспоримым.

Так, начав с анализа значений интересующих нас терминов, обратимся к толковому словарю — для более полной этимологической оценки исследуемых понятий, и затем вернемся к научной работе Н. А. Барышева.

С. И. Ожегов представляет равенство в трех значениях, нас интересует одно из них: «Равенство — положение людей в обществе, обеспечивающее их одинаковое отношение к закону, одинаковые политические и гражданские права, равноправие» [8, с. 670]. Толкование, данное С. И. Ожевым, подтверждает мнение Н. А. Барышева и наше, солидарное с ним, о тождественности понятий «равенство» и «равноправие», в контексте конституционно-правовой категории равенства. Иными словами, равенство в рамках исследуемой области правоотношений означает идентичность комплекса охраняемых законом прав и свобод личности, вне зависимости от половой, расовой, национальной, идеологической, политической и иной принадлежности.

Вернемся к научной работе Н. А. Барышева для анализа следующего важного элемента в настоящем параграфе. Относительно сущности конституционно-правовой категории равенства как предмета исследования автор приводит мнения сторонних авторов: Л. Н. Дегтяревой, В. З. Гущина, В. Д. Зорькина и других. Среди собранных автором позиций мы можем выделить следующие тезисы, образующие сущность равенства:

- «одинаковое действие закона на все субъекты права, вне зависимости от социального и правового положения, заслуг и личных качеств» [2, с. 672];
- «отсутствие в законе дискриминационных норм» [2, с. 673];
- «равная защита для каждого» [2, с. 673];
- «неотвратимость наказания для лица, совершившего правонарушение» [2 с. 673].

Выше названы главные тезисы, образующие содержание и сущность конституционно-правовой категории равенства, которые, на наш взгляд, главным образом отражают внутреннюю основу конструкта равенства применительно к правовому пространству.

Возвращаясь к соотношению равенства и справедливости, озвученной ранее, добавим, что в работе Н. А. Барышева также проводится параллель между этими понятиями: «... принцип справедливости имеет ценностный смысл, который интегрирован в принцип равенства всех перед законом и судом, означая «равность», «соразмерность» [2, с. 674]. Таким образом, автор вкладывает понятие справедливости в понятие равенства, разделяя эти категории как частное и общее соответственно. Однако, на этот счет есть несколько других теорий, которые мы также считаем необходимым рассмотреть. В работе Н. А. Барышева приведены три жизнеспособные теории соотношения справедливости и равенства:

- «равенство — один из компонентов справедливости» [2, с. 674];
- «равенство — средство достижения справедливости» [2, с. 674];
- «справедливость и равенство — самодостаточные, не однопорядковые категории» [2, с. 675].

Представляется затруднительным установить, какая теория находится ближе к истине. На наш взгляд, все три высказывания имеют место быть и в отдельной конкретной ситуации каждое приведенное мнение будет являться верным. Вероятно, более точным будет сказать, что справедливость и равенство неразрывно связаны между собой и, в рамках судопроизводства, преследуют единую цель — «не допускать привилегированного или дискриминационного положения участников юридического процесса» [2, с. 675].

Если же высказывать собственное мнение о соотношении справедливости и равенства в рамках юридической плоскости, нам более близка первая представленная позиция: равенство — это компонент справедливости. Последняя, будучи общим представлением о нравственности, морально-этических выборах, о добре и зле, реализуется, в том числе, с обязательным соблюдением принципа равенства. Без равенства невозможно соблюдение принципа справедливости, и поэтому, на наш взгляд, позиция о справедливости и равенстве как о целом и его части, является наиболее верной и близкой к истинному значению, хотя и другие теории имеют место быть.

Немного отойдем от общего анализа конституционно-правовой категории равенства и сфокусируемся на принципах — равенства и правовой определенности. Теорию соотношения названных принципов продвигает автор Е. А. Дербышева: «... принцип правовой определенности создает необходимую и прочную основу для реализации и соблюдения принципа равенства перед законом и судом. Исследуемые принципы очень тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены, в процессе правоприменения коллизия между ними невозможна, а нарушение одного из них всегда влечет нарушение другого» [3, с. 34].

Принцип правовой определенности подразумевает точность, ясность недвусмысленность толкования правовых норм, единообразие применения правовых норм и их одинаковое распространение на все субъекты права. В этом смысле принцип правовой определенности, по аналогии с общим понимаем справедливости и его взаимосвязи с равенством в конституционно-правовом значении, возможно соотнести с принципом равенства по следующим основаниям:

- принцип равенства обязывает соблюдать и защищать права и свободы всех субъектов права, без оговорок и исключений, а также подразумевает отсутствие дискриминации при реализации закона и отсутствие привилегий и преференций для отдельных категорий лиц;
- принцип правовой определенности способствует реализации принципа равенства, поскольку точность и однозначность толкования правовых норм и их единое действие в правовом поле без отступлений от интерпретации нормативно закрепленных положений обеспечивает равное положение субъектов правового поля.

Таким образом, высказывание Е. А. Дербышевой считаем полностью верным, и отдельно поддержим выдержку из цитаты автора: «... в процессе правоприменения коллизия между ними невозможна, а нарушение одного из них всегда влечет нарушение другого» [3, с. 34].

Н. Г. Иванов также позиционирует принцип правовой определенности в тесной взаимосвязи с принципом равенства. Делая ссылку на исторический подтекст и зарубежный опыт, автор интерпретирует принцип правовой определенности как «максимальная предсказуемость правовых действий чиновников в результате прозрачности и ясности правовых норм» [4, с. 12]. Характеризуя правовую определенность таким образом, автор подчеркивает, что несмотря на то, что упомянутый принцип прямо не закреплен в Конституции РФ, он прямо вытекает из нормы ст. 19 Конституции РФ о равенстве всех перед законом и судом. Из чего формируется вывод: конституционно-правовая категория равенства вбирает в свою конструкцию некоторые категории, прямо не закрепленные в законодательстве, но от этого не менее важные для полноценного функционирования принципа равенства в правовом поле государства. В качестве дополнительной аргументации высказанного тезиса, приведем выдержку из Постановления Конституционного суда РФ от 11.11.2003 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 81 Закона Челябинской области «О бюджетном устройстве и бюджетном процессе в Челябинской области» в связи с запросом Челябинского областного суда»: «Между тем общеправовой критерий определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы вытекает из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом (статья 19, часть 1, Конституции Российской Федерации), поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования правовой нормы всеми правоприменителями» [5].

Завершая анализ по взаимосвязи принципа правовой определенности с равенством как конституционно-правовой категорией, представим позицию автора Э. Э. Мангерсузян: «Для обеспечения равенства перед законом и судом необходимо единообразное понимание и толкование норм права. Для успешной реализации принципа равенства прав и свобод необходимо гарантировать единообразное понимание содержательного наполнения законов правоприменителями. В противном случае, неизбежно создаются предпосылки для дискриминации граждан» [6, с. 246].

В качестве предварительного итога по анализу понятия и сущности конституционно-правовой категории равенства, возможно сделать следующие выводы.

Принцип равенства при правоприменении находится в постоянной взаимосвязи с принципом справедливости и принципом правовой определенности:

- равенство является составной частью справедливости (на наш взгляд, справедливость и равенство — не отдельные самостоятельные категории, а объединенные для достижения одной цели конструкции);
- правовая определенность обеспечивает единообразие применения правовой нормы, ее однозначное толкование, прозрачность и точность интерпретации, все это в совокупности невозможно без реализации принципа равенства.

Рассуждая о конституционно-правовой категории равенства как об основе нормального функционирования органов власти и применения положений закона, следует особое внимание уделить правовой природе равенства. Ранее уже было установлена сущность равенства, и многие авторы отождествляют сущность явления и его правовую природу, однако, если рассматривать правовую природу как отраслевую принадлежность, то она нуждается в отдельном анализе.

Н. С. Нуриева рассматривает равенство в трех значениях: фактическое (формальное), правовое и равенство перед законом и судом. Формальное равенство, по мнению автора, это представления о нормах морали, нравственности и этики, в то время как правовое равенство, более применимое к законодательному контексту,

и означает следующее: «Компоненты принципа формального равенства (равная мера, свобода и справедливость) относятся к сфере права, а не к сфере морали, нравственности, религии и т. д., поскольку все эти и другие неправовые сферы носят ограниченный и частичный характер, имеют какое-то фактическое содержание и лишены той присущей лишь праву абстрактно-всеобщей формы, в которой только и можно выразить абстрактно-всеобщий, абсолютно формализованный смысл равенства, свободы и справедливости в соответствующем социуме» [7, с. 9].

По мнению автора, следует отделять принцип равенства перед законом и судом от всеобщего равенства как такового. «... законодательные акты в равной мере применяются ко всем, а суды не отдают предпочтения каким-либо органам, лицам, участвующим в процессе сторонам по признакам как указанном в законе и так по другим, не предусмотренным федеральным законом, основаниям» [7, с. 9].

Можно сказать, что конституционно-правовая категория равенства — это основа правового государства. Независимо от того, в каком значении используется равенство — в формальном, правовом или любом другом, оно представляет собой фундамент для развития современного, правового, светского государства, с законным функционированием органов власти, соблюдением конституционных прав граждан и других категорий лиц, вне зависимости от различных факторов.

Исследовав научные работы авторов по теме исследования, в заключение к параграфу возможно обозначить главные тезисы. Сущность и правовая природа конституционно-правовой категории равенства заключается в комплексе следующих компонентов:

- «одинаковое действие закона на все субъекты права, вне зависимости от социального и правового положения, заслуг и личных качеств» [2, с. 672];
- «отсутствие в законе дискриминационных норм» [2, с. 673];
- «равная защита для каждого» [2, с. 673];
- «неотвратимость наказания для лица, совершившего правонарушение» [2, с. 673].

Литература:

1. Азаров В. А. Справедливость как первооснова равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе России / В. А. Азаров // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 43. С. 5–20.
2. Барышев Н. А. Понятие конституционного принципа равенства перед законом и судом в РФ и его содержание // Экономика и социум. 2021. № 6–2 (85). С. 670–677. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-konstitutsionnogo-printsip-a-ravenstva-pered-zakonom-i-sudom-v-rf-i-ego-soderzhanie>.
3. Дербышева Е. А. Соотношение принципа правовой определенности с принципом равенства всех перед законом и судом / Е. А. Дербышева // Вестник Гуманитарного университета. 2021. № 4(35). С. 32–35.
4. Иванов Н. Г. Принцип правовой определенности / Н. Г. Иванов // Лоббирование в законодательстве. 2024. Т. 3, № 3. С. 11–15.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Мангерсузян Э. Э. Равенство перед законом и судом как принцип российского конституционного права / Э. Э. Мангерсузян, С. В. Безуглов. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2021. № 47 (389). С. 245–248. URL: <https://moluch.ru/archive/389/85757/>.

7. Нуриева С. Н. Понятие и правовая природа конституционного принципа равенства всех перед законом и судом / С. Н. Нуриева // Юридический факт. 2022. № 170. С. 8–12.
8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений: словарь / С. И. Ожегов; под ред. проф. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. // Москва: Мир и Образование, 2024. 1376 с.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025) // Российская газета. № 113, 18.06.1996. № 114, 19.06.1996. № 115, 20.06.1996. № 118. 25.06.1996.
10. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 N 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О судебной системе Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

Правовое регулирование криптовалют в Российской Федерации

Пруцев Вячеслав Юрьевич, соискатель ученой степени кандидата юридических наук (г. Москва)

В данной статье рассматривается вопрос правового регулирования цифровых валют (криптовалют) в Российской Федерации, а также признания их объектом гражданских прав, анализируются проблемы и сложности, возникающие при регулировании криптовалют. Также сделан анализ правового регулирования криптовалют в иностранных государствах в сравнении его с законодательством Российской Федерации. Термины «криптовалюта» и «цифровая валюта» используются в тексте настоящей статьи в одинаковом значении.

Ключевые слова: криптовалюта, биткоин, майнинг, цифровая валюта, правовое регулирование.

Legal regulation of cryptocurrencies in the Russian Federation

Prutsev Vyacheslav Yurievich, Applicant for the Candidate of Law Degree (Moscow)

This article examines the legal regulation of digital currencies (cryptocurrencies) in the Russian Federation, including their recognition as financial instruments and objects of civil rights, and analyzes the problems and difficulties that arise in their regulation. The article also provides an analysis of the legal regulation of cryptocurrencies in foreign countries in comparison with the legislation of the Russian Federation. The terms «cryptocurrency» and «digital currency» are used interchangeably in this article.

Keywords: cryptocurrency, bitcoin, mining, digital currency, legal regulation

В современном мире цифровая валюта (криптовалюта) становится неотъемлемой частью и полноценным инструментом финансовой и экономической систем как отдельных стран, так и всего мира. Популярность криптовалют в мире растет с каждым днем, и Российская Федерация не является исключением. Тем не менее правовые основы регулирования криптовалют в Российской Федерации на данный момент остаются не в полном объеме изученными и урегулированными.

Криптовалюта в России прошла определенный путь становления от неприятия до правового урегулирования.

Еще в 2014 году Центральный банк Российской Федерации (далее по тексту — Банк России) определил, что операции с цифровой валютой носят спекулятивный характер, осуществляются на виртуальных биржах и несут высокий риск потери стоимости. Также Банком России было указано, что криптовалюта считается денежным суррогатом, использование которого запрещено согласно статье 27 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации» [4].

В 2017 году глава Банка России на Московском финансовом форуме заявляла, что криптовалюты не будут допущены на российский рынок как денежные суррогаты: «Использование криптовалют как денежных суррогатов активно предлагается для расчета за товары и услуги. На наш взгляд, это имеет в качестве риска подрыв денежного обращения, и, конечно, мы использование криптовалют как денежных суррогатов допускать не будем» [6].

В 2021 году глава Банка России заявила, что «мы относимся к так называемым криптовалютам достаточно сдержанно. Это денежный суррогат, и мы против того, чтобы криптовалюты, как частные цифровые (даже деньгами их не хочется называть), использовались для расчета внутри страны» [7].

В этом же году разгорелась дискуссия между Банком России и Правительством Российской Федерации о перспективах криптовалют в Российской Федерации. Банк России, как было указано ранее, выступал за полный запрет криптовалют; в противовес ему Правительство РФ, чья точка зрения была впоследствии взята за основу, выступало за грамотное регулирование. Точка зрения Пра-

вительства РФ в итоге взяла верх, и принятое решение оказалось правильным.

В целом в период с 2014 по 2020 годы принимались первые попытки регулирования криптовалюты в Российской Федерации, когда органы государственной власти начали обсуждать возможность введения этого регулирования, определения статуса криптовалюты и ограничений на операции с ней. Было предложено несколько законопроектов, которые либо не рассматривались, либо отклонялись Государственной думой Российской Федерации.

В итоге ключевым событием стало принятие Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее по тексту — Федеральный закон № 259-ФЗ), который был призван урегулировать рынок криптовалют в России. Данный Федеральный закон регулирует: отношения, возникающие при выпуске, учете и обращении цифровых финансовых активов; особенности деятельности оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов; отношения, возникающие при обороте цифровой валюты в Российской Федерации.

Первоначально государство позиционировало принятие Федерального закона № 259-ФЗ как определенный шаг в сторону крипторегулирования, однако до поправок в августе 2024 года этот Закон на практике отношения к криптовалютам почти не имел, так как основное его содержание было направлено на регулирование цифровых финансовых активов.

Тем не менее указанный Закон в статье 1 закрепил следующие определения [1]:

— цифровые финансовые активы — это цифровые права, включающие: денежные требования; возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам; права участия в капитале непубличного акционерного общества; право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов (в порядке, установленном настоящим Федеральным законом), причем их выпуск, учет и обращение возможны только с внесением или изменением записей в информационной системе на основе распределенного реестра, а также в иных информационных системах;

— цифровая валюта — это совокупность содержащихся в информационной системе электронных данных (цифрового кода или обозначения), которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только

обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам.

Дальнейшим развитием развития рынка криптовалют стало то, что 9 февраля 2022 года Правительством Российской Федерации была представлена Концепция законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют [8]. Данная Концепция не имела формы нормативного правового акта, однако в ней были отражены направления политики государства в отношении криптовалют, а также модель будущего правового регулирования их выпуска и оборота в Российской Федерации. Из этой Концепции фактически следовало, что рынок криптовалют в России будет сформирован, но при определенном административном регулировании.

Далее в 2024 году произошло несколько значимых событий в области правового регулирования криптовалюты. В этом году были приняты законы, которые легализовали в Российской Федерации майнинг и в рамках экспериментального правового режима разрешили под контролем Центрального банка РФ проводить международные расчеты с помощью криптовалюты.

Особую роль здесь сыграл Федеральный закон от 08.08.2024 № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Он дополнил действующий закон такими категориями и определениями, как «майнинг цифровой валюты», «майнинг-пул», «майнинговая инфраструктура», «оператор майнинговой инфраструктуры»; установил условия осуществления деятельности, связанной с майнингом цифровой валюты, порядок осуществления контроля (надзора) за обращением цифровой валюты; определил порядок и условия обращения цифровых финансовых активов в иностранных информационных системах. Также указанный Федеральный закон ввел экспериментальный правовой режим, регулирующий отношения, возникающие при обороте цифровой валюты в Российской Федерации [2].

Таким образом, к 2024 году законодательство установило, что рынок криптовалют в Российской Федерации должен законодательно регулироваться и что цифровая валюта все же является объектом гражданских прав. Современные реалии и условия, а также рост популярности криптовалют и блокчейн-технологий привели к необходимости пересмотра традиционных подходов к финансовому и правовому регулированию.

Тем не менее действующее законодательство Российской Федерации хоть и закрепило определения и механизмы криптовалюты, при этом прямо запрещает использование криптовалют для расчетов между физическими и юридическими лицами, расчетов за товары, работы или услуги; запрещает предложение неограниченному кругу лиц цифровой валюты, а также товаров (работ, услуг) в целях организации обращения и (или) обращения цифровой валюты. Указанные запреты перечислены в статье

14 Федерального закона № 259-ФЗ. С 2026 года за оплату товаров, работ или услуг криптовалютой планируется введение штрафов для физических и юридических лиц.

Как отмечает в научной статье Е. М. Андреева, «криптовалюты — один из наиболее ярких феноменов современной цифровой экономики. Их стремительное развитие и распространение вызвало необходимость разработки соответствующих правовых механизмов, обеспечивающих защиту прав всех заинтересованных сторон и минимизацию рисков. Сегодня государства сталкиваются с множеством вопросов, связанных с правовым статусом криптовалют, определением их природы, налогообложением, защитой инвесторов и борьбой с незаконной деятельностью» [5].

Несмотря на принятие законов, а также постепенное формирование рынка цифровых валют, их регулирование в Российской Федерации все же сталкивается с рядом проблем. По мнению автора, на данный момент отсутствует четкое и ясное определение понятия «криптовалюта», в связи с чем в правоприменительной и судебной практике его можно интерпретировать по-разному, что может привести к путанице и трудностям.

Какие сложности и коллизии, касающиеся цифровых валют, возникают на данный момент в рамках правового регулирования?

Во-первых, законодательство Российской Федерации о криптовалютах содержит двойственный подход к криптовалюте как к платежному средству. В статье 1 Федерального закона № 259-ФЗ цифровая валюта относится к средству платежа, но в то же время статья 14 данного Закона устанавливает прямой запрет на использование криптовалют для расчетов между физическими и юридическими лицами, расчетов за товары, работы или услуг. Данный подход существенно ограничивает возможность применения и функционирования криптовалют в экономике Российской Федерации.

Во-вторых, действующее законодательство Российской Федерации не содержит четкого классифицированного перечня цифровых финансовых активов и цифровых валют, что может вызвать неопределенность и двойное толкование при определении того или иного типа цифровых активов, а также может сделать затруднительной защиту держателей цифровых валют или инвесторов.

В-третьих, сам процесс регулирования оборота и выпуска цифровых финансовых активов и цифровых валют является сложным, многостадийным и многосубъектным. С одной стороны, это не является недостатком, так как государство старается максимально обезопасить участников данных правоотношений (в том числе держателей цифровых активов и инвесторов) от негативных ситуаций, но, с другой стороны, слишком сложный механизм регулирования может отпугнуть потенциальных инвесторов и замедлить развитие этого рынка.

В-четвертых, в соответствии с частью 3 статьи 29.1 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» (вступившей в силу с 1 сентября 2025 года), реклама вы-

пускаемых цифровых финансовых активов не допускается до опубликования решения о выпуске этих активов в порядке, установленном Федеральным законом «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3]. Такой запрет может ограничить свободу информации и создать препятствия на пути развития рынка криптовалют в Российской Федерации. Также в статье 7 данного Закона запрещена реклама цифровых валют. Теоретически под данный запрет (в части запрета публикаций) может попасть демонстрация сведений о криптовалютах на конференциях, форумах и иных публичных мероприятиях. В то же время информация о криптовалютах важна для повышения финансовой грамотности населения.

В-пятых, так как криптовалюта в Российской Федерации считается имуществом, в судебной практике были прецеденты, когда криптовалюта признавалась имуществом в рамках рассмотрения уголовных дел. В этой связи возникает вопрос о способах реализации конфискованного имущества, а также о самом процессе его реализации. Если осужденный откажется предоставить код доступа к криптокошельку либо забудет его, то доступ к криптовалюте на данном криптокошельке окажется невозможным, равно как и ее реализация. Здесь необходимо отметить также то, что в июне 2025 года Госдума приняла в первом чтении законопроект о внесении изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РФ, устанавливающих особенности изъятия цифровой валюты при расследовании уголовных дел [9]. Согласно данным изменениям, изъятие будет осуществляться с участием специалиста, который в том числе определит необходимые меры для обеспечения сохранности с учетом особенностей цифровой валюты. Также законопроект признаёт цифровую валюту имуществом для целей УК и УПК и определяет действия следователя и дознавателя, если при предварительном расследовании выявляется цифровая валюта, подлежащая изъятию и признанию вещественным доказательством.

В-шестых, отсутствие в действующем законодательстве Российской Федерации четкого и ясного определения понятия «криптовалюта» может порождать правовую неопределенность и двойное толкование, о чем может свидетельствовать противоречивая судебная практика, где криптовалюта признавалась и имуществом, и товаром, и «иным имуществом», но не платежным средством.

Тем не менее рынок цифровых активов в Российской Федерации и их правовое регулирование набирает силу и активно развивается.

Далее как пример и сравнение предлагается рассмотреть правовое регулирование криптовалют в некоторых иностранных государствах.

Республика Беларусь в 2017 году признала законной криптовалюту: 21 декабря 2017 года был принят Декрет № 8 «О развитии цифровой экономики», который создал беспрецедентные условия для развития цифровой эко-

номики и цифровой валюты в Республике Беларусь. Согласно данному Декрету, физические лица вправе владеть цифровыми знаками (токенами), а также майнить, хранить, менять, приобретать, продавать (за любую валюту), дарить и завещать криптовалюту [10]. Криптовбиржи и обменники криптовалют имеют право работать в Беларуси, если они являются резидентами Парка высоких технологий — специального налогово-правового режима, созданного для развития IT-бизнеса.

Республика Казахстан тоже выбрала мягкую политику по отношению к криптовалютам. В целом в стране операции с криптовалютами могут законно проходить среди бирж и биржевых брокеров, зарегистрированных в рамках Международного финансового центра «Астана». В начале 2025 года президент Казахстана заявил о необходимости создания инфраструктуры для законного обращения цифровых активов, в том числе криптовалют. Также по состоянию на 2025 год объявлено о создании лицензированного сервиса для обмена криптовалют, а также покупки и накопления криптовалютных резервов.

В Федеративной Республике Германия в 2013 году правительство стало признавать биткоин цифровой валютой, с указанием, что такая валюта не относится к электронным деньгам и функциональной валюте. При этом в циркуляре Министерства финансов Германии от 27.02.2018 указано, что для целей налогообложения транзакции с использованием криптовалют определены как платежные услуги, соответственно они не должны облагаться налогом на добавленную стоимость, но подлежат учету при расчете налога на доходы [11]. Также криптовалюты с гражданско-правовой точки зрения не являются вещами, так как не имеют материального выражения.

Республика Мальта также демонстрирует успехи в этой области. В 2018 году правительство Республики Мальта приняло «Закон о виртуальных финансовых активах». Цель законопроекта — создать на Мальте надежную систему управления, которая позволит эффективно развивать использование криптовалют, криптовалютную торговлю и иные виды деятельности, связанные с ней. Также сформирован новый орган — Мальтийское цифровое агентство инноваций, задачей которого является в том числе аудит кода смарт-контрактов, а также реализация программ, связанных с цифровыми валютами и биржами. Кроме того, легализованы децентрализованные автономные организации (ДАО) — новый вид юридического лица, в котором решения принимает искусственный интеллект на основании смарт-контрактов без оперативного руководства. DAO могут сами выпускать токены и криптовалюты, продавать их, а также покупать недвижимость в любой из стран Европейского Союза.

Япония 4 мая 2016 года официально признала цифровые валюты средством платежа, с оговоркой, что они юридически не являются валютой. А 1 апреля 2017 года японское правительство приняло законопроект, которым присвоило большинству криптовалют статус законного средства платежа. С 2018 года трейдеры крипто-

валют в Японии уплачивают налог в размере от 15 до 55 %. В обмен на это трейдеры получают полную государственную защиту своей деятельности и своих активов.

Что касается Соединенных Штатов Америки, то в 2013 году Агентство по борьбе с финансовыми преступлениями при Министерстве финансов США отнесло биткоин к «децентрализованным виртуальным валютам». В этом же году указанное Агентство закрепило правила обмена любых криптовалют на фиатные (реальные) деньги. Согласно этим правилам, операции с криптовалютами регулируются так же, как и операции по обмену фиатных денег между собой (рубли на доллары, доллары на евро и так далее). Служба внутренних доходов США 25 марта 2014 года выпустила руководство по осуществлению налогообложения для операций, связанных с цифровыми валютами. В августе 2025 года глава Комиссии по ценным бумагам и биржам США анонсировал начало новой эпохи регулирования крипторынка, которая превратит США в «криптостолицу мира» [12]. Был опубликован доклад с рекомендациями по регулированию, среди которых основными являлись: призыв к Конгрессу принять закон о прозрачности рынка цифровых активов; отход от децентрализации цифровых валют и крипторынка с целью его полного регулирования органами государственной власти США, снижения рисков и преступлений, связанных с криптовалютами.

Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, выступая на инвестиционном форуме «Россия зовет» 4 декабря 2024 года, заявил, что использование криптовалют и электронных средств расчета никто не может запретить. На совещании по экономическим вопросам Президент указал на необходимость развития цифровых технологий в финансовой сфере.

Изначально криптовалюта задумывалась как децентрализованный инструмент, полностью свободный от какого-либо регулирования, основанный на исполнении обязательств путем смарт-контрактов и блокчейн-технологий. То есть в корне замысла была идея о том, что нет необходимости во вмешательстве государства в данную концепцию, а функционирование происходит на математическом коде, который нельзя изменить или подделать, что полностью исключает обман и мошеннические действия, причем код виден и доступен неограниченному кругу лиц. Такой подход полностью соответствует принципам либертарианства.

В то же время, как показала практика, в сфере цифровых валют неоднократно происходили случаи мошенничества и кражи криптовалют с кошельков, а также иные киберпреступления, что требует государственного регулирования для защиты интересов как государства, так и частных лиц.

В Российской Федерации правовой режим для криптовалют еще только формируется в рамках законопроекта о цифровой валюте. Действующий законодатель, в зависимости от сферы использования криптовалюты и применения соответствующих законов (гражданско-правовая

или уголовная), определяет ее и как средство платежа, и как имущество. В России только начат путь к управлению рынком цифровой валюты и к законодательному его регулированию. Бесспорно, учитывая стремительное развитие IT-технологий и рынка цифровых валют, законодатель не всегда успевает вносить соответствующие поправки и издавать новые нормативные правовые акты. При этом мировой опыт показал, что в данном случае есть два основных пути:

— разрабатывать и принимать совершенно новые законодательные акты и, по сути, выстраивать отдельную подотрасль либо раздел права;

— встраивать цифровые валюты и их регулирование в уже существующее гражданское и финансовое законодательство страны.

В Российской Федерации насчитывается до 19 миллионов пользователей криптовалют, однако на практике эта цифра может быть больше [13]. В этой связи наличие грамотного правового регулирования отношений, связанных с криптовалютами, является особо важным.

В процессе дальнейшего развития криптовалютное законодательство Российской Федерации вберет в себя лучший зарубежный опыт, а также предложения представителей российской науки и практики.

Литература:

1. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». — Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 22.08.2025).
2. Федеральный закон от 08.08.2024 № 223-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». — Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482453/ (дата обращения: 22.08.2025).
3. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе». — Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (дата обращения: 22.08.2025).
4. Русанова, П. А. Правовое регулирование криптовалют в России / П. А. Русанова. — Текст : непосредственный // International Journal of Humanities and Natural Sciences. — 2020. — № 10-4 (49). — С. 52.
5. Андреева, Е. М. Модель правового регулирования криптовалют в Российской Федерации / Е. М. Андреева. — Текст : непосредственный // Ленинградский юридический журнал. — 2022. — № 2 (68). — С. 63.
6. Эльвира Набиуллина: ЦБ не допустит использования криптовалют как денежных суррогатов. — Текст : электронный // Коммерсантъ : [сайт]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3407048> (дата обращения: 19.09.2025).
7. Банк России вновь выступил против использования криптовалют внутри страны. — Текст : электронный // РБК : [сайт]. — URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/60c86dd29a7947fcd2cf180> (дата обращения: 19.09.2025).
8. Концепция законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют. — Текст : электронный // Правительство России : [сайт]. — URL: <http://static.government.ru/media/files/Dik7wBqAubc34ed649ql2Kg6HuTANrqZ.pdf> (дата обращения: 19.09.2025).
9. Госдума приняла в первом чтении законопроект об изъятии цифровой валюты. — Текст : электронный // Министерство юстиции Российской Федерации : [сайт]. — URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/50757/> (дата обращения: 19.09.2025).
10. О развитии цифровой экономики. — Текст : электронный // Президент Республики Беларусь : [сайт]. — URL: <https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716> (дата обращения: 19.09.2025).
11. Федеральное министерство финансов Федеративной Республики Германия : [сайт]. — URL: <https://www.bundesfinanzministerium.de/> (дата обращения: 19.09.2025).
12. Регуляторы США представили масштабный «Проект крипто». Что нужно знать. — Текст : электронный // РБК : [сайт]. — URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/688ca9c99a794767a3f43c98> (дата обращения: 19.09.2025).
13. На ВЭФ назвали число «криптанов» в России без учета «тапавших хомяка». — Текст : электронный // РБК : [сайт]. — URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/03/09/2025/68b7d64e9a7947c3bb3fe3eb (дата обращения: 19.09.2025).

Особенности оценки относимости и допустимости доказательств в гражданском процессе

Пунтусова Мария Васильевна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье проводится анализ правовых критериев относимости и допустимости доказательств в современном гражданском процессе. Автором исследуются современные подходы к определению данных понятий. Особое внимание уделено практическим вопросам оценки судом относимости и допустимости доказательств на различных стадиях процесса. Предлагаются варианты совершенствования процесса доказывания и устранения проблемных аспектов, которые были выявлены в процессе анализа норм гражданско-процессуального законодательства и материалов правоприменительной практики.

Ключевые слова: гражданский процесс, доказывание, доказательства, относимость доказательств, допустимость доказательств, оценка доказательств.

В гражданском процессе в качестве доказательств могут выступать различные сведения о фактах, полученные в установленном законом порядке, с помощью которых суд сможет оценить позиции сторон и установить обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения и разрешения дела в суде. Такое понятие доказательств закреплено в п. 1 ст. 22 Гражданско-процессуального кодекса РФ [1] (далее — ГПК РФ).

Для того, чтобы полученная информация могла использоваться в качестве доказательств, она должна соответствовать определенным критериям, среди которых основными являются относимость и допустимость. От того, насколько корректной будет их оценка, произведенная судом, зависит законность и обоснованность вынесенного судебного решения.

Однако в нормах ГПК РФ зафиксированы лишь общие определения относимости и допустимости доказательств, что в свою очередь детерминирует возникновение в правоприменительной деятельности разных неоднозначных ситуаций, требующих научного осмысления. Кроме того, развитие цифровых технологий способствует появлению новых доказательств, способов их получения, которые до настоящего времени не предусмотрены действующим законодательством. Так, спорным является вопрос о признании допустимым доказательством скриншота переписки, неясным остаются способы подтверждения его достоверности. Актуальными остаются вопросы соблюдения конституционных прав граждан при получении доказательств.

Целью настоящей статьи является анализ особенностей относимости и допустимости доказательств в гражданском судопроизводстве России.

Относимость доказательств предполагает использование судом только тех доказательств, которые имеют значение для конкретного дела. Соответственно, такие доказательства должны подтверждать или опровергать те обстоятельства, которые составляют предмет доказывания.

Оценка доказательств осуществляется на протяжении всего гражданского процесса и представляет собой «осуществляемую в логических формах мыслительную деятельность судьи или суда в целях определения по своему

внутреннему убеждению допустимости, относимости фактических данных, достоверности, достаточности и значения как каждого отдельно взятого доказательства, так и всей собранной по делу их совокупности» [2].

Оценка относимости осуществляется в два этапа. На первом этапе осуществляется отбор тех фактов, которые имеют юридическое значение при рассмотрении дела и будут составлять предмет доказывания. На втором этапе производится сопоставление предложенного доказательства с предметом доказывания. Здесь суду необходимо определить, сможет ли это доказательство подтвердить или опровергнуть относимый к делу факт. Соответственно, относимыми будут считаться такие доказательства, которые подтверждают или опровергают факты, указанные в диспозиции соответствующей нормы материального права. Кроме них, к относимым относятся ««правоустанавливающие факты, факты повода к иску, факты активной и пассивной легитимации, а также те факты, с помощью которых устанавливаются доказательственные факты, процессуальные и проверочные факты» [3].

Необходимо отметить, что относимость доказательств не всегда возможно определить в момент подачи иска. Соответственно, если при первоначальном представлении доказательства суд отказал в его принятии, то его повторная подача возможна в последующих судебных заседаниях.

Допустимость доказательств является, по сути, формальным критерием, который установлен действующим процессуальным законодательством. Он предполагает, что обстоятельства дела, в отношении которых законом установлено, что они могут подтверждаться только строго установленными средствами доказывания, не могут быть подтверждены никакими иными доказательствами.

Верховным Судом РФ указано, что, поскольку законом не установлен перечень допустимых доказательств, то суды вправе принять любые средства доказывания, предусмотренные процессуальным законодательством [4].

На этом основании был признан несостоятельным довод одной из сторон — ГУП «Мосгортранс» о том, что видеозапись не относится к относимым и допустимым до-

казательствам, а работник, как наиболее слабая сторона трудовых отношений, вправе использовать любые средства доказывания [5].

Суд может оценивать каждое доказательство с учетом совокупности уже имеющихся в этом деле доказательств.

Так, при рассмотрении гражданского дела о защите пенсионных прав факт получения заработной платы был установлен на основании данных комсомольского билета.

В соответствии с ч. 1 ст. 264, ст. 265 ГПК РФ суд устанавливает факты, от которых зависит возникновение, изменение, прекращение личных или имущественных прав граждан, организаций, только при невозможности получения в ином порядке надлежащих документов, удостоверяющих эти факты, или при невозможности восстановления утраченных документов. Поскольку получение истцом надлежащих документов, удостоверяющих данный факт, невозможно, а его установление имеет юридическое значение, суд счел необходимым установить факт получения истцом заработной платы исходя из данных комсомольского билета. Кроме того, суд учел, что данный факт подтверждался представленными в материалы дела доказательствами [6].

Чтобы доказательство судом было признано допустимым, оно должно соответствовать ряду требований, среди которых можно выделить следующие:

- 1) относимость доказательства к рассматриваемому в суде делу;
- 2) получение и исследование доказательства только в установленном законом порядке;
- 3) получение доказательства возможно только с помощью определенных в законе доказательств.

Допустимость может иметь общий и специальный характер. Первый из них предписывает соблюдение требований об относимости доказательств и их получении в соответствии с нормами действующего процессуального законодательства. Специальный характер допустимости предполагает применение правил, устанавливающих порядок использования определенных доказательств для установления обстоятельств дела либо устанавливающих запрет на использование определенных доказательств. В зависимости от содержания специального характера допустимости выделяют позитивную допустимость, т. е. прямо предписывающую использование конкретного средства доказывания для установления определенного факта. Примером позитивной допустимости являются положения статьи 283 ГПК РФ, предписывающие назначение судом судебно-психиатрической экспертизы при подготовке к судебному рассмотрению дела о признании гражданина недееспособным.

Также выделяется негативная допустимость, когда законом прямо предписывается исключение строго определенных средств доказывания. В качестве примера можно привести норму статьи 162 ГК РФ [7], которой установ-

лено запрет ссылаться в судебном споре на свидетельские показания для подтверждения факта совершения сделки в отсутствие простой письменной формы.

Несмотря на то, что законодателем закреплен порядок и правила оценки относимости и допустимости доказательств, правоприменительная практика сталкивается с рядом сложностей.

Одна из таких проблем — оценка допустимости доказательств, полученных с нарушением закона. В ч. 2 ст. 50 Конституции РФ [8] закреплена недопустимость использования доказательств, полученных с нарушением федерального закона. ГПК РФ не содержит прямого запрета на их использование, поэтому суды, определяя характер нарушения в таких случаях исходя из принципа справедливости и руководствуясь разъяснениями Верховного Суда РФ. Соответственно, недопустимыми чаще всего признаются лишь доказательства, нарушающие конституционные права граждан: право на неприкосновенность жилища, охрану частной жизни и др.). Однако стоит подчеркнуть, что решение, обоснованное недопустимыми доказательствами, нельзя признать законным.

Другим проблемным аспектом представляется широкое усмотрение суда при оценке относимости. Поскольку, как уже отмечалось выше, определить сразу значимость предъявляемого доказательства иногда представляется затруднительным, суды необоснованно исключают из числа доказательств, такие сведения, которые могут впоследствии оказаться ключевыми.

Также законодателем не закреплен исчерпывающий перечень доказательств, которые могут быть признаны относимыми к какой-либо категории дел. Решение данной проблемы, по мнению исследователей [9], возможно путем применения следующей схемы, позволяющей определить, подтверждает или опровергает доказательство:

- 1) факт, входящий в предмет доказывания;
- 2) факт, который является основанием для вынесения частного определения по делу;
- 3) факт, влияющий на приостановление, прекращение или оставление дела без рассмотрения.

Кроме того, имеют место случаи, когда доказательства исключаются как неотносимые и недопустимые без должной правовой аргументации, что свидетельствует о поверхностном подходе суда к оценке их относимости и допустимости.

Таким образом, правильное определение относимости и допустимости доказательств в гражданском процессе способствуют обеспечению его эффективности, целесообразности и законности, позволяя установить значимые для конкретного гражданского дела обстоятельства, используя только те средства доказывания, которые признаны законодательно.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.

2. Бортникова Н. А. Доказывание в судебном процессе // СПС «КонсультантПлюс». 2025.
3. Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / А. В. Закарлюка, Л. М. Звягинцева, М. А. Куликова и др.; под ред. И. В. Решетниковой. 7-е изд., доп. и перераб. Москва: НОРМА, ИНФРА-М, 2021. 472 с.
4. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.
5. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 29.08.2024 № 88–20964/2024 по делу № 2–3437/2023 (УИД 77RS0005–02–2023–004559–08). Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Решение Шатровского районного суда Курганской области № 2–221/2020 2–221/2020~М-229/2020 М-229/2020 от 14.09.2020 г. по делу № 2–221/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WOXLCaXKIRHK/> (дата обращения: 16.09.2025).
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.09.2025).
9. Егорова Д. В., Волкова О. В., Дмитриева Д. В. Актуальные проблемы гражданского процессуального доказывания // Теория права и межгосударственных отношений. 2022. Т. 2. № 5 (25). С. 149–157.

Особенности и отличительные черты субсидиарной ответственности участников хозяйственных обществ в современной России

Симарова Анастасия Александровна, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В статье освещается правовое регулирование деятельности участников хозяйственных обществ, в том числе их привлечение к ответственности. Автор исследования провел сравнительный анализ субсидиарной ответственности участников ООО и АО. В заключение подведены выводы, сформулированы предположения относительно дальнейших перспектив развития правового регулирования в этом направлении.

Ключевые слова: участники, ответственность, хозяйственные общества, Россия, общество с ограниченной ответственностью, акционерное общество, предпринимательство, долевое участие, уставной капитал.

Введение

Ведение предпринимательской деятельности в России зачастую осуществляется посредством создания хозяйственных обществ. Наиболее популярными среди них признаются акционерные общества, общества с ограниченной ответственностью.

Актуальность выбранной темы исследования объясняется тем, что в современной российской экономике наиболее востребованными организационно-правовыми формами юридических лиц являются хозяйственные общества. Они отличаются высоким уровнем возможностей по удовлетворению запросов общества и государства. Российские представители бизнес-сообщества отдают предпочтение открытию хозяйственных обществ с целью реализации самых разных проектов и предпринимательских идей, малого и крупного бизнеса.

Хозяйственные общества выступают разновидностью коммерческих юридических лиц. Официальное определение рассматриваемой категории можно встретить в действующей редакции ГК РФ. В обозначенном Кодексе

отражена следующая позиция законодателя: «Хозяйственными обществами называются корпоративные коммерческие организации, спецификой которых признается разделение на доли (вклады) учредителей (участников) уставным капиталом. Имущество, образованное с таких обществ за счет вкладов учредителей (участников), приобретенное и произведенное в процессе деятельности, является их собственностью».

Хозяйственные общества, являясь структурными компонентами российской экономики, могут быть привлечены к определенным мерам ответственности. С целью регулирования их деятельности права, обязанности и пределы ответственности закреплены на уровне действующего законодательства.

Цель исследования — раскрыть особенности правового регулирования деятельности хозяйственных обществ в современной России, выявить особенности их привлечения к субсидиарной ответственности.

Методы исследования. В ходе написания настоящей статьи были задействованы методы индукции и дедукции, анализа, синтеза, сравнения и др.

Основная часть

Современные экономические отношения вынуждают участников предпринимательской деятельности не только неукоснительно исполнять определенный перечень прав и обязанностей, но и принимать на себя ответственность. Как уже было указано выше, хозяйственные общества нашей страны группируются на такие востребованные организационно-правовые формы ведения бизнеса, как общества с ограниченной ответственностью (далее ООО) и акционерные общества (далее АО). В зависимости от принадлежности хозяйственного общества к первой или второй группе, будут варьироваться обязанности участников, меры ответственности [5, С. 207–210].

Надо признать, что имеющиеся общие и отличные черты обозначенных форм ведения предпринимательской деятельности, оказывают сильное влияние на организацию управления, привлечение финансовых средств.

Далее представим краткий терминологический обзор АО и ООО.

Итак, акционерным обществом (АО) именуется такое хозяйственное общество, чей уставный капитал распределен на акции (части). Этот организационно-правовой тип ведения предпринимательской деятельности позволяет объединять инвестиции мелких и крупных вкладчиков на благо развития общего дела. Полученная в ходе функционирования АО прибыль делится пропорционально количеству акций [5, С. 207–210].

Обществом с ограниченной ответственностью (ООО) называется разновидность хозяйственного общества, уставный капитал которого поделен на доли. При этом российским законодательством предусмотрено ограничение по числу учредителей (до 50). Участниками ООО могут стать как юридические, так и физические лица.

В таблице 1 можно ознакомиться с ключевыми особенностями ответственности, которая возлагается на участников ООО и АО, соответственно.

Ответственность участников ООО ограничена их вкладом в уставный капитал, а в АО — стоимостью приобретенных акций.

Рассматриваемые варианты функционирования хозяйственного общества (организационно-правовые формы) занимают особое место в структуре уставного капитала. Их, прежде всего, друг от друга отличает процесс регистрации и создания, предъявляемые законодателем требования.

Кроме того, определенные различия имеют место и относительно распределения обязанностей между участниками ООО и АО.

Если остановить внимание на ООО, то документально закрепленный учредитель несет риск убытков, размер которого зависит от уровня личного вклада данного лица в уставный капитал. Что касается инвесторов, то пределы их ответственности по долгам общества варьируются в зависимости от суммы своего вклада в капитал. Если ввиду определенных обстоятельств не была погашена полная сумма уставного капитала, на участников данной организационно-правовой формы может быть возложена солидарная ответственность по долгам.

В отношении акционеров не распространяется персональная ответственность по долгам компании. При этом их риск ограничивается суммой инвестиций, потраченных на приобретение акции компании. Также рассматриваемые лица могут нести дополнительную ответственность по обязательствам общества, его долгам, если это предусмотрено учредительными документами хозяйственного общества.

Участники ООО, в случае банкротства предприятия, могут нести ответственность перед кредиторами. А акционеры, напротив, к такой ответственности не привлекаются. То есть в их случае не уместна персональная ответственность.

Многие ученые сходятся во мнении о принципиальном сходстве систем ответственности в ООО и АО. Так, и участники, и акционеры несут ограниченную ответственность. Вместе с тем, имеют место и значительные расхождения в этом вопросе (рис. 1.)

Как видим, участники ООО наделены большими полномочиями в сфере контроля над деятельностью предприятия. Что касается акционерного общества, то механизмы управления и контроля, преимущественно,

Таблица 1. Отличительные черты ответственности участников ООО и АО [7, С. 42–48]

Параметр	ООО	АО
Количество участников	До 50	Неограниченное
Ответственность участников	Пропорционально долям	В пределах стоимости акций
Финансовые обязательства	В пределах вклада	В пределах стоимости акций

Таблица 2. Виды ответственности участников ООО и АО [7, С. 42–48]

Виды ответственности	ООО	АО
Ответственность за убытки	Лимитирована вкладом	Лимитирована стоимостью акций
Ответственность перед кредиторами	Пропорционально долям участников	Не личная, только за акции
Ответственность перед третьими лицами	Личная при условии прямого нарушения закона	Ограничена акционерными правами

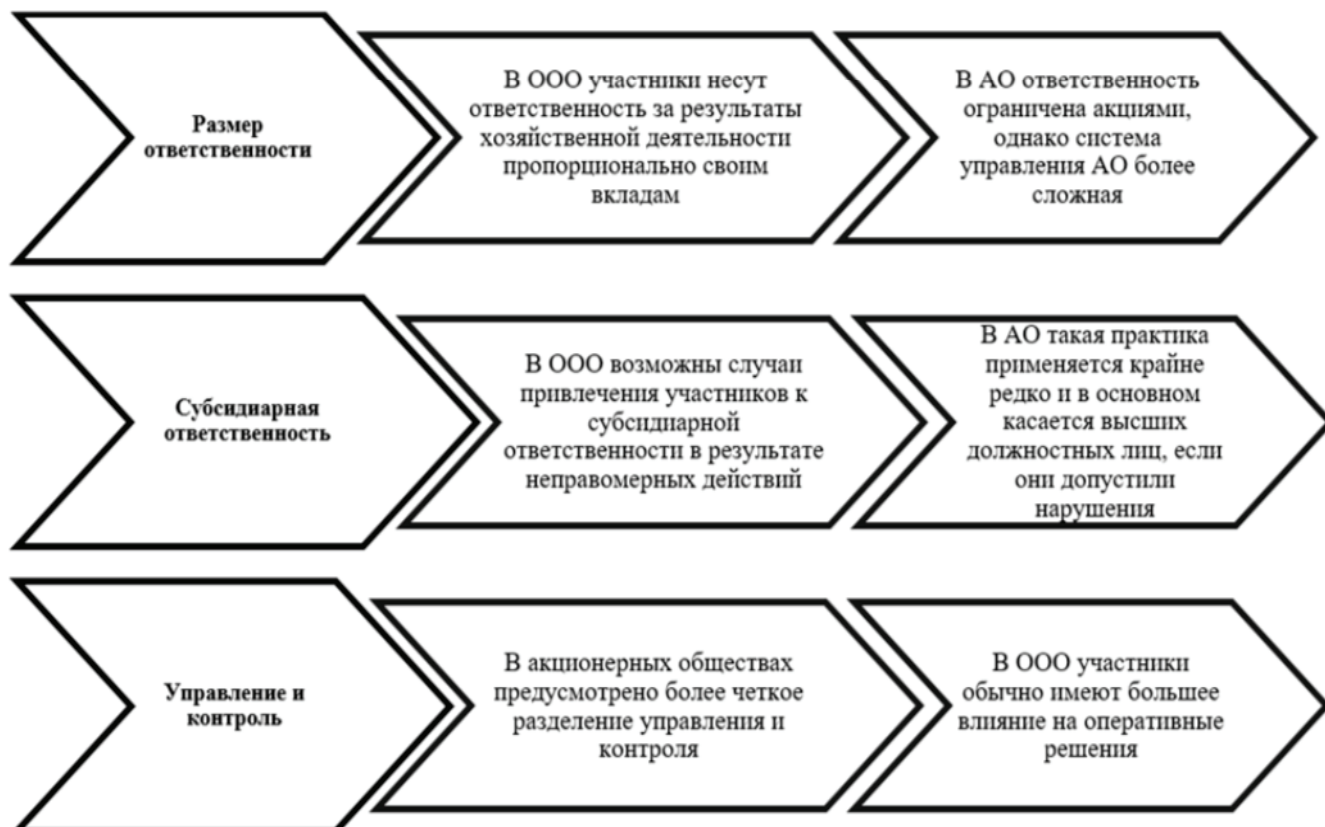

Рис. 1. Отличия системы ответственности участников ООО и АО [7, С. 42–48]

сконцентрированы в руках директоров, акционеров, высшего руководства.

Максимальный уровень риска возложен на участников ООО, по сравнению с акционерами, которые рискуют лишь потерять сумму, инвестированную в покупку акций.

Ответственность участника (учредителя) хозяйственного общества в разрезе обязательств юридического лица отражена на уровне ГК РФ, прочих норм действующего в России законодательства (п. 2 ст. 56 ГК РФ).

Солидарная ответственность применяется в контексте основного общества по сделкам, заключенным во исполнение указаний или с согласия дочерним обществом. Позиция законодателя по этому вопросу отражена на уровне абз. 2 п. 2 ст. 67.3 ГК РФ [1]. Участники предприятия (его учредители), наделенные полномочиями по управлению действиями общества (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ), в случае его реорганизации несут перед кредитором солидарную ответственность, вместе с организациями, созданными в результате реорганизации (п. 3 ст. 60 ГК РФ).

Далее проанализируем расхождение ООО и АО в части ответственности за управление предприятиями.

Участники ООО, к примеру, несут большую ответственность за управление. Они могут принимать личное (непосредственное) участие в его управлении, в отличие от акционеров АО. Последние, напротив, как правило, не осуществляют прямое участие в деятельности данного хозяйственного общества [7, С. 42–48].

Условия, при которых участники рассматриваемых хозяйственных обществ могут быть привлечены к субсидиарной ответственности, отражены в таблице 2.

Надо признать, что концепция формы субсидиарной ответственности, к которой сегодня привлекаются участники ООО и АО, основана на положениях действующего ГК РФ. С ее помощью удастся обеспечить эффективную защиту интересов кредиторов в случае неисполнения обязательств со стороны хозяйственного общества (АО или ООО). Вместе с тем, на уровне действующего законодательства сохраняется большое количество недоработок и противоречий, что требует принятия мер для выстраивания единообразной практики применения в реальной жизни данного механизма [4, С. 128–130].

Гражданское законодательство современной России закрепляет возможность привлечения учредителей организации к ответственности только в четко установленных случаях. Правда, исключения, все-таки, имеются. Поэтому в отдельных ситуациях на учредителей может распространяться дополнительная субсидиарная ответственность [6, С. 43–49].

Типичной практикой нынешнего времени признается ответственность членов органов управления перед хозяйственным обществом (АО или ООО, соответственно). Выходит, высшее управленческое звено несет ответственность за действия, связанные с достижением организационных целей. Весь спектр полномочий и обязанностей, которыми были наделены такие лица, они должны ис-

пользовать только и исключительно в интересах организации. Грамотное управление хозяйственным обществом, вне зависимости от того, принадлежит ли оно к ООО или АО, — залог минимизации наступления рисков ответственности [4, С. 128–130].

Отличительной чертой субсидиарной ответственности, предусмотренной для органов управления хозяйственными обществами, можно назвать то, что ее формирование приручено к случаю наступления неплатежеспособности общества, отсутствия у него иного имущества, путем реализации которого можно было бы покрыть имеющиеся обязательства [7, С. 43–49].

Субсидиарная ответственность в отношении органов управления хозяйственным обществом применяется в случае, когда в их действиях зафиксирован факт наличия признаков вины.

Привлечение участников хозяйственного общества к субсидиарной ответственности — мера крайней необходимости, к использованию которой прибегают в случае, когда другие способы взыскания долга недоступны, безуспешны. Руководители хозяйственных обществ обязаны контролировать правильность, своевременность исполнением обязательств. Только в таком случае можно избежать риска их привлечения к данному вину ответственности [4, С. 128–130].

Подводя итоги проведенного исследования, резюмируем, что участники ООО и акционеры АО в исключительных ситуациях и предусмотренном законодателем порядке могут быть привлечены к субсидиарной ответственности (намеренная некорректная оценка имущества

при внесении в уставной капитал, неполная оплата доли/акций).

Совершенствование правового регулирования по вопросам функционирования в России хозяйственных обществ направлено на повышение уровня ответственности участников. В ближайшие годы можно ожидать инициацию реформы в управлении хозяйственными обществами, разработку качественно новых механизмов защиты миноритариев.

Представители научного сообщества активно выступают за усиление ответственности руководителей. Можно предположить, что в случае закрепления в нормативных актах соответствующих положений, удастся повысить уровень ответственности управляющих лиц за нарушение законодательства, злоупотребление своими полномочиями (директоров ООО, членов совета директоров в АО).

Участники ООО несут ответственность в пределах своих вкладов в уставный капитал, а акционеры АО — в пределах стоимости акций, находящихся в их собственности и распоряжении.

Вывод

Подводя итоги проведенного обзора, смело можно заявлять о том, что в ближайшей перспективе правовое регулирование рассматриваемой проблематики, ожидаемо, будет двигаться в сторону ужесточения ответственности участников АО и ООО. Сегодня многое зависит от изменений в контроле и регуляциях со стороны руководства нашей страны.

Таблица 3. Субсидиарная ответственность участников хозяйственных обществ [7, С. 42–48]

№	Условие возникновения ответственности	Тип общества	Субсидиарная ответственность участников	Нормативная база
1	Оплата долей/акций в уставном капитале неденежными средствами	ООО, АО	Участники и независимый оценщик солидарно отвечают по обязательствам в пределах суммы завышенной оценки имущества	п. 3 ст. 66.2 ГК РФ
2	Государственная регистрация без оплаты 3/4 уставного капитала	ООО, АО	Участники несут ответственность по обязательствам до полной оплаты капитала	абз. 2 п. 4 ст. 66.2 ГК РФ
3	Неоплаченная часть доли (акций)	ООО, АО	Участники (акционеры) несут солидарную ответственность в пределах неоплаченной части доли (акций)	абз. 2 п. 1 ст. 87, абз. 2 п. 1 ст. 96 ГК РФ, Закон об ООО
4	Исключение ООО из ЕГРЮЛ по решению регистрирующего органа	ООО	Лица, указанные в п. 1–3 ст. 53.1 ГК РФ, могут нести субсидиарную ответственность, если действовали недобросовестно	п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО

Таблица 4. Перспективы развития ответственности участников ООО и АО [7, С. 42–48]

Параметр	ООО	АО
Усиление контроля государства	Возможность увеличения контроля за деятельностью участников	Введение механизмов регулирования крупных акционеров
Потенциальные изменения в законах	Увеличение ответственности участников	Ужесточение контроля за крупными акционерами

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 07.07.2025) // СПС КонсультантПлюс.
2. Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об обществах с ограниченной ответственностью» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // СПС КонсультантПлюс.
3. Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ (ред. от 30.11.2024) «Об акционерных обществах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // СПС КонсультантПлюс.
4. Абдиримов А. Ф., Озманян Ю. З. Особенности субсидиарной ответственности органов управления хозяйственных товариществ и обществ / А. Ф. Абдиримов, Ю. З. Озманян //Юридическая наука. 2023. № 4. С. 128–130.
5. Булахова Е. В. Хозяйственные общества и хозяйственные товарищества как организационно-правовые формы юридических лиц / Е. В. Булахова //Молодой ученый. 2024. № 50 (549). С. 207–210.
6. Коркин М. С., Рубан П. О. Субсидиарная ответственность участников (акционеров) хозяйственных обществ: проблемы современной судебной практики / М. С. Коркин, П. О. Рубан //Право и управление. 2025. № 1. С. 43–49.
7. Нецветаева К. В. Ответственность участников хозяйственных обществ сравнительный анализ и перспективы / К. В. Нецветаева // Актуальные исследования. 2024. № 40–2 (222). С. 42–48.

Историко-правовые аспекты эволюции терроризма и современные угрозы кибертерроризма

Федоров Антон Игоревич, студент магистратуры

Научный руководитель: Вашанова Оксана Вячеславовна, кандидат юридических наук, адвокат
Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Красногорск)

В статье анализируются исторические и правовые аспекты эволюции терроризма и современные угрозы кибертерроризма. Рассмотрены развитие методов терроризма от древности до современности, особенности кибертерроризма, его характеристики, международно-правовые механизмы борьбы с ним. Подчеркивается необходимость постоянного совершенствования правовых и технологических средств для эффективной борьбы с новыми формами террористической деятельности.

Целью статьи поставлен обобщающий анализ историко-правовых аспектов эволюции терроризма и современных угроз кибертерроризма.

Ключевые слова: терроризм, кибертерроризм, международное право, религиозный терроризм, международные конвенции, противодействие финансированию терроризма.

Несмотря на относительную современность понятия терроризм, отдельные его составляющие и предшествующие ему формы существовали на протяжении всего периода развития человеческой цивилизации. [11] Насилие и террор не редко становились основным методом достижения поставленных целей.

Анализируя зачатки терроризма в Древнем Риме, Древней Греции и его дальнейшее развитие в Средние века, нельзя рассматривать его как политическую идеологию. Методы террора выступали в качестве инструмента давления власти на общество, либо, напротив, способом воздействия отдельных общественных объединений на власть с целью грубого решения накопившихся проблем. По мнению А. Б. Моисеева: «линия дальнейшей эволюции терроризма в этом ключе видится как асимметричное противостояние «силы» и «слабости», «власти» и «общества», «легальности» и «подполья» [17].

В Древней Греции действовали тираноборцы. Тираноборцами называли людей, которые убивали тиранов — правителей, захвативших власть насильственным путем.

В Древнем Риме существовали сикарии (по-латински *sicarii* — буквально «разбойники», «убийцы», от *sica* — «кинжал») — наиболее радикальное крыло антиримской оппозиции в Иудее в 6–73 гг. н. э. [11]. Власть Рима также не пренебрегала политикой террора в достижении своих политических целей, в том числе на завоеванных территориях [12].

В период средневекового исторического этапа царевубийство являлось относительно редким событием. Тем не менее, начиная преимущественно с 16-го века, частота актов политически мотивированного насилия против глав государств существенно возросла. Среди наиболее известных жертв данной тенденции можно отметить нидерландского короля Вильгельма I Оранского, француз-

ского короля Генриха III и впоследствии занявшего трон Генриха IV.

Отдельный интерес представляют инквизиторские трибуналы Римско-католической церкви, представляющие собой классический пример репрессивной системы позднесредневековых государств Европы. Сформировавшись в первой половине XIII столетия, данная структура выступала эффективным инструментом борьбы с политическими оппонентами и идеологическими противниками духовенства. Ее основной функцией являлось систематическое преследование и суровое уголовное наказание представителей различных слоев общества, подозреваемых в преступлениях против ортодоксальной церковной доктрины — преимущественно ереси и мнимого колдовства. [13]

Дальнейший качественный виток развития терроризма происходит в XIX-XX вв. На фоне растущей популярности идеологии анархизма, в контексте революционных движений и обострившейся политической борьбы, ведущие мировые державы охватили покушения на высокопоставленных лидеров: убийство Авраама Линкольна в 1865 г., убийство Александра II и Джеймса Гарфилда в 1881 г., убийство Уильяма Мак-Кинли в 1901 г., и Александра Обреновича в 1903 г., и т. д. В отличие от подобных покушений в Древнем мире и в Средневековье, в это время проявления терроризма вышли на международный уровень, вызвав глубокую озабоченность всего мирового сообщества.

Необходимость в выделении терроризма в самостоятельный вид уголовно-наказуемого деяния (до рассматриваемого периода такое деяние квалифицировалось в рамках национального уголовного права, как убийство) была связана с фактом избрания гитлеровской Германией политики крайнего насилия и террора. Итогом такого развития становится Конвенция о предотвращении и осуждении терроризма 1937 г. (в силу не вступила), обсуждение проекта которой началось в 1934 году в Лиге Наций. [18]

Вторая половина XX века явила множество новых форм проявления терроризма. Центральным звеном становится религиозный терроризм. Для достижения поставленных целей субъекты террористического воздействия активно применяли диверсионные акты, захваты заложников, организованные покушения и другие формы асимметричного насилия.

Организация Объединённых Наций (далее — ООН), сменившая Лигу Наций на посту создания прочного международного мира, начала активную работу в сфере безопасности. Уставом ООН закреплены основополагающие международные механизмы по охране мира, учреждены, в частности, Совет Безопасности и Международный суд. В 1948 году принята Всеобщая декларация прав человека, устанавливающая общемировые принципы и материальные цели, к которым необходимо стремиться путем просвещения и образования. [1]

Первые конвенции, направленными на борьбу с терроризмом и смежными с ним уголовными преступлениями, косались сферы гражданской авиации. С 1963

года по 1971 год были разработаны и подписаны три международных акта («Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов», «Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов», «Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации»), которые распределили юрисдикции стран-участниц в отношении преступлений на борту самолета, расширили полномочия командира воздушного судна, установили механизмы международного сотрудничества в этой сфере, в том числе, положения о локальных договорах между государствами. [2] [3] [4] В последующие три десятилетия ООН продолжила укреплять и расширять международное сотрудничество в сфере противодействия терроризму.

Несмотря на активное противодействие развитию международного терроризма, терроризм приобрел яркий радикально-религиозный характер. В качестве особенностей этого вида терроризма можно назвать его транснациональный характер, высокую адаптивность, автономность и децентрализованность.

Методы борьбы с таким бедствием снова нуждались в переосмыслении и усовершенствовании. Помимо углубления уже действующих мер, качественным шагом их расширения стала сфера противодействия финансированию терроризма.

В 1990 году подписана Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (Совет Европы) [5]. В ней конкретизируются условия оказания взаимной правовой помощи в расследовании дел о незаконном обогащении, определении порядка исполнения судебных решений иностранных юрисдикций, установлении рамок применения методов финансового контроля и мониторинга подозрительных финансовых транзакций.

Резолюцией 51/210 Генеральной Ассамблеи 1997 года был учрежден Специальный комитет, в задачи которого входит разработка конвенции по противодействию актам бомбового и ядерного терроризма, а также дальнейшее совершенствование международной правовой системы в этой сфере [6]. Резолюцией 53/108 Генеральной Ассамблеи 1998 года в задачи Специальной комиссии включена разработка конвенции по противодействию финансированию терроризма [7].

В 1999 году вступила в силу Международная Конвенция о борьбе с финансированием терроризма [8]. Ключевые новации указанной Конвенции включают введение конкретных составов уголовно наказуемых деяний, относящихся к финансовой поддержке террористической деятельности, установление надлежащих юридических оснований для привлечения виновных субъектов к ответственности и создание организационно-правовых условий для оптимального трансграничного информационного обмена и продуктивного взаимодействия правоохранительных органов различных стран. Противодействие финансированию терроризма является наиболее

актуальным методом борьбы с терроризмом и его распространением и в настоящее время.

Нужно отметить, что противодействие терроризму не ограничивается материальным полем. С появлением информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» появилась и киберпреступность, как следствие — кибертерроризм.

Научная литература различает два подхода к определению термина «кибертерроризм» [14]:

- первый, рассматривает его как форму традиционного терроризма, использующего современные технологии для координации действий, пропаганды и финансирования;
- второй, связывает кибертерроризм с киберпреступностью, подчеркивая атаки на компьютерную инфраструктуру и сети.

Такой терроризм заслуживает особого внимания, так как представляет собой новый вид террористического воздействия, начиная от среды совершения преступления и заканчивая его методами и формами. Характеризуется высокой степенью анонимности и невысокой раскрываемостью [15].

В Российской Федерации нормативно правовая база в сфере противодействия киберпреступлениям постоянно совершенствуется, но по мнению Е. Э. Турутиной, меры по ограничению распространения экстремистских материалов носят общий характер [16].

Сам термин кибертерроризм не содержится в отечественных нормативных источниках так же, как и в источниках международного уровня и рассматривается в контексте преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных систем.

Первым международным актом, криминализирующим такие деяния, стала Конвенция Совета Европы о компьютерных преступлениях 2001 года [9]. Запрета коснулись деяния, направленные на нарушение конфиденциальности виртуальных информационных систем, мошенни-

чество с использованием таких систем, нарушение интеллектуальной собственности и весь цикл реализации контента, связанного с детской порнографией.

В 2024 году резолюцией 79/234 принята Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям [10]. Новая международная инициатива направлена на углубленное расширение механизмов международного сотрудничества и интеграции процессов расследования серьезных преступлений, совершённых с применением информационно-коммуникационных технологий. Текст содержит расширенные определения понятий, уточненную криминализацию деяний, углубленное международное взаимодействие, адаптацию права под современные технологии, а также образовательные инициативы и процессуальные улучшения.

Таким образом, анализ современных тенденций в сфере терроризма и кибертерроризма показывает, что угрозы безопасности приобретают все более сложный и многогранный характер. Исторический опыт свидетельствует о необходимости постоянного совершенствования правовых механизмов, международного сотрудничества и технических средств противодействия новым формам террористической деятельности. Особое значение приобретают меры по пресечению финансирования терроризма и борьбе с использованием информационно-коммуникационных технологий. В будущем особое внимание следует уделять развитию кибербезопасности, укреплению международных правовых институтов и усилению сотрудничества в сфере обмена информацией и совместных операций, что позволит более эффективно противостоять как традиционным, так и новым формам террористической угрозы.

Литература:

1. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
2. Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов. Подписана в Токио 14 сентября 1963 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/crimes_aboard.shtml
3. Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов. Принята 16 декабря 1970 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aircraft_seizure.shtml
4. Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации. Подписана в Монреале 23 сентября 1971 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aviation_security.shtml
5. Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности. Заключена в г. Страсбурге 08 ноября 1990 года [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/168007bd4a>
6. Резолюция 51/210 ГА ООН. Меры по ликвидации международного терроризма. Принята 16 января 1997 года [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/51/210>
7. Резолюция 53/108 ГА ООН. Меры по ликвидации международного терроризма. Принята 26 января 1999 года [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/53/108>

8. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма. Принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml
9. Конвенция о компьютерных преступлениях. Будапешт, 23 ноября 2001 года [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/1680081580>
10. Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям. Принята резолюцией 79/243 Генеральной Ассамблеи от 24 декабря 2024 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243>
11. Моисеев А. Б. Генезис и эволюция терроризма как социально-политического явления // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-i-evolyutsiya-terrorizma-kak-sotsialno-politicheskogo-yavleniya>
12. Куликова Ю. В. Роль политического терроризма в видоизменении идентичности Римской империи в III веке // Преподаватель XXI век. 2023. № 4. Часть 2. С. 340–350. DOI: 10.31862/2073-9613-2023-4-340-350
13. Чернядьева Н. А. Религиозное средневековое насилие как фактор становления терроризма // Труды Института государства и права РАН. 2014. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznoe-srednevekovoe-nasilie-kak-faktor-stanovleniya-terrorizma>
14. Аккаева Х. А. Международный кибертерроризм как политический феномен // Социально-политические науки. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-kiberterrorizm-kak-politicheskii-fenomen>
15. Аман К. П., Истлеев А. Б., Ахметкалиев Н. Г. Кибертерроризм как новая форма терроризма // Информация и образование: границы коммуникаций INFO. 2018. № 10 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberterrorizm-kak-novaya-forma-terrorizma>
16. Турутина Е. Э. Угроза кибертерроризма: пути противодействия // Вестник РУК. 2021. № 4 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugroza-kiberterrorizma-puti-protivodeystviya>
17. Сикарии // Электронная еврейская энциклопедия [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://eleven.co.il/jewish-history/second-temple-period/13795/>
18. Международные соглашения по борьбе с терроризмом // Internet Archive WayBackMachine [Электронный ресурс] URL: <https://web.archive.org/web/20150109000622/http://www.un.org/ru/terrorism/instruments.shtml>

Национализация как основание прекращения права собственности. Проблемы применения процедуры национализации на современном этапе

Чиркова Анастасия Юрьевна, студент магистратуры
Севастопольский государственный университет

Данная статья посвящена исследованию института национализации, как основания прекращения права собственности в современном гражданском праве Российской Федерации. В статье также рассматриваются проблемы, связанные с применением данного института, а также его правовая ценность.

Ключевые слова: национализация, пробел в праве, право собственности

Право собственности является не только широким, но и наиболее устойчивым вещным правом, составляя основную юридическую предпосылку и результат нормального имущественного оборота. Именно поэтому закон специально регулирует как основания приобретения права собственности, так и основания его прекращения.

Положения гражданского законодательства устанавливают и порядок национализации имущества, а в некоторых особых обстоятельствах, порядок установления оперативного управления имуществом, которое находится на территории Российской Федерации. Так, раз-

рабатывался депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и был принят в первом чтении проект федерального закона «О внешней администрации по управлению организацией», предусматривавший оперативное внешнее управление организациями которые имеют существенное значение для обеспечения стабильности экономики и гражданского оборота, защиты прав и законных интересов граждан в Российской Федерации или в субъекте Российской Федерации и одновременно имели владельцами или распорядителями иностранных лиц из государств, осуществляющих в отно-

шении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия. Однако никаких масштабных действий в сфере национализации имущества не производится.

Актуальность проблемы гражданско-правового регулирования национализации заключается, прежде всего, в том, что обществом неоднозначно воспринята национализация имущества в целом, так и в частности. К последнему можно отнести процесс национализации, прошедший на территории Республики Крым (например, в отношении недвижимого имущества крупных предприятий, таких как «Новацентр», ныне «УютСтрой»). Также к фактической национализации, проходящей в формате отчуждения имущества в судебном и ином порядке на территории Донецкой и Луганской народных республик, а также Запорожской и Херсонской областей.

Юристы в лице представителей цивилистической науки, отстаивая принцип защиты собственности, соглашались с необходимостью национализации части имущества, находящегося в частной собственности, исходя из интересов государства и общества. Развернувшаяся и активно продолжающаяся дискуссия по комплексу проблем национализации является наилучшим подтверждением актуальности разработки концептуальных подходов к решению задач правового регулирования национализации имущества.

В научном поле Российской Федерации указанная проблема остается малоизученной, в правовом же поле не получила широкого применения.

В связи с указанным возникает возможность изучения практического применения норм гражданского законодательства Российской Федерации о национализации, сравнения фундаментальных теоретических норм с объективно существующим правоприменением.

Национализация понимается достаточно широко, но главным в ее содержании является отчуждение или передача имущества частных лиц в собственность государства. В российском гражданском законодательстве национализация определяется как принудительное и возмездное обращение в государственную собственность имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц (ч. 4 ст. 235 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ).

При национализации имущество, находящееся в собственности граждан и юридических лиц, обращается в государственную собственность на основании закона, с предварительным возмещением собственнику стоимости этого имущества и других убытков. Действующее законодательство не допускает оспаривание в суде осуществленной национализации, допускается разрешение в суде только спора об убытках.

Для национализации характерны следующие признаки:

1) прекращение права частной собственности на национализируемое имущество с возникновением на него права государственной собственности;

2) национализация производится на основании специального закона и не может быть оспорена в суде;

3) национализация осуществляется на возмездных началах с предварительным возмещением собственнику стоимости имущества и других убытков;

4) спор об убытках может быть рассмотрен в суде.

Необходимо особо отметить, что согласно действующему законодательству, при национализации происходит смена права собственности: право частной собственности сменяется правом государственной собственности, то есть речь идет о передаче не просто имущества, а вещи от одного субъекта другому субъекту. До настоящего времени право собственности — это вещное право. Однако, когда исследуется проблема национализации, отдельные авторы толкуют ее с позиции не только вещного права, но и права обязательственного, понимая под национализируемым имуществом как вещи, так и имущественные права.

Условием проведения реквизиции является наличие чрезвычайных обстоятельств, которые следует понимать как обстоятельства, непредотвратимые при данных условиях. Гражданский кодекс РФ предоставляет государственным органам известную свободу в проведении реквизиций, поскольку вряд ли возможно перечислить все исключительные обстоятельства, когда экстренно могут потребоваться дополнительные технические средства или иное имущество как для предотвращения развития чрезвычайных ситуаций, так и для устранения их последствий.

С позиции политической экономики национализация обусловливается экономической целесообразностью обеспечения устойчивой социально-экономической политики (чаще всего национализируются капиталоемкие и малорентабельные предприятия), необходимостью укрепления обороноспособности страны, а также политическими целями.

Для российского законодательства характерно комплексное регулирование национализации (экспроприации) собственности иностранных инвесторов. Притом, что положения законов и международных договоров, в целом, подробно регулируют процедуру и основания такого способа изъятия частной собственности, необходимо выделить некоторые, как представляется, проблемные аспекты, среди которых: отсутствие ясности в определении и соотношении понятий «национализация» и «экспроприация», а также незакрепление в законе детального регулирования национализации (экспроприации) собственности иностранных инвесторов и выплаты им компенсации.

Литература:

1. Декларация об установлении нового международного экономического порядка. Принята Резолюцией № 3201 (S-VI) Генеральной Ассамблеи ООН от 1 мая 1974 г. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/econ_order.shtml (дата обращения: 03.09.2025)

2. Федеральный закон от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» // СЗ РФ. — 1999. — 12 июля. — № 28, ст. 3493;
3. Закон РСФСР от 4 июля 1991 г. N 1545-I «Об иностранных инвестициях в РСФСР» (с изм. и доп., вступ. в силу с 10 февраля 1999 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 29. Ст. 1008.
4. Богданов Е. В. Проблемы принудительного изъятия государством объектов частной собственности посредством реквизиции, конфискации и национализации по гражданскому законодательству России // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 2. — С. 25–32. — DOI: 10.17803/1729–5920.2020.159.2.025–032;
5. Вайпан В. А. Реализация принципа социальной справедливости в правовом регулировании предпринимательской деятельности: моногр. / В. А. Вайпан. — М.: Юстицинформ, 2020. — 696 с.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 38 (589) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 01.10.2025. Дата выхода в свет: 08.10.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.